

**одушевлённый
ландшафт**

В сборник вошли работы участников конференций «Психотерапевтические путешествия: теория и практика» (Самара-Подгоры, 2019) и «Одушевленный ландшафт: развитие человека и территории» (Нечаевские выселки – Москва, 2020), посвященные диалогу личности и культурного ландшафта. Издание ориентировано на широкий круг практиков и исследователей трансдисциплинарной области на стыке психологии, философии, гуманитарной географии, геопэтики, свободного движения, sight-specific arts, развития сообществ и территорий.

ISBN: 978-5-00165-234-2

9 785001 652342

одушевлённый ландшафт

одушевлённый ландшафт

А л е т е й я

ARABIA
PETRÆA

одушевлённый ландшафт

Редакторы-составители

А. С. Белорусец и С. В. Березин

Санкт-Петербург

АЛЕТЕЙЯ

2021

УДК 712
ББК 26.82
О 446

*Рекомендовано к печати организационным комитетом
международной научно-практической конференции
«Одушевленный ландшафт. Развитие человека и территории»*

Рецензенты:

Е. Б. Старовойтенко, профессор, доктор психологических наук,
руководитель Центра фундаментальной и консультативной
персонологии НИУ ВШЭ, Москва

К. С. Лисецкий, доцент, доктор психологических наук,
исполнительный директор психологического
факультета Самарского университета

О446 Одушевленный ландшафт / ред.-сост. А. С. Белорусец,
С. В. Березин. – СПб.: Алетейя, 2021. – 254 с.: ил.

ISBN 978-5-00165-234-2

В сборник вошли работы участников конференций «Психотерапевтические путешествия: теория и практика» (Самара – Подгоры, 2019) и «Одушевленный ландшафт: развитие человека и территории» (Нечаевские выселки – Москва, 2020), посвященные диалогу личности и культурного ландшафта.

Издание ориентировано на широкий круг практиков и исследователей трансдисциплинарной области на стыке психологии, философии, гуманитарной географии, геопоэтики, свободного движения, sight-specific arts, развития сообществ и территорий.

*В оформлении обложки использована фотография
А. В. Пономаревой и рисунок Н. А. Эрман.*

УДК 712
ББК 26.82

ISBN 978-5-00165-234-2

© Коллектив авторов, 2020
© А. С. Белорусец, составление, 2020
© С. В. Березин, составление, 2020
© АНО «ГородЗагород», 2020
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2020

ОБЖИВАЯ ПРОСТРАНСТВО МЕЖДУ

Для того чтобы адекватно воспринять этот сборник, нужно в первую очередь определиться с его местом: жанровым, профессионально-дисциплинарным, хронологическим. Однако это простое познавательное действие становится возможным лишь до определенной степени. В привычные дисциплинарные или жанровые рамки работы, вошедшие в сборник, заведомо не вписываются. Вместе с тем хотя бы примерные координаты задать необходимо.

Самая очевидная адресация указывает на то, что это сборник работ участников трансдисциплинарной конференции «Одушевленный ландшафт: развитие человека и территории», которая состоялась 11–13 сентября 2020 года в удивительном пространстве MelnicaSpace (впрочем, часть участников конференции физически находились вовсе не там, некоторые — буквально — на другом континенте). Но в сборник вошли и несколько работ участников прошлогодней конференции «Психотерапевтические путешествия: теория и практика», которую, впрочем, сами участники переименовали в «Психологические путешествия...».

Важно, что сборник включает в себя не только тезисы к конференции, но и развернутые статьи, написанные уже после выступлений по мотивам не только сказанного, но и услышанного. Во многом статьи сборника — это результат того, что выкристаллизовалось уже после конференции. Однако *post hoc non est propter hoc* («после» не значит «вследствие»). Таким образом, конференция стала тем плодотворным дискурсом, который направил фокус внимания участников на возможные грани проблем, и тем самым как бы сформулировала перед авторами задачи по огранке их работ.

Впрочем, все работы многогранны и ценны тем, что, подобно драгоценным камням, многократно преломляют и отражают световой поток, попавший на любую из граней. В итоге возникает череда взаимных отражений, единомыслие ракурсов, игра контекстов и уж точно разносторонность взгляда. Нетрудно заметить, как тезисы и аргументы авторов корреспондируют друг с другом, преодолевая парадигмальные и дисциплинарные границы. Трансграничная коммуникация позволяет авторам сборника не только обнаружить общие черты, но и предложить (одарить) друг другу новые идеи как квинтэссенции общих черт. Так возникает уникальность — одаренность квинтэссенцией общих черт.

Думается, что структурировать трансдисциплинарную коммуникацию авторов сборника может парадигма «общей персонологии» — целостного знания личности, о личности и во имя личности, предложенная В. А. Петровским и Е. Б. Старовойтенко и сформулированная в виде геометрической модели треугольника или пирамиды. Вершинами пирамиды оказываются не только привычные Теория (или фундаментальная персонология) и Практика (практическая психология личности), но и Герменевтика (или культурная персонология, обращающая свой взор к личностному в человеческой культуре и не гнушающаяся искусством). Четвертый полюс, полюс самополагания, превращает треугольник в пирамиду, делая фигуру объемной. На этом полюсе располагается то, что М. Полани назвал личностным знанием, которое, вступая в отношения с другими полюсами пирамиды, получает возможность воплотиться, причем не только в рефлексивных текстах, но и в феноменах само-движения и само-созидания личности. Строго по Л. С. Выготскому: речь личности выполняет не только коммуникативную (и автокоммуникативную), но и регуляторную (и авторегуляторную) функции. Возможно, Л. С. Выготский не возражал бы и против выделения перформативной функции.

Именно эти четыре полюса мы решили положить в основу навигации по сборнику, условно разделив работы на

четыре раздела в соответствии с вершинами пирамиды общей персонологии: «Теория», «Практика», «Культура» и «Я». Еще раз оговоримся, что деление это условно и, более того, для того чтобы «что-то возникло», в работе должна проявиться не только какая-то из вершин пирамиды, но и ее ребра и грани. В этом смысле точнее была бы навигация посредством описания маршрута авторской мысли через несколько вершин пирамиды, в духе "веерных матриц", например: «Теоретизирование по поводу личностно-затрагивающей практики в связи с культурным контекстом» или «Практика интенсификации диалога личностного и культурного».

...Почти перед самой сдачей текста в печать мы обнаружили в сборнике еще один раздел — «Документы». Он возник как-то сам собой. Если первые четыре раздела, по определению, персонологичны, т.е. личностны, субъектны, то этот раздел скорее объектен: это буквально следы, которые оставили прошедшие конференции: стенограмма круглого стола, программы, отчеты для сайтов вузов-организаторов.

Мы уверены, что читателю вряд ли стоит отдавать предпочтение какой-то одной группе публикаций по полюсно-му или дисциплинарному принципу («я практик и буду читать только про практику» или «я психолог и буду читать только психологические работы»). Напротив, стоит читать самые разные работы и открывать для себя, как феномены, практики, модели, описываемые в одном контексте, корреспондируют с феноменами, практиками и моделями в другом контексте, замечать этот наметившийся и развивающийся диалог.

Завершая сборник два особенных синтетических текста. В обоих - персонологическая пирамида дана симультанно: сразу и целиком. Подводя итог сборнику, оба этих текста одновременно и открывают новую перспективу.

Одна из его основ — общий язык. В текстах авторов сборника ландшафт не всегда оказывается в позиции предмета рассмотрения, но, взятый в качестве метафоры, создает прообраз общего понятийного аппарата, который,

конечно, еще только предстоит построить. Для культурной географии культурность ландшафта — это прежде всего явное, или чаще не явное, присутствие в нем следов активности человека — своеобразный слепок человеческой практики. Для психолога культурность ландшафта — опосредованное культурой восприятие ландшафта и его отдельных элементов. Несмотря на очевидное отличие предмета культурной географии и психологии (как, впрочем, и антропологии, культурологии), диалог не просто возможен — он стал реальностью на полях конференции и в текстах ее участников. Ландшафт, взятый в качестве метафоры, — этот ход оказывается продуктивным и обеспечивает возможность если не взаимопонимания, то взаимного интереса. У метафоры есть важнейшая особенность: она может возникать спонтанно, по внешнему и как бы несущественному сходству предметов, но если это продуктивная метафора, то за поверхностным сходством обнаруживается глубинная связь, которая, вероятно, так и осталась бы непознанной, не возникни эта метафора. О раскрывающем потенциале метафоры речь идет в работе А. С. Белорусца. В свою очередь, очерк культурного ландшафта, подготовленный В. Л. Каганским, дает развертку понятия и акцентирует свойства культурного ландшафта, что становится предпосылкой для более обоснованного и продуктивного использования пространственных метафор.

Сказанному есть отличная иллюстрация. Созданный полтора десятка лет назад С. В. Березиным и Д. С. Исаевым метод психотерапевтической групповой работы в форме загородного путешествия получил название «ландшафтная аналитика». Как бы факультативное прилагательное «ландшафтная» (кажется, вместо него могло бы быть «походная», «природная» и т. п.) перебросило мостик к феномену культурного ландшафта, через свойства которого, например сплошность (в противовес привычной дискретности-предметности), вполне может быть понято исцеляющее действие метода. Особенности культурного ландшафта как особой реальности при внимательном взгляде и оказываются сущностными особенностями метода,

подчеркивающими его отличие от других внекабинетных психопрактик.

Но вернемся к работам, вошедшим в сборник. Каждая из них предлагает свой взгляд, особую перспективу, ракурс, который делает видимым значимый для автора аспект реальности. В каждой статье — желание поделиться если не знанием, то идеей, имеющей свою перспективу научной и практической разработки. Не всегда есть скрупулезное обоснование, но всегда есть свидетельство: я увидел это таким. В этом особая ценность: не аргументация или агитация, но предъявление ценного для меня. В работах, вошедших в сборник, предлагаются авторские образы профессионального мира или, если угодно, умельцы: образы обжитого профессионального пространства. Вместе с тем обжитого профессионального пространства авторам сборника явно мало. Они — настоящие путешественники, отправляющиеся в пока еще плохо картографированное пространство между. Откуда это? Если внимательно вчитаться в тексты авторов, то очевиден будет лейтмотив — присвоение пространства. Есть основания полагать, что внутренний мир человеческого «Я» имеет свои пространственные характеристики. Если это так, то присвоение пространства выступает одним из условий развития личности. Попробуйте подобно авторам сборника озадачиться вопросом преобразования условий развития личности в средства ее развития, и тогда вы точно будете смотреть на ландшафт по-другому.

Интересен диалог контекстов и диалог источников через обширные цитаты. Авторы делятся своими кругами чтения, хорами значимых голосов. Эти источники — что-то вроде звездного неба над различными территориями, выстраиваемыми авторами сборника. Если так, то именно общее небо и «неподвижные звезды» на нем могут оказаться связующим звеном для построения общей картины мира. Они — основа навигации, по ним с некоторой точностью можно определить взаимное расположение островков «территории» каждого из участников сборника — выстроить маршрут от одного островка к другому.

Не обязательно речь идет о маршруте «по поверхности», иногда может оказаться, что несколько «островков» суть разные образы одной и той же «территории». Попытка их совмещения — тоже путь, но как бы вертикальный: от слоя к слою. Возможен и обратный ход, прекрасно описанный Данте, — встреча с другими звездами.

Конечно, все эти пути еще только предстоит пройти. Но уже сейчас самостоятельную ценность представляет промежуточный результат — яркие, самобытные профессиональные образы мира, открытые к общению.

А. Белорусец, С. Березин

ТЕОРИЯ

Березин С. В.

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ «Я»

Аннотация: Обосновывается гипотеза существования пространственных и временных параметров «Я» личности. Предполагается, что средством построения внутреннего пространства «Я» являются механизмы сенсорно-двигательного пространственного моделирования. Рассматривается роль элементов ландшафта в моделировании пространственных отношений. Анализируется роль культуры в коллективном и индивидуальном восприятии пространства. Обосновывается возможность построения психологических практик в условиях природного ландшафта. Обсуждается феномен субъективизации ландшафта.

Ключевые слова: пространство «Я», время «Я», пространственное моделирование, ландшафтный объект, субъективизация ландшафта, актуализирующее воздействие ландшафта.

Рассуждая о своей жизни, люди нередко используют различные пространственные концепты: «жизненный путь», «поднялся», «опустился...», «там, вверху», «между небом и землей», «заблудился», «на распутье».

Концепты, обозначающие ландшафтные объекты, также используются людьми для описания своей актуальной жизненной ситуации: «жизнь, как в болоте», «темный лес», «забрался в дебри», «на вершине», «идти по краю пропасти», «плыву по течению», «блуждаю, как в лабиринте».

Пространственные концепты используются в практике повседневного общения для описания психологических характеристик человека в целом: «широкая душа», «высокого полета человек», «низкие нравы».

Различные пространственные концепты используются для описания отдельных сторон психики индивида: «узко мыслит» или, наоборот, «мыслит широко», «недалекого ума человек».

Пространственные и ландшафтные концепты используются и для фиксации отклонения индивида от нормы:

«витаает в облаках», «как из леса вышел», «темный лес в голове», «просто тундра».

Концепты, связанные с пространством и ландшафтом, используются в повседневных речевых практиках для описания отношений: «отдалился от меня», «далекие отношения» или, наоборот, «близкие отношения», «пошел налево».

Активное использование пространственных и ландшафтных концептов в речевых повседневных практиках не может быть случайным — оно отражает не только речевую картину мира, но и сообщает нам о глубинной связи психики и пространства-времени.

Интересно, что в процессе биологической эволюции у человека не сформировались специальные рецепторы для различения пространства и времени. Человек воспринимает пространство и время с помощью неспецифических органов чувств — зрение, слух, положение тела. Размышляя над этой особенностью человека, Н. А. Бернштейн говорил об абстрагированном моторном образе пространства, основанном на механизмах функционирования центральной нервной системы: «Есть немалые основания полагать, что в верховном моторном центре мозга локализационно отражено не что иное, как какая-то проекция самого внешнего пространства в том виде, в каком она моторно дана субъекту. Эта проекция <...> должна быть конгруэнтной с внешним пространством, но конгруэнтной только топологически, а не метрически... Надо только оговориться, что топологические свойства проекции пространства в центральной нервной системе могут на поверку оказаться очень неожиданными и странными: не следует надеяться увидеть в головном мозгу что-либо вроде фотографического снимка пространства, хотя бы и очень деформированного» [Бернштейн 1966, с. 70].

Проекция пространства дана субъекту моторно... Задержимся еще на этой мысли Н. А. Бернштейна. Моторно — то есть двигательно, через движение и действия. Оказавшись за пределами хорошо освоенного пространства повседневности, индивид начинает взаимодействовать с различными элементами ландшафта, используя все возможные сенсорные каналы и способы взаимодействия, соответствующие этим каналам:

— пристально вглядываться в окружающие предметы и элементы ландшафта, обращать внимание спутников на что-то, привлекающее внимание;

— прикоснуться к поверхностям, брать в руки какие-то предметы и включать их в свои действия (опирается на поднятую палку, бросает камешки в воду или в расщелину);

— вслушиваться в звуки, кричать, чтобы услышать эхо;

— пробовать на вкус (воду в ручье, известные ягоды, минералы);

— приюхиваться (замечая запахи).

Движения, действия, включение различных сенсорных каналов формируют у человека «образ места», позволяющий в полной мере ощутить свое присутствие в нем. Переживание присутствия, на наш взгляд, означает проекцию «места пребывания» во внутреннее пространство «Я» человека. Мы в полной мере можем рассматривать этот процесс как своеобразный акт «присвоения» места пребывания. Именно с этим мы связываем стремление человека унести с собой что-то, что было бы непосредственно связано с местом пребывания — камешки, ракушки, засушенные растения и т. п. С этим же процессом «присвоения места» мы связываем стремление человека оставить знак своего пребывания — надписи типа «здесь был...», фото на фоне и т. п. Возможно, именно поэтому нам недостаточно «просто увидеть» место, ландшафт или пространство — нам необходимо взаимодействие с местом пребывания, иначе любое путешествие могло бы быть с успехом заменено видеорядом.

Таким образом, активное взаимодействие индивида с различными элементами ландшафта с использованием всех возможных сенсорных модальностей и активное перемещение в нем выполняет не только познавательную функцию, но и служит основой построения внутренней проекции «внешнего мира».

Конечно, открытой проблемой остается и «проекция внешнего мира», и необычность ее свойств, о которых предупреждал Н. А. Бернштейн.

Вполне возможно, что средством и основой построения внутреннего пространства/времени личности — внутреннего мира — субъективного пространства индивидуального «Я»

являются механизмы сенсорно-двигательного пространственного моделирования.

Если допустить, что моделирование пространственных отношений является средством и основой построения субъективного пространства индивидуального «Я», то придется также допустить возможность разработки психотехнических методов изменений субъективного пространства «Я».

Аргументом в пользу нашей гипотезы является практика системных расстановок [Хелингер 2003]. В расстановках изменения в системе отношений человека с различными аспектами бытия достигаются не только с помощью фраз-решений, но и посредством его перемещений в поле расстановки. На профессиональном сленге расстановщиков это называется «работать географией». С высокой долей уверенности можно говорить, что системная расстановка — это экстериоризация внутреннего мира индивида и его визуально-пространственная репрезентация. Такой взгляд на события в поле расстановки делает ее весьма перспективным методом изучения пространственно-временных характеристик внутреннего мира личности [Березин 2015]. Интересно, что время в такой визуально-пространственной репрезентации внутреннего мира человека синкретично — прошлое, настоящее и будущее слиты и неотделимы друг от друга. Здесь и сейчас в расстановке разворачивается «там и тогда» перманентно присутствующее в «здесь и теперь», «езде и всегда». Внешнее по отношению к человеку время его жизни линейно — оно «вытянуто» от прошлого к будущему — и дискретно — разделено на дни, годы, «эпохи», периоды. Даже если человек обнаруживает сценарную цикличность событий своей жизни в малом масштабе («день сурка») или большом масштабе («жизнь по кругу»), время жизни продолжает восприниматься им линейно и дискретно. Синкретичность времени внутреннего пространства человеческого «Я» для нас очевидна. В этом нас убеждает не только практика системных расстановок, но и теоретически обоснованная практика транзактного анализа [Берн 2010].

В связи с этим позволим себе высказать предположение, которое оставим здесь без всякой дальнейшей аргументации: возможно, что физиологической основой пространственно-

временного моделирования является хронотоп — «закономерная связь пространственно-временных координат» [Ухтомский 2002, с. 347]. Особое значение для нас имеет то, что хронотоп в концепции А. А. Ухтомского объединяет не только время и пространство, но и материальное и духовное, физическое и психическое, социальное и личностное, культурное и природное в нечто целое.

Сформулированная А. А. Ухтомским идея хронотопа оказалась продуктивной в гуманитарных науках — М. М. Бахтин весьма плодотворно использовал ее в анализе художественных текстов. Как показывают исследования Т. Д. Марцинковской и Е. Ю. Балашовой, категория хронотопа обладает высоким эвристическим и, как нам кажется, инструментальным потенциалом в психологии [Марцинковская 2017]. Так, по мнению А. А. Ухтомского, рассогласованность временных и пространственных координат в жизни людей связана с рассогласованностью их жизни в биологическом и социокультурном мире. Интересным развитием этого положения А. А. Ухтомского стала разработанная А. В. Сухаревым этнофункциональная психология и психотерапия [Сухарев 2002].

Размышляя о пространственных составляющих здоровья, Л. П. Гримак на основе анализа философских, антропологических, культурологических, клинических и психофизиологических концепций приходит к однозначному выводу: «Субъективное отражение объемных параметров внешней среды привело к образованию фундаментальной функции мозга — топологической проекции пространства в центральной нервной системе, так называемого «внутреннего психологического пространства личности» [Гримак 1999, с. 50].

Важность этого психологического механизма, по мнению Л. П. Гримака, состоит в том, что «в нем запечатляются и моделируются пространственные аспекты внешней жизнедеятельности организма» [Гримак 1999, с. 50]. Развивая эту мысль Л. П. Гримака, легко прийти к логическому выводу о том, что все внутренние аспекты жизни человека имеют пространственные характеристики.

Предположение о том, что основой построения внутреннего пространства «Я» индивида являются психические

процессы моделирования пространственных отношений, позволяет сформулировать несколько неочевидных следствий.

Во-первых, основную роль в процессах моделирования пространственных отношений играют ландшафтные объекты.

Во-вторых, как индивидуальное, так и коллективное восприятие пространства и времени зависит от культуры, которая сама в значительной степени зависит от ландшафта, вмещающего ее носителей.

В-третьих, изменения восприятия индивидом внешнего пространства могут не только маркировать изменения в его внутреннем пространстве, но и быть средством изменения внутреннего пространства его «Я». Это обстоятельство обосновывает возможность построения методов психологической работы с использованием ландшафта и его отдельных элементов.

В-четвертых, отношения человека с различными аспектами его бытия проявляются в особенностях восприятия им ландшафта. Речь идет о том, что в системе «человек — ландшафт» индивид проецирует на ландшафтный объект (или окружающее его пространство) свои эмоциональные состояния и другие аспекты своего субъективного опыта. В этом заключается субъектификация ландшафта.

В-пятых, существуют такие элементы ландшафта (ландшафтные объекты), контакт с которыми актуализирует у человека эмоциональные переживания и смыслы вполне конкретной направленности. В этом заключаются актуализирующие возможности ландшафта.

Очевидно, что каждый из сформулированных тезисов нуждается в специальном обосновании.

Роль ландшафтных объектов в моделировании пространственных отношений. Пространство, в котором живет человек, всеобъемлюще. Фалес Милетский выразил эту мысль просто и ясно: «Больше всего пространство — оно объемлет все». Однако само пространство может быть воспринято благодаря тому, что элементы наблюдаемого ландшафта выступают как опорные точки его структурирования. Разница в восприятии дневного и ночного неба очевидна: ночное небо воспринимается как имеющее протяженность, глубину, направление и даже форму благодаря

наблюдаемым на нем звездам, которые структурируют его пространство; безоблачное дневное небо воспринимается как изотропная бесконечность, не имеющая структуры.

Восприятие географического пространства осуществляется благодаря восприятию формы, величины, взаимного расположения ландшафтных объектов, их удаленности и направления, в котором они находятся. Именно компоненты ландшафта были той исходной данностью, которая использовалась для выживания и подлежала осознанию. Очевидно, что именно ландшафтные объекты, их взаимное расположение и время, необходимое для перемещения от одного из них до другого, являлись внешней материальной основой для формирования первичных бинарных оппозиций, моделирующих мир архаического сознания: «верх — низ», «левое — правое», «далеко — близко», «юг — север», «восток — запад», «земля — небо». Заметим также, что различные элементы природного ландшафта (ландшафтные объекты) служили не только для ориентации в пространстве, но со временем приобретали экстрапсихические функции.

Размышляя о роли природного ландшафта в становлении человеческого сознания, И. И. Свирида пишет: «ландшафт служит частью не только внешнего, но и внутреннего пространства человека» [Свирида 2007, с. 23].

Природный ландшафт становится частью внутреннего пространства человека как результат проекции «самого внешнего пространства» (А. Н. Бернштейн), однако, топологические свойства проекции, как и предполагал А. Н. Бернштейн, оказались очень неожиданными.

Роль культуры в коллективном и индивидуальном восприятии пространства. Предки человека жили в природном ландшафте и были его частью. Их жизнедеятельность и необходимая для этого ориентация в пространстве достаточно эффективно обеспечивались эволюционно обусловленными формами территориального поведения.

Однако, уже на начальных стадиях формирования человеческого сознания восприятие пространства претерпело кардинальные изменения. Можно предположить, что осознание

естественного ландшафта сопровождалось семантизацией и сакрализацией его элементов.

Со временем ландшафтные объекты приобретали в коллективном сознании образность и семантику. Природный ландшафт все больше и больше преобразовывался в ландшафт-текст, который, постепенно становясь более подробным, запечатлевал мифологию связанного с ним и формирующегося в нем человеческого коллектива.

Разрабатывая идею культурной памяти, Я. Ассман пишет о ландшафтах воспоминания: «...в коллективной и культурной мнемотехнике, в "помнящей культуре", пространство также играет ведущую роль... Даже целые местности, и прежде всего они, могут служить средствами культурной памяти. Они в этом случае не столько размечаются знаками ("памятниками"), сколько сами поднимаются в ранг знака, т.е. семантизируются» [Ассман 2004, с. 63].

Я. Ассман приводит пример того, как у австралийских аборигенов местность с ее ландшафтными объектами служит не только средством коллективной памяти, но и коллективной идентификации: «По большим праздникам они (аборигены Австралии. — С.Б.) утверждают свою групповую идентичность тем, что отправляются в определенные места, с которыми связано воспоминание о духах предков, от которых они происходят» [Ассман 2004, с. 63]. Вероятно, что, оказавшись в таких «местах памяти» (мнемотопы), человек погружается во вполне определенные переживания. Есть также основания полагать, что человек, принадлежащий к культуре, частью которой являются мнемотопы, способен вполне эффективно расшифровывать метафоры «мест памяти». Это означает, что индивидуальное и коллективное восприятие ландшафта имеет определенную культурную обусловленность.

На наш взгляд, такую же функцию коллективной идентификации в современной России выполняют памятники и памятные места, связанные с Великой Отечественной войной.

Обосновывая сложное взаимодействие культуры и ландшафта, И.И. Свирида анализирует происхождение лабиринта: «Естественный ландшафт повлиял на структуру лабиринта — одну из наиболее многозначных пространствен-

ных архитектурных форм. Его происхождение связано как с ландшафтными элементами, так и с мифологией. Мифология сама обнаруживает зависимость от ландшафта и его рельефа, о чем свидетельствовала крито-микенская культура с ее легендарным, как полагают ученые, лабиринтом и мифом о Минотавре» [Свирида 2007, с. 23]. Если иметь в виду, что архаическое сознание существовало в форме мифа, то можно предположить наличие глубинной генетической связи между ландшафтом и сознанием.

С другой стороны, разнообразные продукты ментального освоения пространства не только фиксируют природное в культуре, но и опосредуют восприятие ландшафта и природы. Восприятие человеком различных сторон его жизни опосредовано прошлым опытом, то есть его субъективностью. Восприятие ландшафта и его отдельных элементов опосредовано не только индивидуальным опытом, но и культурой, из гипертекста которой индивидуальное сознание «вычерпывает» свое содержание. Таким образом, и коллективное, и индивидуальное восприятие ландшафта всегда культурно обусловлено. Воспринимая ландшафт, человек неосознанно проецирует на него содержание своего культурно обусловленного индивидуального опыта. Мало кто отдает себе отчет в таком акте видения.

Использование ландшафта в психологических практиках. Реальное или воображаемое взаимодействие с ландшафтом и отдельными ландшафтными объектами давно и, на наш взгляд, достаточно эффективно используется в различных терапевтических практиках. В нашей более ранней работе содержится далеко не полный, но вполне достаточный обзор таких практик [Березин, Исаев 2009]. Направленное фантазирование (Р. Дезолье), направленное аффективное воображение (Х. Лейнер), творческие путешествия и терапия творческим общением с природой (М. Е. Бурно), ландшафтная аналитика (С. В. Березин, Д. С. Исаев), ландшафтная аналитика с собаками (Ю. В. Конопельцева), ландшафтная арт-терапия (А. И. Копытин) — все это примеры психотерапевтических методов, построенных на разных методологических основаниях и в той или иной форме использующих разнообразные феномены, возникающие в системе

отношений «человек — ландшафт». С помощью различных методов (тесты, беседа, интервью, анализ дневниковых записей, шкалирование и др.) исследователи обоснованно доказали эффективность психотерапевтических методов работы в системе «человек — ландшафт». С тем, что «это хорошо работает», более-менее ясно. Неясность сохраняется в том, как это работает? К слову, вместе с добротными описаниями психотехник появляются respectable работы, содержащие теоретико-методологические обоснования методов и техник работы в системе «человек — ландшафт». Примером таких работ может быть исследование А. С. Белорусца и Ю. В. Конопельцевой [Белорусец, Конопельцева 2017].

Субъектификация ландшафта. Проецирование субъективного содержания коллективного и индивидуального опыта на ландшафт и его элементы наполняет их субъективностью, они начинают восприниматься как наделенные чувствами, намерениями, способностью реагировать. Психологическое содержание, проецируемое человеком на ландшафт и его объекты, как бы отчуждается от самого человека и начинает восприниматься им как проявление собственной субъективности ландшафта.

«Унылый лес...» — говорит человек, находясь в лесу поздней осенью. Ни звуков птиц, ни приятной прохлады в знойный летний день, ни буйства красок сентября — тишина в серо-коричневых пастельных тонах. Человек переживает уныние, но вместо того, чтобы сказать: «Я переживаю уныние», человек говорит: «Унылый лес». Таким образом, человек проецирует свое состояние на лес, приписывает ему свое уныние и начинает воспринимать лес как лес, переживающий уныние. Собственное уныние отчуждается от субъекта и начинает восприниматься им как состояние леса.

Процессы субъектификации ландшафта метафорически можно сравнить с разговором человека с эхом — услышав его, мы восторженно восклицаем: «Оно мне ответило!» Эхо нередко воспринимается как нечто живое, пусть и невидимое, но обладающее собственной активностью. Воспринимаемый нами сквозь призму собственных проекций и ожиданий ландшафт и/или его отдельный элемент наполняются нашей субъективностью и становятся для нас нашим альтер-эго, не

идентифицируемым как таковое. Диалог человека с самим собой, где собеседник — мое другое «Я», с высокой вероятностью принимает форму берновских игр. Этого не происходит, если мое другое «Я» воплощено в ландшафтном объекте. Отраженный поверхностью Луны солнечный свет воспринимается как ее собственный, но, будучи отраженным, он приобретает иные свойства. Так и с ландшафтом: все, что мы проецируем на ландшафт, — это наше собственное содержание, но, будучи «отраженным», это содержание приобретает иные свойства.

Целый веер фантазий и эмоциональных комплексов проецируется на природные объекты, «оживляя» их. Особенно заметны процессы субъектификации в контакте человека с теми объектами, которые использовались в практике инициаций и шаманских посвящений, которые сакрализировались еще во времена глубокой архаики и как важная часть вошли в структуру мифов, ритуалов и сказок. Это означает, что процессы субъектификации ландшафта могут быть рассмотрены не только в связи с проецированием индивидуального субъективного опыта, но и в связи с проецированием коллективного опыта. В этом случае переживания «субъектности» ландшафта усиливаются тем, что подавляющее большинство людей крайне плохо дифференцируют собственный опыт и опыт коллективный: проецируя на ландшафт и/или его объекты какое-либо содержание, мы плохо распознаем в этом содержании коллективный опыт, который зачастую воспринимается как относящийся к самому ландшафту, а не к человеку.

В связи с этим нам представляются заслуживающими интерес работы В. И. Панова, который обосновывает идею «целостного представления системы «индивид — среда» как единого, совокупного «субъекта», реализующего в своем становлении самоосуществление общеприродных закономерностей становления форм материального бытия» [Панов 1999].

Актуализирующее воздействие ландшафта.

В различных видах искусства и жанрах народного творчества ландшафт и отдельные элементы ландшафта присутствуют не только как эмоционально насыщенный и выразительный фон, позволяющий передать состояния и смыслы действий

героя, но и как нечто, побуждающее и направляющее его мысли, чувства и поведение.

Нынче ветрено и волны с перехлестом.
Скоро осень, все изменится в округе.
Смена красок этих трогательней, Постум,
Чем наряда перемена у подруги

[Бродский 1990, с. 97]

Лирический герой поэтического произведения созерцает окружающий его ландшафт, прогнозирует его сезонные изменения, погружается в эмоциональные переживания, вызванные видами природы и собственными мыслями. И в следующий момент к нему приходит озарение:

Дева тешит до известного предела —
Дальше локтя не пойдешь или колена.
Сколь же радостней прекрасное вне тела:
Ни объятье невозможно, ни измена!

[Бродский 1990, с. 97]

Со мной можно не согласиться, но восклицательный знак, поставленный автором в конце четверостишия, на мой взгляд, маркирует именно озарение героя: прекрасное вне тела, которое невозможно объять и в отношениях с которым невозможна измена, гораздо радостней, чем телесно ограниченные утехи, «предоставляемые» девой. Заметим, что в восприятии героем ландшафта отсутствуют процессы субъективизации — состояние героя переживается им как его собственное и не проецируется на ландшафт. В данном случае созерцание ландшафта и вызванные им переживания перемещают в фокус сознания героя материал, который находился на периферии сознания, актуализируют его. Скорее всего, когда мы говорим о субъективизации ландшафта и его актуализирующем воздействии, речь идет о разных феноменах.

Анализируя и обобщая результаты наблюдений в процессе психологических путешествий (ландшафтная аналитика), мы видим, что некоторые элементы ландшафта и ландшафт-

ные объекты обладают по отношению к современному человеку потенциалом актуализирующих воздействий. Контакт с такими ландшафтными объектами обращает внимание человека на те стороны его существования, которые в условиях повседневности «зашумлены» социальной и бытовой активностью и находятся на периферии сознания. В потоке повседневности в таких столь разных событиях обыденной жизни, как развод, выход на пенсию, увольнение, уход детей из семьи, расставание с любимым человеком, переезд в другую местность, очень сложно увидеть то общее, что присутствует в связанных с ними переживаниях, — страх перед абсолютной непредсказуемостью существования, за спиной которого маячит страх смерти. Как пишет И. Ялом, «факт смерти разрушает нас, идея смерти может нас спасти» [Ялом 2008, с. 320]. Вытесняя из сознания неизбежность собственной смерти, человек вытесняет и идею смерти, осознание и принятие которой означало бы большую ответственность за каждое мгновение жизни.

Пещера воплощает в себе идею смерти непосредственно. Стоя в устье пещеры, человек оказывается не только на границе света и тьмы, земного и подземного мира, но и на границе между жизнью, которую можно наблюдать вокруг, и смертью, скрытой в мраке, холоде и сырости пещеры. Контакт с пещерой, обеспечиваемый различными сенсорными модальностями, актуализирует у человека переживания, которые, по мнению И. Ялома, являются «наиболее действенным пограничным опытом». Нередко в таких переживаниях человеку открываются новые смыслы его жизни.

Ручей также непосредственно воплощает в себе идею жизни. В этом легко убедиться, если предложить участникам путешествия без всякой цензуры и оценки называть ассоциации, возникающие у них на берегу ручья. Нетрудно догадаться, с чем ассоциируется у участников путешествия движение к устью ручья или его истоку. Заметим, что при возможности свободного выбора участники выбирают направление движения в зависимости от их экзистенциальной ситуации.

Мощным актуализирующим потенциалом обладают ландшафтные объекты, которые включены в структуру ритуала, мифа, часто предстают в сновидениях, упоминаются

в религиозных текстах, легендах, сказках, использовались в практике инициаций, то есть те объекты, которые живут в культуре. На наш взгляд, это объясняется структурным сходством (если не тождеством!) глубинных кодов культуры и человеческого сознания [Агранович, Березин 2005]. Ландшафт и его компоненты были исходной данностью, которая в процессе возникновения и развития человеческого сознания мифологизировалась и семантизировалась, обретала свое бытование в культуре, а значит, и свое место в культурно обусловленном сознании человека.

Если предположение о том, что сенсорно-двигательный контакт человека с ландшафтом служит основой построения внутреннего пространства/времени «Я», верно, то выражения «пещера моего сердца», «река моей жизни» и т. п. перестают быть только метафорами, а путешествия становятся средством развития личности.

Литература

- Агранович С. З., Березин С. В. Номо amphiboles: Археология сознания. Монография. — Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2005. — 344 с.
- Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 368 с. — (Studia historica)
- Белорусец А. С., Конопельцева Ю. В. Ландшафтная аналитика: теоретические основания и психотехнические приемы // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Т. 25. № 41. С. 156–171.
- Березин С. В., Исаев Д. С. Ландшафтная аналитика: опыт трансдисциплинарной психотерапии. — Самара: Универс групп, 2009. — 111 с.
- Березин С. В. Расстановка как кино. В кн.: Психологические исследования: сб. науч. трудов. Выпуск 11 / под ред. К. С. Лисецкого, В. В. Шпунтовой. — Самара: Самарский университет, 2015. — С. 205–215.
- Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры / в игры / Пер. с англ. А. Грузберга. — М.: Эксмо, 2010. — 576 с.
- Бернштейн Н. А. Очерки по физиологии движения и физиологии активности. — М., 1966.

- Бродский И. А. Назидание. Стихи 1962–1989. — Л.: СП «Смарт», 1990. — 260 с.
- Гримак Л. П. Пространственные составляющие здоровья // Прикладная психология и психоанализ. 1999. № 1. С. 41–53.
- Марцинковская Т. Д., Балашова Е. Ю. Категория хронотопа в психологии. // Вопросы психологии. 2017. № 6. С. 48–60.
- Панов В. И. Психические состояния как объект и предмет психологического исследования // Мир психологии. Научно-методический журнал. — М.: Психолого-социальный институт НПО «МОДЭК», 1999.
- Свирида И. И. Ландшафт в культуре как пространство, образ и метафора. В кн.: Ландшафты культуры. Славянский мир. — М.: Прогресс-Традиция, 2007. — 352 с.
- Сухарев А. В. Введение в этнофункциональную психологию и психотерапию. — Учебное пособие. — М.: ГАСК, 2002. — 240 с.
- Ухтомский А. А. Доминанта. Статьи разных лет. 1887–1939. — СПб.: Питер, 2002. — 448 с.
- Хеленгер Б. Порядки любви. Разрешение семейно-системных конфликтов и противоречий. — М.: Изд-во Института психотерапии. 2003. — 400 с.
- Ялом И. Вглядываясь в солнце. Жизнь без страха смерти. — М, 2008.

Справка об авторе: Сергей Викторович Березин — кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной психологии Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королева, автор (в соавторстве с Д.С. Исаевым) метода «ландшафтная аналитика». serg-berezin@yandex.ru

ОЧЕРК ФЕНОМЕНОЛОГИИ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

Памяти Р.Г. Баранцева¹

Аннотация: Представление (культурного) ландшафта как феномена в русле феноменологически и семиотически обогащенной российской школы теоретической географии В.П. Семенова-Тян-Шанского — Б.Б. Родомана. Понятие «культурный ландшафт» фиксирует упорядоченность, взаимосвязанность и закономерность явлений на поверхности Земли в пространственном аспекте, единство природных и культурных компонентов. Мир земной поверхности — сплошной многослойный ковер, а не россыпь отдельных объектов. Культурный ландшафт формируется на природной основе, но не сводим к ее антропогенной трансформации; имеет автономные закономерности. Ландшафт — объемный многокомпонентный комплекс поверхности Земли на природной основе, картируемый, районизируемый и путешествуемый; единство тел, форм, функций и смыслов.

Ключевые слова: географ, диалог мест, ландшафт, путешествие, смысл, сплошная пространственная среда, умвелт.

Общее представление (о культурном) ландшафте

Понятие «культурный ландшафт» фиксирует упорядоченность, взаимосвязанность, закономерность явлений на поверхности Земли в пространственном аспекте, прежде всего единство природных и культурных компонентов. Благодаря этому мир земной поверхности предстает сплошным многослойным покровом, а не набором отдельных природных и культурных объектов. Культурный ландшафт — целостное образование. В этом понятии и явлении «культура» и «ландшафт» соединены не механически: учение о культурном ландшафте — не сумма знаний о ландшафте и

¹ Рэм Георгиевич Баранцев (02.10.1931–20.08.2020) — выдающийся российский (СПб) физик (аэромеханик) и широкий мыслитель, организатор и активный участник междисциплинарных исследований. Благодарно вспоминаю глубокое обсуждение феномена и исследований сплошных сред, роднящих его основную область и ландшафт.

культуре. Научное понятие «культурный ландшафт» нейтрально, не оценочно; «культурный» означает связанный с культурой как человеческой деятельностью, а не положительный / прекрасный. Культурный ландшафт соотносится с природным ландшафтом, а не противопоставляется «некультурному».

У «классиков» [Берг 1931; Семенов-Тянь-Шанский 1928] понятие «культурный ландшафт» выражает сплошность, единство, упорядоченность и закономерности обитаемого пространства земной поверхности, характерные сочетания разных видов природных и хозяйственных угодий. Понятие культурного ландшафта тогда продолжает, расширяет и отчасти вбирает содержание понятия «природный ландшафт» [см.: Арманд 1975; Арманд 1988].

Понятие культурного ландшафта служит объяснению конкретной закономерности пространственных форм и смыслов человеческой деятельности в географической оболочке Земли как единства природных и культурных компонентов ландшафта. Культурный ландшафт в самом широком смысле потенциально охватывает всю поверхность Земли сплошным покровом, поскольку вся она так или иначе затронута человеческой деятельностью или включена в нее как особый ресурс.

Представление о культурном ландшафте является для науки (и культуры) сравнительно новым — хотя вся человеческая жизнь протекает в ландшафте. Налицо методологическая аналогия с культурой и культурологией: древний объект — новый предмет исследования.

Далее перечнем основные аспекты/интерпретации ландшафта:

- пейзаж;
- природное тело;
- трехмерный телесный фрагмент географической оболочки;
- культурное тело;
- природно-культурный комплекс;
- комплекс смыслов;
- телесный текст;
- диалог мест;

- палимпсест;
- среда жизни;
- арена истории;
- источник образов, мифов и символов;
- результат образов, мифов и символов;
- культурная среда;
- образовательная среда;
- воспитательная среда;
- проективный тест для культуры и социума;
- творческий ресурс и фактор;
- лечебно-терапевтическая среда.

В силу характера издания остановлюсь на последнем аспекте подробнее. На конференции (и при работе с соответствующими текстами) удалось отчасти понять, как именно ландшафтные (психо)аналитики работают с ландшафтом; возникло сугубо предварительное мнение. Представление о ландшафте оказалось следующим: 1) Нерасчлененно-неразвернутое; 2) во многом наивно-натуралистичное, с природными акцентуациями и интерпретациями, несмотря на деятельностную ориентацию сообщества и использование в терапии ландшафтов с существенными антропогенными компонентами при неразличении (несущественности различия) культурного ландшафта и природного ландшафта; 3) ландшафт — (непустой) «проекционный экран» для внутренних состояний/проблем личности клиента/пациента, нежели самостоятельный автономный феномен; 4) используемый в непростых практиках/техниках, 5) фундированный значительной содержательной сложной упорядоченностью ландшафта; 6) не выяснен вопрос наличия специальных, не сводящихся к картографической адресности средств представления ландшафта. Представление о ландшафте во многом неявно, что нельзя однозначно интерпретировать. Характерно, что такая ситуация близка ландшафту в курортологии и рекреационной географии, где, однако, есть частные натуралистические морфологические и аналитические представления («терапевтические факторы», факторы аттрактивности ландшафтов). Есть существенная общность в сугубо принципиально неявном

образе ландшафта в элитарном (немассовом) самодеятельном нетехнологичном туризме конца времени СССР. Роль путешествий следует разбирать отдельно.

Разные подходы к культурному ландшафту в России имеют немало общего [подробнее: Каганский 2009]. Большинство содержат такие **обязательные аспекты**:

- соотнесение (сопоставление или противопоставление) культурного и природного ландшафта и/или компонентов ландшафта;
- культурный ландшафт — единство природных и культурных компонентов;
- существенная зависимость человеческой деятельности от природной основы;
- активное взаимодействие человеческой деятельности и природы;
- существенное преобразование этой деятельностью природного ландшафта;
- пространственная структура культурного ландшафта;
- наличие функций культурного ландшафта в человеческой деятельности (культуре).

Есть и **факультативные аспекты** представления о культурном ландшафте:

- образы и символы ландшафта — семиотический компонент ландшафта;
- эстетический (эстетика и дизайн ландшафта формируются как направления, причем в основном вне рамок географии);
- синтетически-ценностный (обязательность синтеза компонентов, сотворчество человека и природы);
- этический аспект;
- природные ландшафты, производные от антропогенных по местоположению, сущности и генезису.

Пополню семейство дополнительных рабочих представлений ландшафта:

— земное пространство, жизненная среда достаточного большого сообщества людей, если это пространство одновременно цельно и оформлено, содержит природные и культурные компоненты, освоено утилитарно, семантически и символически;

— единство природных и культурных тел, форм, смыслов и функций на поверхности Земли.

В принятом подходе равноправны природные и культурные элементы; в соответствии с традицией, идущей от В.П. Семенова-Тян-Шанского, именно человеческая деятельность оформляет культурный ландшафт [Семенов-Тян-Шанский 1928]. Последний организован на основе пространственных закономерностей человеческой деятельности — их автономность доказал И. фон Тюнен в 1826 г. [Тюнен 1926]. На абсолютно однородной (модельно) равнине только в зависимости от единственного антропогенного элемента, города, возникает закономерная дифференциация: концентрическая антропогенная зональность. Эта зависимость является общей и выполняется и для пространства России. Именно выявление этих закономерностей позволяет увидеть и показать, как культурный компонент влияет на природный, все чаще и сильнее определяя местоположение его участков, их состояние и функции.

Теоретико-географический подход к культурному ландшафту трактует культурный ландшафт как явление, к природному ландшафту несводимое, но содержащее природные и культурные компоненты как равноправные и взаимосвязанные. В отличие от иных подходов, культурные компоненты здесь понимаются не узко (высокая культура), а как квазисиноним человеческой деятельности. Из так понятого культурного ландшафта априори ничего не исключается. Классики географии не исключали из ее содержания никаких явлений поверхности Земли. Подход представляет культурный ландшафт как сплошную физически и семантически территориальную «ткань», сотканную из природных и культурных компонентов; рисунок такого ландшафта закономерен и теоретически объясним; нередко буквально наблюдаем на общегеографических картах и космических снимках при профессиональном анализе. Это направление использует концептуальные подходы, и потому его результаты компактны и обозримы.

Здесь природный и культурный компоненты объединены двояко: они рассматриваются общегеографически — описываются структурно сходным образом (ареалы,

сети, районы) и тракуются как дополняющие друг друга в рамках единых схем. В них ландшафт — единство пространственных тел, форм, смыслов, функций, например селитебных, производственных, экологических. Таков поляризованный ландшафт Б. Б. Родомана [Родоман 1999], все более важные культурные и символические функции. Иное дополнение — признание разнородности населения в аспекте ландшафтных практик, возможность и желательность понимания ландшафта как переплетения частных ландшафтных пространств отдельных групп; аналогия со средами обитания экологически разных популяций. Культурный ландшафт — сплетение парциальных ландшафтов сообществ, как собственно сообщество живых организмов — сплетение умвельтов. Культурный ландшафт понимается как сплошной хотя бы потенциально, непрерывный, наличествующий всюду (В. И. Вернадский говорил о всюдности жизни), телесно выраженный, «морфологичный». В этом различия с некоторыми подходами к культурному ландшафту, которым присуща избирательность либо включение в культурный ландшафт только явлений культуры в узком смысле. Но именно так принципиально понимается и природный ландшафт в российском природном ландшафтоведении. Теоретико-географический подход как общегеографический разделяет «принцип полноты» природного ландшафтоведения. Для последнего все природные явления на поверхности Земли входят в природный ландшафт; для культур-ландшафтоведения — все явления. Выражаясь лапидарно, культурный ландшафт — это природный ландшафт сегодня. Разделяя установку природного ландшафтоведения на усмотрение пространственных закономерностей, описываемый подход акцентирует дальние связи и зависимости на основе географического положения (но и система природной зональности позиционна) и функций в системе человеческой деятельности. К. Риттер считал важнейшим в ландшафте его предназначение.

Феноменология культурного ландшафта¹

Ландшафт — сплошная среда. Это даже не ткань с узелками — расхожий образ, — но непрерывное «поле». Можно указать на границу слов или предложений текста, поскольку его элементы дискретны, — но нельзя сделать что-либо подобное с ландшафтом.

Природные компоненты ландшафта — атмосфера, растительность, почва и т. д. — столбцы «естественной матрицы», они буквально друг над другом и упорядочены связями по вертикали; культурные же компоненты — сельское хозяйство, городские зоны, заповедники и пр. — рядом и упорядочены по горизонтали; это некоторое упрощение. Ландшафт — многокомпонентный комплекс, единство разнородностей.² Ландшафт не сводится к своим составляющим, хотя своего «вещества» ландшафтности нет.

Пространство ландшафта — сложное и богатое производными от соседства отношениями, оно очень дифференцировано и насыщено смысловыми различиями; синтагматика ландшафта как квазитекста массивна и резко доминирует над парадигматикой. Каждое из мест ландшафта имеет множество разных функций, используется в разных целях, служит разным группам для решения разных задач. Всякое место и даже само основание его существования (выделения) полисеманлично, полифункционально, поликонтекстуально.

Для качественно дифференцированного пространства размер, расстояние — существенны. Тем более **масштаб**. Этому феномену и понятию не повезло — оно стало в обыденной речи синонимом размера (истинное и первоначальное значение слова «крупномасштабный» — изображенный и/или рассматриваемый с высокой степенью подробности). Масштаб — отношение между объектом в реальности и его отображением, описанием, представлением его смысла (на карте, но не только). Однако масштаб — еще и категория

¹ См. подробнее [Каганский 2001].

² Компоненты ландшафта — не только вещественные, но и реляционные (свойства) — климат и рельеф. Сложный случай дают особые компоненты-аспекты — запах и цвет (вкус забыт). Для культурного ландшафта особые компоненты — функции, смыслы и ценности.

ландшафта. Если какой-либо объект может быть тождествен сам себе без оговорок, то для ландшафта это утверждение верно лишь при сохранении масштаба. С детства зная из школы о природных зонах или больших экономических районах, мы их никогда и нигде не видим; они существуют в одном масштабе (мелком), а наша деятельность протекает в другом (крупном). В мелком масштабе существуют государства, в среднем — города и их агломерации (например, Подмоскowie); далее двигаясь по увеличению масштаба, мы имеем дело с районами города и природными урочищами, отдельными зданиями, непосредственным жизненным миром жилища. Мы легко мирились бы с такой ситуацией, если бы от масштаба к масштабу можно было бы переходить легко и просто. Но это не так.

Каждый масштаб подобен цельной сфере реальности. В каждом из них свои характерные формы, закономерности, понятия и траектории перемещения. Смысл объекта и фрагмента ландшафта зависит не только от масштаба рассмотрения, но и пребывания, существования. В крупном масштабе города — скопления кварталов, горы — хаос отдельных вершин, сельская местность — лоскутное одеяло полей; в среднем масштабе города «оказываются» звездообразными телами, горы — линиями хребтов, сельская местность — сгустками полей вокруг деревень; в мелком и сверхмелком масштабе городские системы предстают роями точек, горные страны — четкой системой с характерным ритмом хребтов и долин, сельские территории — сплошным ковром с узелками городов. Даже функция (использование) объекта и/или территории производно от масштаба: большие судоходные реки связывают, интегрируют территории, но каждый отдельный участок реки — барьер, препятствие связям территорий на разных берегах.

В каждом месте наложены не только вещественные компоненты природного ландшафта (рельеф, почва, климат, растительность и пр.), но и масштабные уровни. Каждое место, всякий ландшафт — сложная картина интерференции масштабов, их взаимодействия, компромисса и конфликта. По масштабам разведены во всяком месте и уровни владения, контроля, пользования — другое дело, как именно

и насколько компромиссно. Впрочем, к ландшафту вряд ли приложимо понятие абсолютной собственности; оно, как и вообще все понятия, описывающие вещи вне контекста, т. е. в данном случае безотносительно масштаба, трудно приложимо к полимасштабным средам. Такие понятия, как объект, тождество, собственность, истина, масштабно не инварианты. Экологические кризисы (не только) нередко обусловлены тем, что издержки (последствия) и эффекты (польза) заданы в разных масштабах, пространственных и временных; одни масштабы процветают за счет других.

Все явления ландшафта, каждый его компонент и элемент, часть, место, ареал, район, зона, каждое ландшафтное понятие, закономерность, регулярность, правило, норма, форма, эвристика, идеальный объект, теоретическая схема осмысленны и существуют лишь в определенном диапазоне масштабов. Именно поэтому описание и исследование всякого реального места **полимасштабно**.

Ландшафт сам себя членит. Способы выделения частей, будучи обязаны его дифференциации, — результат деятельности разных сообществ, по-разному обживающих один и тот же ландшафт. Русские топографы долго выясняли в Южной Сибири у туземцев названия отдельных визуально явных вершин; казалось очевидным, что горы существуют как отдельные элементы на «самом деле». Оказалось — таких названий нет: местных жителей интересовали комплексы пастбищных и охотничьих угодий, а не точки карт. Одни и те же ландшафты кочевники, земледельцы и ученые членят и называют по-разному. Расчленения культурного ландшафта как компонент культуры жителей сами входят в ландшафт.

Ландшафт равно антитеза и хаосу и такту, равномерной повторяемости стандартных элементов. Естественное чувство побуждает любоваться (и зрительно, и эйдетически) и деревьями в лесу, и крестьянскими домами, и самими деревеньками, и всей тканью культурного ландшафта... Ландшафт еще и многообразие масштабов и ритмов. Многое в эйдетической явленности ландшафта роднит его с музыкой; иные страницы А. Ф. Лосева читаются как пропедевтика феноменологии ландшафта, хотя Лосев отрицал пространственность музыки [Лосев 1927].

Пространство дифференцировано, анизотропно, полимасштабно, полиритмично, сложно пронизано смыслом и деятельностью, а качество доминирует над количеством и формы над формулами — но пространство ли это? Ландшафт радикально отличен от привычных пространств, будь то пространство ньютоновской механики или идейно сходных с ней классической экономики и социологии. В ландшафте нет оснований задать отдельно геометрию и физику (экономику, семантику), как в текстах трудно по отдельности задать синтаксис и семантику. Синтаксис текста и морфология ландшафта семантически. «Мифопоэтическое пространство всегда заполнено и всегда вечно; вне вещей оно не существует, и, следовательно, в определенном смысле категория пространства в этих условиях не может быть признана вездесуще-универсальной» [Топоров 1983, 233]. Ландшафт — аристотелианское пространство [см.: Визгин 1982]. Обычное выражение «нанести на карту» имеет неявной пресуппозицией то, что карта — не пустое несущее пространство, но уже насыщенное смыслами.

Идеальному ландшафту присущ единый стиль, выражающийся в рисунке ландшафта. Идеальный ландшафт равно и красив и удобен (но отнюдь не прост, а сложен) для жизни, в том числе и буквально — для ходьбы: тем самым это **ковер мест**; эта метафора эвристична, в том числе при представлении ковра иконическим текстом, требующим движения для постижения. Ковер — сплетение многих разноцветных линий, образующих единый узор. Взаимная пригнанность всех деталей, форма, воспринимаемая как художественное произведение, единая цветовая гамма. Здесь нет телесных, визуальных и смысловых лакун и конфликтно-барьерных границ.

Отдельные места — не фрагменты, они живут в целом композиционно, функционально и визуально. Значимые места не доминируют над местами, а выражают их специфику. Существенны разные расчленения ландшафта, выделение его отдельных мест разными, дополняющими друг друга способами, в том числе для разных групп, разных функций, в разные сезоны.

Ландшафт красив без специальных «украшений». ландшафт не разделен на зоны прекрасного и безобразного, его красота достигнута не вкраплением отдельных «красивых

мест» — но гармонией целого. Избыток красоты портит ландшафт. Ландшафт смотрится как живая картина, читается как поэзия, звучит как музыка, благоухает букетом ароматов.

Идеальный ландшафт — цветущее разнообразие мест и направлений, живой диалог мест. Естественно привилегированные направления организуют ландшафт. Их много, как и осей симметрии. Ландшафт сложно симметричен. Неизбежная асимметрия функциональна и несет особый смысл.

Сплошные ландшафтные среды

Представим себе обычный предмет мебели — стул. Во-первых, он имеет некоторые составные части — ножки, спинку, сиденье. В обобщенном образе стула как такового составные части в единстве с их конструкцией образуют архетип стула. Во-вторых, разные стулья могут быть классифицированы, сгруппированы на основании общих признаков, это классы. В-третьих, стулья могут быть по-разному расставлены в пространстве, образуя разные конфигурации. В-четвертых, стулья и иные предметы мебели — столы, шкафы — образуют целостные комплекты-гарнитуры. И т. д. — различие этих аспектов вполне очевидно. Если представить себе все эти предметы сросшимися и даже слившимися в единую ткань «стульность», то провести различие частей стула, класса стульев, гарнитуров и т. д. окажется почти невозможным. Это лишь некоторое приближение к ландшафтной ткани и указание на трудности морфологии ландшафта. В географии все эти ситуации еще и районируются и картографируются, что позволяет систематизировать данные и представлять дифференциацию среды, но затрудняет уяснение статуса этих процедур. Сила и слабость карты в том и состоит, что карта единым образом показывает и расчленение ландшафтного фона, и его дифференциацию. Продолжу сравнение. В музыкальном произведении очевидны отдельные звуки (и дискретный способ их записи — ноты), но музыкальный поток един и сплошен.

Трудность представления морфологии ландшафта обычным образом состоит, по-видимому, и в том, что сам язык, будучи дискретным, легче описывает дискретные универсумы, а сплошные непрерывные среды лишь тогда,

когда есть математический формализм. Кроме того, для культуры и науки ландшафт экзотичен как все маловажные далекие периферийные явления. Всюдный ландшафт, вместилище культуры, — ее далекая периферия. Дело еще и в том, что морфология разработана в разных сферах знания для совокупностей отчетливых отдельностей [о морфологии сплошных сред см.: Каганский 1989; Чебанов 2017]. Морфология ландшафта — морфология без явных индивидов, их статус проблематичен!

Ландшафт — **сплошная среда** без изъятий, лакун и пустот; таковые могут характеризовать лишь отдельные составляющие или представления. Озера или города занимают отдельные места, но потенциально они находятся везде; признак «быть озером» для любого места осмыслен, но принимает нулевое значение, как для змеи признак наличия конечностей осмыслен, но принимает нулевое значение. В каждом месте ландшафта «что-то» есть. Это «что-то» имеет адресную (координатную), телесно-вещественную, признаково-типологическую и смысловую определенность. Приведу пример своих путешествий. В ряде мест южной восточно-европейской тайги на залесенных старых песчаных дюнах, зрелый сосняк с можжевельником в подлеске; ландшафт креативен для длительных одиноких прогулок с размышлениями; при близости водоема и транспортной доступности высокоаттрактивен, активно посещается, быстро деградирует; в сезон созревшей черники посещаем сборщиками ягоды.

Это «что-то» описывается отношениями и признаками. Первое — указание на местоположение: включение, принадлежность к совокупности мест, ареалу, соседство и удаленность (обычная мера удаленности — расстояние, не обязательно пространственное и метрическое). Второе — количественная (плотность населения или биомассы) или качественная определенность, свойство (доминирующая группа, тип растительности).

Эта сплошность особенно явлена в сравнении с обычным линейным текстом, составленным дискретными знаками. В ландшафте нет отдельностей, соответствующих знакам, но они могут быть на карте, презентующей пространство ландшафта, хотя карта сплошная. Места как компоненты

ландшафта могут соседствовать, но невозможна ситуация, когда между местами с присущим им ландшафтом есть нечто, ландшафтом не являющееся. Если места сопряжены границей, то эта граница не иноприродна, а соприродна ландшафту и сама есть особая часть ландшафта; в типологии ландшафтов граница — особый тип мест [Каганский 2001a]. Границы в ландшафте (и тексте?) — реально-телесные «швы», а не просто паузы, пробелы, лакуны в классификационной онтологии.

Согласно фон Икслюю, К.Д. Старынкевичу, видимо, и В.И. Вернадскому и И. Хофмейеру при дискретности организмов последний не является минимальной единицей земной жизни в силу связности/сплошности геомериды (биосферы).

Морфология и семиотика сплошных сред не разработаны.

Этому сплошному многообразию присуща **окрестность**. Все осмысленные характеристики ландшафта осмыслены только для места ненулевых размеров, даже в идеализации несводимого к точке. Плотность населения или биомассы характеризует некоторую площадь, место. Равно доминирующая порода деревьев, этническая группа, тип растительности, тип расселения не может быть реализован и быть мыслим для точки. Аналогия — отношение макроскопических и микроскопических параметров в физике. Первые, такие как температура воздуха, требуют некоторого размера, поскольку температура — осредненная мера скорости движения ансамбля молекул, имеющего размер. Отдельная молекула тоже неточечна, но на макроскопическом уровне размер занимаемого ею пространства может быть представлен как точечный, если пренебречь квантово-механическими эффектами; молекула не имеет признака «температура». Физические явления сплошных сред, например изучаемых в гидроаэромеханике имеют макроскопические и микроскопические параметры. Ландшафт не микроскопичен — любая порция ландшафта макроскопична, микроскопические признаки неосмысленны.

Окрестность — не контур, не ячейка, не тело; это место, где ландшафт сам себя являет; феноменология, а не геоме-

трия. Бессмысленно вопрошать или утверждать о форме и границах этих окрестностей, но осмысленно об их размерах. Если окрестности в исследовании превращаются в площадки описания, тогда они получают форму и границы, возникает и задача оптимального их конструирования и размещения, репрезентативной их сети.

Множество окрестностей для реальной территории бесконечно и не счетно. Прямо противоположная точка зрения отождествляет окрестности с минимальными ареалами; тогда множество окрестностей конечно. Здесь в понимании (постулировании?) морфологии ландшафта семиотическо-текстовая («минимальный ландшафт¹ как буква/слово) и биологическая (как клетка) парадигмы неосознанно объединяются. Если принятие «парадигмы кирпичиков» исключает проблему окрестностей, то принятие окрестностей не ведет к принятию более конкретных допущений о морфологии ландшафтного пространства и потому предпочтительнее.

Уподобление морфологии ландшафта клеточно-тканевой структуре организма очень привлекательно, но в целом неправомерно, поскольку в ландшафте нет гомолога клетки не просто как условно выделяемого блока невысокой целостности (этого сколько угодно), а как самостоятельной высокоорганизованной связанной интегрированной отдельности с выраженными естественными границами. Но особые типы таких ландшафтов существуют — см. советское пространство с его отчетливо отдельными административными регионами [Каганский 2001а].

Выше шла речь об атрибутивности масштаба не только для исследования ландшафта, но и для его существования. Такие телесные элементы ландшафта, как отдельные кристаллы, листья, гвозди, горошинки перца (очевидно, дискретные), непосредственно не входят в ландшафт в силу того, что они существуют в масштабе, нерелевантном ландшафту.

¹ В российском природном ландшафтоведении есть элементарная минимальная неделимая единица, фация, размером $10^2 - 10^5$ м²; все районы «собранные» многоступенчатым объединением фаций. Студенты-ландшафтоведы «в поле» должны прутиком прочертить точную границу огромных природных стран, исходя из многоуровневого вложения и наличия базовой дискретной единицы.

Но имеющие площадь скопления горных пород, леса, промышленные зоны, селитба — входят. Поясним это важное обстоятельство острающим примером. Кастрюля бульона, тарелка бульона, ложка бульона и капля бульона имеют атрибут «вкус» и представляют разные порции этого блюда, но для отдельных молекул супа этот признак бессмыслен. Ландшафт всегда представлен неточечными **порциями**. Текст также всегда представлен и считывается порциями. Аналог вкуса — смысл, разный для разных порций ландшафта в разных масштабах.

Для разных явлений размеры порций различаются иногда на порядки; иногда порции операционализированы — например, площадки описания растительности различны для разных ее типов. Для микроорганизмов достаточно 10^{-4} м², растительности с древесным ярусом 10^4 м², расселения людей 10^7 м². (Для понимания разных слоев содержания текста необходимы порции разных размеров.) Здесь правомерно говорить о контекстах, памятуя, что смысл фрагмента текста различается при переходе от контекста к контексту. Само значение признаков ландшафта (как по количественной, так и по качественной шкале) существенно зависит от размера порций. В природном ландшафте упоминавшиеся природные зоны «проступают» лишь при огромных визуально-картографически и эмпирически данных порциях, как и типы и районы городского расселения. Эквивалентно содержательно — но не логически — утверждение о заданности феномена лишь в определенном масштабе. В строго сциентистском подходе истинное значение признака должно быть инвариантно размеру порции; размер порции жестко произведен от процедуры измерения, от которой не должно зависеть истинное значение. Если это так, то для текста истинным смыслом будет смысл, вообще не зависящий от контекста и его размера — но это абсурд. Тогда ландшафт и текст масштабно не инвариантны, контекстуально не свободны. Даже однородный ландшафт масштабно неинвариантен.

Аналогия существенна — и текст и ландшафт даны и осмысливаются порциями; пример последней — текст на странице, но не абзац. Для разбиения же текста на такие презентационные порции, как страница, воспринимаемый смысл

зависит от ее размера и конкретики расчленения на порции, поскольку при порциях размером в одно слово (тем более в одну букву) на странице восприятие смысла текста если и возможно, то крайне затруднено, а его смысл «сдвинут», восприятие же поэтического текста уже невозможно. При расчленении абзацев текста на малые порции восприятие затрудняется (например, запрет «висячих строк»); характерно наличие в порции нескольких строк. Район — естественная порция ландшафта, районирование как процедура расчленения суть нарезание ландшафта на такие порции, где разумно работать с материалом и содержанием ландшафта.

Рамочность культурных артефактов известна; фрагмент текста на странице — это порция со «слабой» рамкой. Текст произвольнее членится на порции при печати и особенно чтении на мониторе, нежели ландшафт. Для продуктивного восприятия ландшафта и карты ландшафта размер порции должен быть достаточно велик (настенные карты); причем размер здесь трояк — истинный размер тела ландшафта, смысловой размер, размер графического экрана. Налицо резкое обеднение картины ландшафта у поколения монитора относительно поколения бумажных карт. Ландшафт — сплошная пространственная среда, данная порциями, обычно рамочно.

С начала научной географии дискутируется соотношение **континуальности** (непрерывности) и **дискретности**, особенно остро для растительности и природного ландшафта. Непрерывность ландшафтного покрова обсуждается как значимый признак; аргументы ее сторонников достаточно весомы и многочисленны. Компромиссные решения — семиконтинуальность: полуконтинуальность-полудискретность ландшафтного покрова. С порционностью это прямо не связано, связь с окрестностью существенна, но она лежит вне рамок данной работы. Ландшафт — сплошная семиконтинуальная порционная среда. Самая большая, предельная порция ландшафта и одновременно район — географическая оболочка Земли как целое, культурного ландшафта — антропосфера.

Уже то, что ландшафт возможен и реален как сюжет дискурса, исследования и культурных презентаций, служит особого рода доказательством того, что ему присущи и другие

особенности. Сплошно-непрерывная аморфно-однородная среда, как и множество изолированных бессвязных мест, не может быть основой и ареной жизни, в том числе и жизни человеческой, и ее невозможно исследовать. Значение ландшафта, его существенность для жизни очевидна. Но дело еще в ином. В дискретно-текстовой культуре разнообразие — различие отдельных экземпляров. Различны люди, растения, животные, слова, тексты, картины. Они удачно названы собирательным термином «отдельность» [Кордонский 2001]. В общем случае окрестности не являются отдельностями, а порции могут быть превращены в отдельности особыми процедурами. Разнообразие множеств отдельностей — **полиморфизм**. Разнообразие сплошной среды — **гетерогенность**. Самый простой случай гетерогенности — различия отдельных мест любого размера. Таков и природный, и культурный ландшафт.

Дифференциация ландшафта сама структурна, «ступенчатая», есть однородные сгустки — **немонотонность дифференциации**. Простой пример — известные широтные природные зоны: тундра, хвойная тайга, смешанные леса, степь etc — качественные ступеньки, а не совершенно непрерывные изменения. Но в их основе — монотонно меняющийся количественный параметр, увеличение солнечной радиации (и теплообеспеченности) с севера на юг. Для антропогенных районов налицо спектр качественно различных зон; монотонный признак — расстояние от центра.

Для природных ландшафтов есть мнение о жесткой дифференциации, своего рода **зернистости**. Иногда эти мельчайшие зерна в географии человека именуют местами. Проблему зернистости можно разрешить, теоретически представив абсолютно однородный изотропный ландшафт. Проступят ли тогда зерна? Для культурного ландшафта явно проступят (например, в теории центральных мест), для природного ландшафта — неизвестно, теоретической схемы абсолютно однородного природного ландшафта нет. Это вопрос об исходной (не исторически, а логико-генетически) гетерогенности. Но даже эта абсолютная гетерогенность не обязана принимать дискретную форму, а может быть континуальным полем; таковы приземные слои атмосферы — существенный

компонент ландшафта. Ландшафт дан как сплошность типа облачного неба, где есть и отдельные облака. Культурный ландшафт может выглядеть как звездное небо и выглядит таковым на ночных космических снимках. Разные компоненты ландшафта занимают разное место по шкале «дискретность — континуальность», но даже у водных и воздушных масс налицо вполне определенные довольно узкие четкие границы, например, атмосферные фронты. Вопрос в общем виде не решен и, наверное, не может быть решен. Все такие суждения должны быть масштабно-конкретными.

Регулятивные принципы

Принцип соответствия — между разными компонентами ландшафта места есть непротиворечивая взаимодополнительность вплоть до «гармонического сочетания» [Берг 1931]. Ее отсутствие влечет деформацию компонентов и трансформацию места в целом; если культурный слой ландшафта не соответствует природному, то это влечет дисфункциональность культурного ландшафта. Соответствие не имеет однозначного характера; на базе одной и той же природной основы разные культурные, в том числе этнические, группы выращивают разные ландшафты. При проектировании культурного ландшафта суждение становится принципом функционального соответствия — функции места, использование его ресурсов определяется особенностями природной основы. Но это лишь частичная детерминация. Принцип обобщается до соответствия разных слоев ландшафта.

Существенен **позиционный принцип** [Родоман 1999]. Ландшафт места и его функции в большей вмещающей совокупности мест зависит от его пространственного положения, расположения относительно всех существенных иных мест; добавляю смысл, включая символическую компоненту. Между особенностями места и его положением существует неслучайная (но недетерминистическая) связь. Иногда это может быть судьбоносно — [см. анализ для событийности Белоруссии осени 2020 года: Каганский 2020].

Экзотическое обобщение — **статусная детерминация** — детерминирующее положение в пространстве статусов. «Судьба» места зависит не только от телесно-вещественных

компонентов и пространственного положения, но и от статуса в культуре; в СССР и России — прежде всего государственно-институционального статуса. Статусная детерминация имеет важным случаем детерминацию семиотическую — в частности, нормативную. Положения и статусы растожествляют места, ведут к разной культурной трансформации тождественной природной основы и формированию разных культурных ландшафтов. Налицо аналогия с текстом — большая для позиционности (место в произведении и его композиции) и некая для статусности (разный смысл текстуально тождественных реплик у разных персонажей). Но если положение чаще уникализировало места, то статусы бываюи унифицирующие и диверсифицирующие.

Обобщенный принцип соответствия: географическое положение места — пространственная форма (структура) — смысл, роль, функция места. Это реальная закономерность и одновременно эвристическое требование к конструированию, вернее выращиванию и самих ландшафтных комплексов и их культурных презентаций (научных знаний, образов, стратегий и пр.).

Принцип обязывающего соседства — при совместности или дополнительности свойств соседних мест их граница позитивна и контактна, взаимодействие — взаимно обогащающее, переходная зона совмещает пространственные и смысловые элементы соседних мест и богаче их содержанием. При несовместности соседних мест граница оказывается негативной и барьерной, на границе происходит взаимное стирание форм (стерезис по Аристотелю), а переходная зона беднее содержанием, нежели смежные места, не содержит полноценных форм. Пример продуктивной переходной зоны — классический пригород, совмещающий ландшафтные формы и культурные практики городской и сельской жизни; широкие опушки в лесостепи, где большим деревьям присущи яркие индивидуальные формы. Жесткий пример негативной переходной зоны — свежие вторжения вулканической лавы в лесные ландшафты; советские трофейные территории, где полноценный ландшафт разрушен, а новый не создан. Ситуация границ и переходных зон в целом труднее и сложнее [Каганский 2018].

Для ландшафтного покрова значительны и значимы переходные зоны — опосредований типа лесотундры с переходной по жизненным формам растительности, зон типа лесостепи, где нет «лесостепной растительности», но налицо мозаичное чередование лесных и степных массивов до зон активного взаимодействия атмосферных фронтов или фронтов боевых действий (представление о первых сформировано на материале вторых в Первую мировую войну). Оценка доли переходных зон — примерно от 1/10 до 1/3 суши. Это **эко-тональность**. Наличие переходных зон—эктонов между контрастными ареалами — правило. Если аналогом границ в тексте естественно счесть знак точки, фразу «Конец фильма», заглавие текста, то аналоги переходных зон в культуре имеют место на других уровнях. У Бахтина и Лотмана вся культура переполнена границами; однако трудно сделать подобные суждения поверяемыми без концептуально-наглядных схем членения пространства культуры, ее районирования и картографирования.

Для ландшафта, данного в познавательном созерцании (особенно в путешествии) и культурном преобразовании касательно границ налицо парадокс. Ландшафт содержит как свой важнейший компонент не столько **границы**, сколько **проблему границ**, разграничения и саморазграничения. Проведение (человеком) границ в ландшафте — культурная практика. Культура постоянно вопрошает о своих границах и границах в себе, сама есть порождение и снятие границ.

Разнообразие ландшафта — и разнообразие **характерных направлений**. Ландшафт анизотропен, равно природный и культурный. Направление максимального градиента или иное существенное — характерное направление; иногда оно совпадает с осью симметрии. Дифференциация и сложность ландшафта проявляются в наличии комплектов характерных направлений. Реально известные места имеют как минимум три характерных направления. Здесь различия с текстом разительны — как линейный он имеет одно характерное направление, учитывая графическую презентацию — два. Но плану содержания большого художественного произведения (равно и живописному полотну) присуще

очень много характерных направлений. Интересно, что и в ландшафте, и в тексте есть глобальные, общие характерные направления (в ландшафте это «север — юг» и «центр — периферия») и локальные характерные направления отдельных семейств мест (аспектов повествования, сюжетных аспектов живописного полотна).

Очень четко структурировано мифологическое пространство, явно полианизотропное с несколькими характерными направлениями, представляющее «полуземной» ландшафт. Однако методологический взгляд порождает вопрос, оно само по себе такое четкое? Или структуралистская метода порождает четкое описание? Правомерен ли семиотический подход к мифологии (тем более иконописи), где отсутствует главный семиотический атрибут — немотивированная связь означаемого и означающего, там эта связь как раз мотивирована; для ландшафта ровно то же самое.

Перечисленные особенности морфологии ландшафта как сплошной среды одновременно имеют телесный и семантический аспекты. Первый означает локализацию «сгустков» ландшафта, а второй то, что эти морфологические элементы имеют смысл для их обитателей и иных наблюдателей, особенно путешественников. Дело не только в том, что возможно какое-либо описание, а в том, что всякое место имеет смысл и ценность для человека (согласно биосемиотике — и для всех живых существ). Сложным представляется вопрос о тех самых лакунах, наличие которых в ландшафте мы категорически отрицаем — областях, которые «ничем не являются». Если считать, что мифологическое пространство полно описывает пространство традиционной культуры и традиционного ландшафта (хотя это и не изучалось), то в нем заведомо нет лакун. От лакун следует отличать необитаемые, табуированные, ценностно-негативные области, но они условно имеют смысл, хотя бы понимаемый и описываемый негативно и даже апофатически.

Пространство природного и культурного ландшафта

Пространство культурного ландшафта, изученное еще недостаточно, обнаруживает как сходство, так и различие с пространством природного ландшафта; несомненны и преемственность, и изоморфизм пространственных форм.

Оба пространства: сплошны (хотя бы потенциально), закономерно многоаспектно и многоуровнево дифференцированы, полимасштабны, для разных масштабов имеет место своеобразие пространственных форм и закономерностей. Соотношение масштабно-специфичных и масштабно-инвариантных форм — общая проблема самого существования и исследования природного и культурного ландшафтов. Оба пространства представлены в существенной мере зональными (в широком смысле) системами или районами на основе зон с выраженными погранично-переходными зонами (экотонами). Существенны системы характерных направлений, дифференцирующих ландшафт («верх — низ», «север — юг», «запад — восток», «океан — материк», «центр — периферия» и др.). Сложность ландшафта связана с числом и разнообразием характерных направлений; вероятно, эта сложность и может быть представлена числом характерных направлений.

Природный и культурный ландшафт: сходство пространств:

- сплошность;
- закономерная многоаспектность;
- многоуровневая дифференциация;
- полимасштабность;
- районность;
- зональность;
- значимость переходных зон;
- дифференцирующие характерные направления.

Пространство природного ландшафта в высшей мере сплошно и плотно; эта полная и яркая реализация той сплошной среды, о которой выше шла речь. Оно по преимуществу соткано однородными районами и зонами, однородно-районно и зонально, хотя все больше внимания привлекают

горизонтальные связи. Это закономерная мозаика — лоскутное одеяло разнообразных ландшафтных тканей. Основные различия в природном ландшафте связаны с расстояниями, а основные контрасты — межрайонные/межзональные.

Главное различие пространств природного и культурного ландшафта в том, что последнее — комплекс преимущественно разнородных узловых (коннекционных) районов на основе связей; оно чрезвычайно неравномерно, концентрировано и поляризовано, в том числе линейно, и «нанизано» на транспортно-коммуникационный каркас. Пространственная неравномерность распределения и концентрации людей и материальной инфраструктуры в культурном ландшафте несравненно выше, чем биоты в природном ландшафте; она еще и качественно иная — для пространства современного культурного ландшафта характерна сетевая концентрация; пространство традиционного аграрного ландшафта более сходно с природным. Для культурного ландшафта, по-видимому, более значим фактор географического положения. Пространство культурного ландшафта куда более анизотропно, дифференцировано самими направлениями.

Тогда главные специфические черты пространства культурного ландшафта:

- значительная анизотропность;
- сетевая анизотропность;
- доминанта географического положения;
- статусная детерминация;
- ведущее характерное направление «центр — периферия»;
- ведущий фактор — (негеометрическое) расстояние от центра;
- концентрическая зональность «центр — периферия»;
- не однородные, а разнородные, узловые (коннекционные) районы;
- различие, дополнительность и взаимодействие функций мест;
- ведущая роль потоков, связей, комплементарности мест;
- резкая неравномерность и концентрация;
- линейная концентрация и поляризация;

- сетевая концентрация и поляризация;
- саморазграничение.

Природный ландшафт разграничивается (районируется) в общем с внешней исследовательской и/или инженерной позиции. Но коль скоро географ есть мыслящий ступок ландшафта, то его членение есть своеобразная рефлексия и природного ландшафта. Культурный ландшафт саморазграничивается собственными культурными компонентами и практиками. Отсюда вывод, что статус районирований и границ в природном и культурном ландшафте принципиально различаются по позиции, однако логически (структурно) общи. Но исследовательское расчленение культурного ландшафта является (должно быть) диалогом с его саморасчленениями.

Резюмирую *категории пространственной морфологии ландшафта*:

- сплошность;
- семиконтинуальность;
- окрестность;
- порционность;
- гетерогенность;
- комплексность;
- многослойность;
- масштабность;
- полимасштабность;
- анизотропность;
- районность;
- зональность;
- позиционность;
- экотональность;
- статусная детерминация.

Три атрибута и индикатора ландшафта

Теперь представлю морфологию ландшафта принципиально иначе по подходу. Если феномен можно постигать/исследовать некоторыми способами/методами/техниками, и это хорошо известно и доказано в рассмотренном выше отношении (показано), то в основании (продуктивной применимости) этих методов уже лежат базовые представления о феномене. Сама применимость методов должна многое

говорить о феномене, особенно если этих методов несколько и они разные. Тогда получаем новый дополнительный *список атрибутов морфологии ландшафта*:

- путешествуемость;
- районированность;
- картируемость.

Тогда ландшафт — объемный многокомпонентный телесно-смысловой комплекс поверхности Земли на природной основе, картируемый, районированный и путешествуемый.

Аналогично текст — знаковый комплекс, который можно читать, реферировать, переводить etc. Возможность путешествия — интегральный индикатор типа пространства. Чем полноценнее путешествие, тем ближе его пространство к ландшафту.

Эту особенность ландшафта — **путешествуемость** (термин образован по модели «дифференцируемость функции»). Путешествие — активное включенное постижение разнообразия ландшафта движением в трех сопряженных пространствах: ландшафтном, личностном и когнитивном. Эти пространства имеют общие узловые точки [Каганский 20016; Каганский 2018].

Коль скоро путешественник познающее существо, «живой прибор», то создание представления о предмете посредством экспликации оснований продуктивной работы этого прибора вполне правомерно. Дифференцируемыми и интегрирование функций — способ их изучения, отсюда соответствующие функции именуется дифференцируемые и интегрируемы, их свойства — дифференцируемость и интегрируемость. Для пространственных ландшафтных сред — их аналоги путешествуемость, районированность и картографируемость; из них дедуктивно выводимы многие важные существенные особенности ландшафта. Кстати, функции, описывающие (почти любой) «рельеф» ландшафта, — дифференцируемые, «гладкие».

Литература

Арманд А. Д. Ландшафт как конструкция // Изв. Всес. географ. — об-ва, 1988. — Вып. 2. — Т. 120. — С. 120–125.

Арманд Д. Л. Наука о ландшафте. — М.: Мысль, 1975. — 286 с.

- Берг Л.С. Ландшафтно-географические зоны СССР. Ч. 1. — М.; Л.: Сельхозгиз, 1931.
- Визгин В.П. Генезис и структура квалитативизма Аристотеля. — М.: Наука, 1982. — 429 с.
- Каганский В.Л. Районирование как расчленение континуальных предметных сред // Классификация в современной науке. — Новосибирск: Наука, 1989. — С. 129–140.
- Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001а, 576 с.
- Каганский В.Л. Путешествие в ландшафте и путешествие в культуре // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. 2001б, вып. 2. С. 3–18.
- Каганский В.Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. — 2009. — № 1. — С. 62–70.
- Каганский В.Л. Путешествия теоретика // ГЕОГРАФИЯ И ТУРИЗМ / GEOGRAPHY AND TOURISM, 2018. № 1.
- Каганский В.Л. Беларусь: география и судьба страны // 7 искусств, 2020, ноябрь.
- Кордонский С.Г. Циклы деятельности и идеальные объекты. М.: Пантори, 2001. 176 с.
- Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики. М., 1927. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9B/losev-aleksej-fedorovich/forma---stilj---virazhenie/4>
- Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена, 1999. 256 с.
- Семенов-Тянь-Шанский В. П. Район и страна. М.; Л.: Госиздат, 1928. 311 с.
- Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983, с. 227–284.
- Тюнён И. Изолированное государство. М.: Изд-во газеты «Экономическая жизнь», 1926.
- Чебанов С.В. Мерономия С.В. Мейена: к 40-летию формулирования. 2017. URL: http://www.paleobot.ru/pdf/o3_2017_14.pdf
- Справка об авторе.* Владимир Леопольдович Каганский, к.г.н. Теоретическая география и теория классификации; ландшафт и культура Северной Евразии. Институт географии РАН, Москва. kaganskyw@mail.ru

ВИЗУАЛЬНАЯ СРЕДА ПРИРОДЫ И ГОРОДА

Аннотация: Вопросы влияния окружающей среды на человека, в особенности на его психику, становятся все более актуальными в условиях продолжающейся урбанизации. К сегодняшнему дню известно множество средовых факторов, могущих оказывать значимое влияние на психические процессы, состояния и свойства людей. Один из таких факторов — внешний вид окружения, или визуальная среда. Хотя до сих пор влияние этого фактора на психику остается довольно неочевидным фактом, в современной науке растет число исследований, обнаруживающих, что визуальное восприятие среды природы и построенного городского окружения способно вызывать различные психологические эффекты. Настоящий обзор посвящен тому, что известно на сегодняшний день о влиянии визуальной среды города и природы на психологические особенности индивида.

Ключевые слова: психология окружающей среды, визуальная среда города, визуальная среда природы.

Может ли то, на что человек постоянно смотрит, оказывать влияние на то, как он себя чувствует, каким он становится? Данный вопрос — вопрос влияния воспринимаемой визуальной среды на психические процессы, состояния и свойства человека — обретает все большую остроту в условиях продолжающейся урбанизации. Сегодня более половины населения планеты проживает в городском окружении [United Nations 2018], при этом среда города по своим визуальным характеристикам сильно контрастирует со средой природы, эволюционно намного более «привычной» для человека, и этот контраст (и его отражение в психическом функционировании индивида) вызывает существенный интерес в современной науке, в частности в таком ее направлении, как психология окружающей среды.

Отметим, однако, что говорить о среде города или природы вообще — значит делать существенное обобщение. Во-первых, все города уникальны, что определяется не только их размером, географическим положением, национальным, культурным контекстом, но и принципиальной неповторимостью, невозможностью существования двух абсолютно

одинаковых городов. Тем не менее общее, что их объединяет, — это наличие построенного окружения (во многих случаях — его преобладание над природным). Типичные построенные элементы большого города характеризуются такими визуальными особенностями, как большие плоскости, обилие повторяющихся элементов, прямых углов, несоразмерность человеку и т. п.

Во-вторых, среда природы также крайне многообразна и включает самый широкий спектр разновидностей: от максимально гомогенного [Филин 1997] визуального окружения, например, Крайнего Севера с отсутствием какого бы то ни было видимого разнообразия элементов, до наиболее насыщенных разнообразной растительностью джунглей, лесов и т. п. Кроме этого, существенные различия обуславливаются сезонным фактором: как показывают исследования, например, лес в условиях наличия и отсутствия листвы вызывает принципиально разные эффекты восприятия (более благоприятные в первом случае) [Franeck et al. 2019].

Таким образом, «визуальная среда природы» подразумевает широкое разнообразие вариантов, и реакции на них могут быть принципиально различными. Поэтому далее, говоря о «природной среде», будем иметь в виду такие ее разновидности, которые включают прежде всего растительность (скорее в летний период) и воду. Именно таковые вводятся в большинство исследований в качестве стимулов, олицетворяющих «природу».

Говоря о некоем общем параметре, могущем описывать «природную среду» в отличие от построенной, современные исследователи склонны полагать в качестве такового фрактальные характеристики [Hagerhall et al. 2004; Mandelbrot 1982; Purcell et al. 2001; Van den Berg et al. 2016]: считается, что природная среда (в частности, растительность) часто характеризуется сложными, неупорядоченными визуальными паттернами, которые лучше всего могут быть описаны с помощью фрактальной геометрии [Franeck et al. 2019]. Одной из ключевых характеристик фракталов является повторяемость некоторого паттерна на разных уровнях [Stamps 2002], или самоподобие, означающее, что в отдельной части изображения фрактала можно «обнаружить ту же самую структуру, что

и в основном изображении» [Евин 2009, с. 34]. Описанными качествами обладают, например, деревья, другие растения, горы, линия горизонта, облака [Franeek et al. 2019]. При этом отмечается, что в городском окружении многие такие стимулы отсутствуют [Franeek et al. 2019].

Итак, визуальная среда города (в частности, построенное окружение) и визуальная среда природы (преимущественно растительность и вода) представляют собой нечто объективно различающееся. При этом человеческая психика эволюционно развивалась именно в природной среде, в тесном взаимодействии с ней и, можно сказать, сформирована из визуального «материала» природы, в то время как «переезд» в среду построенного окружения выглядит сравнительно недавним событием (в эволюционном контексте). Из данного факта закономерно возникает целый ряд вопросов, например: «Существуют ли эффекты адаптации психики человека к такой несвойственной для него среде?»; «Существуют ли принципиальные различия между людьми, выросшими в природном и городском окружении?» и т.д. На эти и подобные вопросы, связанные с глобальным влиянием воспринимаемого контекста на психику в фило- и онтогенезе, к настоящему времени нет достаточно четких ответов. Тем не менее накоплен существенный набор более локальных фактов, доказывающих, что некоторые принципиальные различия эффектов восприятия разных видов среды все-таки существуют [Ulrich 1981; Ulrich 1984].

Одним из доводов в пользу того, что эволюционная «привычность» природного окружения может продолжать так или иначе влиять на восприятие современного человека, является «гипотеза саванны» [Heerwagen, Orians 1993]. Исходя из того, что саванна Восточной Африки считается одним из мест, в которых древние люди провели существенную часть своей эволюционной истории [Joye 2007], данной гипотезой полагается, что людям «от рождения присуща тяга к среде, окружавшей прародителей человеческого рода в Восточной Африке» [Эллард 2016], и исследования современных людей действительно обнаруживают большее эстетическое предпочтение в отношении таких типов визуальной среды, которые напоминают саванну, в особенности

у респондентов младших возрастов (которые никогда там не были) [Balling, Falk 1982].

Еще одним возможным свидетельством сохраняющегося влияния «визуального прошлого» на современные предпочтения людей является «Теория обзора и укрытия» (Prospect-refuge theory) Д. Эпплтона, согласно которой такие виды среды, в которых человек может иметь широкий обзор окружающего пространства, находясь в то же время в безопасном укрытии, являются более предпочитаемыми, воспринимаются как более эстетичные [Appleton 1975].

Хотя данные факты до сих пор являются неоднозначными, они позволяют предполагать, что эволюционное прошлое действительно может в той или иной степени оказывать влияние на особенности восприятия нынешних людей.

Следует отметить, что взаимодействие человека с любой средой осуществляется в подавляющем большинстве случаев комплексно, многопланово, с задействованием всех органов чувств, посредством активной деятельности в окружении, в том числе социальном (например, осуществление типичных городских практик в среде мегаполиса или рекреационные виды деятельности в среде природы в большинстве случаев включают физическую активность, «погруженность» в среду). Следовательно, задача исследования именно визуального восприятия среды, а не комплексного с ней взаимодействия, требует особых процедур, ограничивающих как изначально активную деятельность респондентов в окружении, так и изначально широкий спектр полимодальной информации (слуховых, кинестетических, ольфакторных и других стимулов) до только визуально воспринимаемого. Наиболее строго такое «изолирование», выделение зрительного восприятия в ходе исследовательской процедуры достигается путем использования в качестве стимульного материала изображений (фотографий, слайдов, постеров) либо видеозаписей, хотя существуют подходы, берущие в качестве визуальных стимулов, например, вид из окна и т. п.

Кроме этого, при исследовании психологических эффектов визуального восприятия встает вопрос о той сфере психического функционирования, в которой они могут быть

наиболее проявлены: влияет ли восприятие среды на протекание познавательных психических процессов, на эмоциональные состояния человека или, возможно, на формирование его личностных черт?

Таким образом, исследования, направленные на поиск различий влияния разных типов визуальной среды на человека, принципиально ограничиваются, во-первых, изолированием (насколько это возможно) визуального восприятия и, во-вторых, направленностью на изучение конкретных психических аспектов, в которых могут проявляться эффекты такого восприятия.

Если говорить об исследованиях, наиболее абстрагирующихся от полимодального взаимодействия со средой и сужающих его только лишь до ее визуальной представленности (в виде изображений, слайдов, фотографий), одной из пионерских работ такого плана можно считать исследование Р. Ульриха, в котором обнаружено, что просмотр фотографий природы (по сравнению с изображениями построенной городской среды) приводит к изменению эмоционального фона в сторону более положительного, а также связан с большей альфа-активностью мозга, измеренной методом электроэнцефалографии [Ulrich 1981].

Довольно большое количество исследований не только подтверждает эти факты, но также обнаруживает, что просмотр изображений природы связан с меньшей когнитивной нагрузкой [Franek et al. 2018], с улучшением показателей направленного внимания [Berman et al. 2009, Berto et al. 2008].

В рамках данного направления обнаружены сходные эффекты настенных постеров с изображением природы. Например, в исследовании Б. Квеон с коллегами наличие таких оказалось связано с меньшим переживанием стресса респондентами, следовательно, с их меньшей агрессивностью (интересно, что данный эффект проявился только у респондентов мужского пола) [Kweon et al. 2008].

Итак, можно говорить о том, что восприятие изображений природы способно улучшать эмоциональный фон, снижать стресс, оказывать благоприятное влияние на произвольное внимание (восстанавливать его ресурсы).

Помимо изображений, довольно широко исследованным оказывается еще один тип стимулов — вид из окна. Например, К. Теннессен и Б. Кимприч обнаружили, что студенты, проживающие в комнатах с более «природным» окружением, видимым из окна, имеют лучшие показатели направленного внимания по сравнению с теми, у кого окно выходит на построенное окружение [Tennessee, Cimpriich 1995]. Ф. Куо и В. Салливан исследовали влияние большей или меньшей представленности природы (деревьев, кустарников) в виде из окна на характеристики взрослых респондентов. Ими было обнаружено, что наличие видимой в окне растительности связано с меньшей агрессивностью респондентов (меньшим количеством агрессивных и насильственных актов в отношении своих близких) [Kuo, Sullivan 2001]. В исследованиях Р. Каплан, проведенных на офисных работниках, индивиды, чей вид из окна на рабочем месте включал природу, обнаруживали большую удовлетворенность работой в целом, меньший уровень фрустрации, большую терпимость, кроме того, они выражали больший энтузиазм в отношении своей работы и сообщали о большей удовлетворенности жизнью и лучшем состоянии здоровья [Kaplan 1993].

Пожалуй, одно из самых известных исследований влияния вида из окна на человека проведено Р. Ульрихом, обнаружившим, что пациенты, перенесшие операцию на желчном пузыре, быстрее восстанавливаются (раньше выписываются из больницы) и нуждаются в меньшем количестве обезболивающих препаратов, если вид из окна их палаты включает элементы природы (в сравнении с теми, кто мог видеть только кирпичную стену в окне) [Ulrich 1984].

Таким образом, вид природы в окне способен оказывать воздействие на функционирование внимания, снижать (или, по крайней мере, не повышать) уровень агрессии и даже благоприятно сказываться на физическом состоянии (способствовать восстановлению организма) человека.

Интересные и отчасти схожие эффекты обнаруживаются в исследованиях с наличием или отсутствием комнатных растений. Так, Р. Раанаас с коллегами установили, что пребывание в кабинете с комнатными растениями улучшает показатели внимания при выполнении когнитивной задачи

в сравнении с ее выполнением в том же кабинете, но без растений [Raanaas et al. 2011]. Д. Докси и коллеги исследовали влияние наличия растений в аудитории на отношение студентов к учебному процессу и обнаружили, что оценки курса и преподавателя были выше у студентов, обучавшихся в аудиториях с растениями [Doxey et al. 2009].

Таким образом, комнатные растения также способны вызывать довольно благоприятные эффекты: улучшать показатели внимания, способствовать более благоприятному эмоциональному состоянию.

Итак, согласно существующим исследованиям, визуальное восприятие природы, будь то фотографии, постеры, вид из окна, даже комнатные растения, способно оказывать благоприятные эффекты на когнитивные процессы (прежде всего восстанавливать ресурсы произвольного внимания), аффективные состояния (способствовать более положительному эмоциональному фону, снижению стресса), а также на физическое здоровье (способствовать процессу восстановления организма), субъективное благополучие в целом и даже на удовлетворенность текущей деятельностью (учебой, работой).

При этом городская среда, присутствовавшая как альтернативный стимул в ряде описанных исследований [Kaplan 1993; Kuo, Sullivan 2001; Tennessen, Cimprich 1995; Ulrich 1981; Ulrich 1984], показывает скорее противоположные эффекты: ее восприятие, по сравнению с восприятием природы, ухудшало показатели внимания и эмоциональное состояние, повышало стресс (или, по крайней мере, не улучшало эти показатели). Однако современные исследователи [Karmanov, Namel 2008] отмечают, что зачастую в работах, сравнивающих среду природы со средой города, в качестве стимулов используются далеко не лучшие варианты городского окружения: как правило, это магистрали, современные непримечательные здания, индустриальные зоны и т. д. В результате закономерно обнаруживается, что природа вызывает более благоприятные эффекты, а город — скорее неблагоприятные, однако результаты могут быть иными, если со средой природы сравниваются потенциально более «благоприятные» городские пространства.

На данных соображениях основана работа Д. Карманова и Р. Хэймела, которые исследовали заведомо более «хорошие» типы городской среды (современный квартал с малоэтажной застройкой и наличием воды) в сравнении с природой. В их эксперименте студенты, предварительно пережившие стресс в ходе экзамена, просматривали видео либо природы, либо «хорошего» городского окружения [Karmanov, Hamel 2008]. Оказалось, что качественная городская среда действительно может иметь в целом сравнимый с природой восстанавливающий эффект (следует, однако, отметить, что видео природы все равно оказалось связано с несколько более сильным благоприятным эффектом).

Описанное исследование, как и ряд других [Franek et al. 2018; Kuo, Sullivan 2001; Ulrich 1981], подтверждает, что наличие в городской среде элементов природы (парков, озеленения или, как в работе Д. Карманова и Р. Хэймела, воды) может выступать одним из существенных факторов улучшения субъективного благополучия горожан. Более того, степень озеленения оказывается связана с более широкими социально-психологическими эффектами. В частности, «люди, живущие в более зеленой среде... чаще общаются друг с другом, лучше знают своих соседей», кроме того, «уровень агрессии и преступности в более зеленых кварталах в целом ниже» [Эллард 2016].

Следует отметить, что включение элементов природы в городское окружение — лишь одно из верифицированных направлений улучшения визуальных качеств среды города. Все больше работ проводится в направлении изучения того, как разные типы собственно построенного окружения могут по-разному влиять на человека. Такие исследования пока не столь многочисленны, однако в них обнаруживается все больше качеств построенной среды, могущих иметь благоприятные психологические эффекты [Воробьева 2012; Joye 2007; Lindal, Hartig 2013; Negami et al. 2018; Van den Berg et al. 2016].

Современная психология окружающей среды предоставляет множество свидетельств того, что визуально-воспринимаемая среда действительно является важнейшим (хотя

до сих пор мало отрефлексированным) фактором, способным оказывать довольно существенное влияние на человека, его психические процессы, состояния, свойства, субъективное благополучие, здоровье, а также иметь более широкие социальные последствия. Большое внимание к данному фактору, его учет в создании, модификации, улучшении городской среды, может позволить сделать ее более дружелюбной, комфортной и благоприятной для горожан.

Безусловно, внешний вид окружения, в котором человек проводит большую часть своей жизни, — лишь один из огромного набора факторов, посредством которых это окружение может оказывать влияние на его психику. Однако восприятие привычной визуальной среды настолько вплетено в повседневность, что едва ли отчетливо осознается большинством горожан. Тем не менее в современных условиях особенно важной представляется осознанность жителей городов в отношении того, как внешний вид окружения может неявно влиять на эмоциональный фон, способности к концентрации внимания, раздражительность, удовлетворенность текущей деятельностью и т.д., и как посредством организации визуального окружения можно улучшить свою повседневную жизнь.

Литература

- Воробьева И. В. Психология городской среды: монография / И. В. Воробьева, О. В. Кружкова. Екатеринбург: РГППУ, 2012. — 244 с.
- Евин И.А. Искусство и фракталы // Вопросы культурологии. 2009. № 6. С. 34–37.
- Филин В.А. Видеоэкология: Что для глаза хорошо, а что — плохо. — М.: ТАСС-реклама, 1997. — 317 с.
- Эллард К. Среда обитания. Как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие; перевод с английского. — М.: Альпина паблишер, 2016. URK: https://books.google.ru/books?id=POYfDQAAQBAJ&pg=PT2&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=2#v=onepage&q&f=false (дата доступа 13.10.2020)
- Appleton J. The experience of landscape. London: Wiley, 1975, 296 p.
- Balling J.D., Falk J.H. Development of visual preferences for natural landscapes // Environment and Behavior. 1982. 14, pp.

- Berman M., Jonides J., Kaplan S. The Cognitive Benefits of Interacting With Nature // *Psychological science*. 2009. 19(12), pp. 1207–2012.
- Berto R., Massaccesi S., Pasini M. Do eye movements measured across high and low fascination photographs differ? Addressing Kaplan's fascination hypothesis // *Journal of Environmental Psychology*. 2008. 28, pp. 185–191.
- Doxey J.S., Waliczek T.M., Zajicek J.M. The Impact of Interior Plants in University Classrooms on Student Course Performance and on Student Perceptions of the Course and Instructor // *HortScience: a publication of the American Society for Horticultural Science*. 2009. 44(2), pp. 384–391.
- Franek M., Sefara D., Petruzalek J., Cabal J., Myska K. Differences in eye movements while viewing images with various levels of restorativeness // *Journal of Environmental Psychology*. 2018. 57, pp. 10–16.
- Franek M., Petruzalek J., Sefara D. Eye movements in viewing urban images and natural images in diverse vegetation periods // *Urban Forestry & Urban Greening*. 2019, 46. 1264773.
- Hagerhall C.M., Purcell T., Taylor R., 2004. Fractal dimension of landscape silhouette outlines as a predictor of landscape preference // *Journal of Environmental Psychology*. 2004. 24, pp. 247–255.
- Heerwagen J.H., Orians G.H. Humans, habitats, and aesthetics. In. Kellert S.R, Wilson E.O, (Eds.). *The biophilia hypothesis*. Washington DC: Island Press. 1993. pp. 138–172.
- Joye Y. Architectural Lessons From Environmental Psychology: The Case of Biophilic Architecture // *Review of General Psychology*. 2007. Vol. 11(4), pp. 303–305.
- Kaplan R. The role of nature in the context of the workplace // *Landscape and Urban Planning*. 1993. 26, pp. 193–201.
- Karmanov D., Hamel R. Assessing the restorative potential of contemporary urban environment(s): Beyond the nature versus urban dichotomy // *Landscape and Urban Planning*. 2008. 86, pp. 115–125.
- Kuo F.E., Sullivan W.C. Aggression and violence in the inner city: Effects of environment via mental fatigue // *Environment and behavior*. 2001. Vol. 33. № 4, pp. 543–571.
- Kweon B.-S., Ulrich R.S., Walker V.D., Tassinary L G. Anger and stress: The role of landscape posters in an office setting // *Environment and Behavior*. 2008. 40(3), pp. 355–381.
- Lindal P.J., Hartig T. Architectural variation, building height, and the restorative quality of urban residential streetscapes // *Journal of Environmental Psychology*. 2013. 33, pp. 26–36.

- Mandelbrot B.B. The fractal geometry of nature. W. H. Freeman and co., San Francisco, 1982, 460 p.
- Negami H.R., Mazumder R., Reardon M., Ellard C.G. Field analysis of psychological effects of urban design: a case study in Vancouver // Cities & health. 2018. 2 (2), pp. 106–115.
- Purcell T., Peron E., Berto R. Why do Preferences Differ between Scene Types? // Environment and Behavior. 2001. 33(1), pp. 93–106.
- Raanaas R.K., Evensen K.H., Rich D., Sjostrom G., Patil G. Benefits of indoor plants on attention capacity in an office setting // Journal of Environmental Psychology. 2011. 31(1), pp. 99–105.
- Stamps A.E. Fractals, skylines, nature and beauty // Landscape and Urban Planning. 2002. 60, pp. 163–184.
- Tennessen C.M., Cimprich B. Views to nature: Effects on attention // Journal of Environmental Psychology. 1995. 15(1), pp. 77–85.
- Ulrich R.S. Natural Versus Urban Scenes: Some Psychophysiological Effects // Environment and Behavior. 1981. Vol. 13(5), pp. 523–556.
- Ulrich R.S. View through a window may influence recovery from surgery. Science. 1984. 224 (4647), pp. 420–421.
- United Nations, Department of Economic and Social Affairs. World Urbanization Prospects, 2018. <https://population.un.org/wup/Download/> (дата обращения: 13.10.2020)
- Van den Berg A.E., Joye Y., Koole S.L. Why viewing nature is more fascinating and restorative than viewing buildings: A closer look at perceived complexity // Urban Forestry & Urban Greening. 2016. 20, pp. 397–401.

Справка об авторе: Капцевич Ольга Александровна, кандидат психологических наук, старший преподаватель Департамента психологии и образования, Школа искусств и гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия.
e-mail: kapceвич.оа@dvvfu.ru

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ ЧЕЛОВЕКА И МИРА В ЛАНДШАФТНОЙ АНАЛИТИКЕ: ПУТЬ ОТ ИНТРОЕКЦИИ К ИНТЕРИОРИЗАЦИИ

Аннотация: В статье поэзис и развитие «Я» рассматриваются как путь от интроекции (впечатления) к интериоризации (созданию внутреннего эквивалента значимым отношениям, появившимся в этом впечатлении). Предлагаемая модель траектории такого развития нелинейна, она включает не только целевую, ведущую к развитию «Я» ветвь, но и побочные, тупиковые линии: эго-защиты и копинги, прагматическое решение задач, магическое мышление. Как способствующая частичному развитию «Я» рассматривается линия «автоархеологии». Целостное же развитие «Я» (и созидание самого этого «Я»), согласно предлагаемой модели, происходит в форме символического диалога с миром, систематического примеривания к нему, построения образа мира, включающего выделение аффордансов — воспринимаемых возможностей, которые мир предлагает субъекту. Модель иллюстрируется примерами из практики ландшафтной аналитики, которая в свою очередь, представлена как систематическая организация символического диалога участников с миром.

Ключевые слова: интроекция, интериоризация, аутопоэзис «Я», символическое опросредствование, образ мира, аффорданс, автоархеология, ландшафтная аналитика, экологическая психотерапия.

ДИАЛОГ. Для меня в диалоге межсубъектного нет: я в диалоге только быстро меняюсь из субъекта в объект и обратно. При этом я — субъект, когда слушаю и от этого преобразываюсь, — а не когда говорю и влияю. Также можно преобразовываться и в общении с камнем или уважаемым шкафом.

ДИАЛОГ. Быстрые обмены ролями между камнем и скульптором: то я его — долотом, то он меня — долотом.

Михаил Гаспаров

Развитие личности человека — не просто созревание: для того, чтобы оно происходило, необходим Другой. Развитие происходит в диалоге, символическом диалоге с миром. Одной из точек такого диалога — моментом открытости миру — является впечатление.

Слово «впечатление» до сих пор относится скорее к туристическому, чем к психологическому, тезаурусу (исключения составляют, пожалуй, лишь работы Е. Б. Старовойтенко, основанные на персонологической герменевтике идей М. К. Мамардашвили [Старовойтенко 2015а]). Возможно, это связано с тем, что в туризме впечатление — это своего рода продукт, в то время как для психологов — скорее исходная точка развивающего диалога человека с Другим. Психологам феноменология впечатления (т.е. переживания того, что какая-то внешняя реальность впечаталась в память и вообще «вошла в состав» личности) больше знакома под именами импринтинга, интроекции, травмы, непроизвольного внимания. Впечатление — исходная точка установления отношений. Впечатление возникает мгновенно и как бы само (и далеко не всегда там, где мы ожидаем его появление), но, возникнув однажды, на довольно длительный период (зачастую — на всю жизнь) маркирует наше отношение **к** чему-то (или, лучше сказать, **с** чем-то).

Если самому участнику ландшафтной аналитики¹ наиболее ярким может представляться момент встречи со впечатлением (интроекция), то нас ничуть не меньше интересует другой процесс: открытие и **переживание** во впечатлении **символических значений** и основанное на этом развитие. В ландшафтной аналитике работа ведущих и специально организованные условия помогают участникам запустить деятельность по извлечению из впечатления опыта, в то время как в туризме эта деятельность по интериоризации, построению некоего внутреннего эквивалента впечатлению, никак специально не организована. Наоборот, фиксация

¹ Ландшафтная аналитика — метод групповой психотерапии, предложенный С. В. Березиным и Д. С. Исаевым [Березин, Исаев, 2009]. Сессия проходит в форме специально организованного путешествия группы по природному ландшафту, в котором периоды активного двигательного взаимодействия с элементами ландшафта чередуются с рефлексивными остановками.

опыта часто происходит с помощью внешних заместителей: фотографий и видеозаписей. На наш взгляд, такая фиксация губительна для развивающего потенциала впечатлений и тормозит процесс извлечения опыта, а вернее, является его суррогатом, «тупиковой ветвью».

Постараемся проследить весь путь от интроекции к интериоризации, рассмотрим и возможные ответвления этого пути¹. Выше мы писали о том, что вторжение впечатления знаменует собой осознание² личностью некоторых значимых отношений с Другим (речь может идти о другом человеке — тогда впечатление может переживаться, например, как влюбленность или, наоборот, отвращение — или о мире — тогда чаще употребляют именно слово «впечатление», например, «вид Ниагарского водопада произвел на меня неизгладимое впечатление»). В таких отношениях всегда есть некоторая проблема, несоответствие, зазор. В самом мягком случае это просто неожиданность — переживание того, что сам субъект не ожидал впечатлиться, однако это с ним произошло. Впрочем, как правило, переживаемое несоответствие более значительно. Применительно к динамике возрастного развития Л. С. Выготский писал о «внутреннем противоречии», которое ребенок обнаруживает в своей социальной ситуации развития; средством разрешения этого противоречия становится новообразование (тот самый внутренний психологический эквивалент), которое позволяет снять это противоречие, а само развитие — следствием возникновения новообразования [Выготский 1984].

Для взрослого человека проблемен сам факт впечатленности. Рефлексии этой проблемности посвящен, например, многотомный роман М. Пруста «В поисках утраченного времени», а также цикл лекций М. К. Мамардашвили «Психологическая топология пути» [Мамардашвили 2014]. Используя

¹ Предлагаемая модель родственна модели генеза отношений личности, сформулированной Е.Б. Старовойтенко [см.: Старовойтенко 2015b, стр. 280–281].

² В данном случае мы имеем в виду не глубокое и всестороннее осознание, но некоторую минимальную ашерцепцию. Конечно, эти значимые отношения могут остаться не узанными (см. у Пруста-Мамардашвили метафору «встретить Бога и не узнать его»), но именно во впечатлении они впервые появляются хотя бы и под маской.

гомеостатическую метафору, можно сказать, что проникновение нового, неосвоенного содержания в область эго запускает особую внутреннюю работу, направленную на восстановление потерянного равновесия. Вторжение впечатления в сознание порождает желание что-то сделать с этим содержанием (это могут быть, казалось бы, противоположные желания — «развидеть» или сделать так, чтобы ощущение не кончалось). Значимое содержание открывает зазор: оно как бы есть, но оно бесплотное и в любой момент может исчезнуть. Хочется, подобно Фаусту, остановить мгновение¹. Это желание имеет множество разноуровневых объяснений — от культурной установки «иметь», а не «быть» (Э. Фромм) до эффекта незавершенного действия (К. Левин, Б. В. Зейгарник). Мы же предлагаем взглянуть на такую активность как на защитные механизмы эго. Именно они и составляют, с нашей точки зрения, первую ловушку для процесса развития в диалоге. Защищая эго от изменений, они, таким образом, блокируют и процесс развития.

Итак, с нашей точки зрения, к **первой «тупиковой ветви» траектории развития принадлежат разнообразные копинги и эго-защиты**: от самых примитивных, скажем, отрицания и вытеснения, работающих как своеобразные перцептивные фильтры, позволяющие не замечать впечатление или очень быстро забыть его, до более развитых форм совладающего поведения. Последние характеризуются тем, что человек совершает какие-то практические действия, направленные на присвоение впечатления, его оформление, фиксацию, канализацию и т. п. Всё это действия во внешнем плане, которые маркируют значимость впечатления, однако сами по себе не ведут к изменению/развитию личности, основанному на выстраивании внутреннего эквивалента (интериоризации). Скорее, наоборот, такое действие — способ отделить впечатление от личности, вывести «Я» (которое не больно-то готово развиваться) из под влияния чужеродного

¹ Гётевская фраза может быть интерпретирована по-разному. Возможно понимание: остановить мгновение = длить зазор, остановиться самому и пребывать в этом несвершившемся состоянии вечной лиминальности. Но в данном случае мы имеем в виду обратное желание — схлопнуть зазор, остановить действительность впечатления, воспрепятствовать развертке его динамики, остановить его вторжение, приручить, зафиксировав в виде копии.

содержания, даже если за это придется заплатить довольно дорогую цену (изменив не само ядерное «Я», а его внешние отношения и атрибуты, «Ме», а не «I», по У. Джемсу). Применительно к практике ландшафтной аналитики к таким действиям можно отнести возникновение романтических союзов между участниками, основанных на проекции причины своей взволнованности на другого человека (вспомним классические эксперименты А. Арона и Д. Даттона на шатком мосту), решение завести собаку (после активного взаимодействия с ездовыми собаками, которое является одной из составляющих Московской ландшафтной аналитики)¹. Все это мы наблюдали не единожды.

С нашей точки зрения, к этой же группе можно отнести такую характерную практику фиксации туристических впечатлений, как фотографирование. Потребность в извлечении опыта как бы находит в фотографиях свой предмет и удовлетворение, притом что фактически такового извлечения не происходит. Нет интериоризации: вместо тонкой работы по выстраиванию внутреннего эквивалента, раскрытию смысла создается неполная и некачественная копия чувственной ткани. Задача кажется выполненной, и субъект переключается на другие. Извлечение опыта, основанное на **приобщении** к нему, подменяется формальным **присвоением**. Типичное фото туриста — селфи на фоне природного/культурного объекта — мало отличается по смыслу от выцарапанной на условной египетской пирамиде надписи «здесь был Вася» и так же мало помогает условному Васе приобщиться к вечному.

Мы говорим именно про фотографа-туриста, спешащего зафиксировать картинку — чувственную ткань, а не профессионального фотохудожника, стремящегося передать фотографией значение или даже смысл. В руках у туриста — цифровой фотоаппарат (а то и просто смартфон), на который он

¹ Может показаться, что мы осуждаем или свысока оцениваем такие решения участников. Это не так. Но нам важно подчеркнуть, что подобные решения не приведут сами по себе к «закрытию гештальта». Это — точка начала новых отношений, которым еще только предстоит состояться (или не состояться), пройдя через множество стадий и кризисов. Если отношения будут развиваться, то и личностное развитие состоится, но это будет уже другая история, выходящая за рамки ландшафтной аналитики.

снимает бесчисленное количество фотографий (в нижнем углу каждой — дата и время). Анализируя причины успеха цифровых фотокамер, Г. Н. Козьяр и В. В. Нуркова отмечают, что «именно тотальный контроль стал их главным козырем. Ведь в традиционной процедуре съемки на пленку слишком многое остается неподвластным замыслу фотографа, всегда присутствует зазор между тем, что ожидалось и тем, что получилось в итоге» [Козьяр, Нуркова 2012]. Для того чтобы хоть как-то преодолеть этот зазор, аналоговому фотографу (особенно если он снимает в ручном, а не в автоматическом режиме) требуется не только тщательно сориентироваться в наличной ситуации, но и построить сложный антиципирующий образ будущей фотографии. Можно сказать, что ему необходимо интериоризировать материальную фотографию, которой еще нет. «Обуреваемый сомнениями "получится не получится", [он] пытается запомнить само портретируемое событие, продумать историю, ключом к которой станет пока скрытый и поэтому загадочный снимок. Другими словами, ему приходится компенсировать неполную управляемость камеры дополнительными приемами произвольного запоминания... Целевое воспоминание такого фотографа не будет ограничено рамкой кадра, а насытится не включенной в кадр информацией о происходящем событии... [Фотограф же, снимающий на цифровой аппарат,] может быть абсолютно уверен в том, что его замысел удался. Он видит готовый кадр и поэтому скорее запоминает его, а не окружающую ситуацию. Как следствие, можно прогнозировать качественные отличия в работе памяти при обращении к цифровому или аналоговому снимку» [Козьяр, Нуркова 2012].

Удивительно, но если цифровое фото предлагает быстрый ответ на проблему, схлопывает зазор впечатления, то аналоговое, наоборот, позволяет длить его. Сначала до тех пор, пока фотография не будет напечатана, потом, пока не будет увидена каждым новым зрителем. И если с фотопленкой в течение этого дления ничего не происходит, то внутри переживающего его фотографа идет особый процесс — «некоторое подвешенное состояние, в котором происходит какая-то интенсивная деятельность, не дающая никакого продукта, и которое образно можно назвать «трудом страдания», или

«трудом траура», если угодно. У Фрейда есть выражение — «труд траура», — когда мы держимся в страдании или в труде жизни, в тайной химии жизни, не пытаясь его разрешить или заместить чем-нибудь» [Мамардашвили 2014]. И чем долее человек способен совершать эту непрагматическую работу, тем более ценными и продуктивными могут быть спонтанно возникающие вследствие нее творческие синтезы. Ибо эта работа есть движение в теле впечатления-символа, и в этом движении (по М. К. Мамардашвили, Э. В. Ильенкову) постигаются законы существования мира.

Итак, первая группа активностей — эго-защуты и копинги — характеризуются тем, что личность отказывается принимать впечатление на свой счет. Факт вторжения Другого в мое «Я» или вовсе игнорируется, или игнорируется его символический характер: вторгшееся содержание выносится обратно во вне — в виде фотографии, собаки, романтического партера, повторного приезда в «понравившиеся» места и т. п. Эти формы активностей, с нашей точки зрения, сами по себе не ведут к личностному развитию.

Следующая группа активностей основана на понимании символического характера впечатления, его прямой связи с особенностями «Я». Такие активности личности могут привести к ее развитию. В данной группе следует, в свою очередь, выделить две формы активности.

Первая из них может быть названа **автоархеологией**. Она представляет собой аналитическую реконструкцию своего «Я», основанную на рефлексии впечатления и тех отношений, путь к которым это впечатление озаменовало. Весьма точным, если говорить о такой форме активности, является название «ландшафтная аналитика». Его можно трактовать так: ведущие и участники расшифровывают формулу личности, основываясь на данных о том, в какие отношения с какими ландшафтами вступил тот или иной участник (что «отозвалось», вызвало впечатление). Почти как химик-аналитик, который может установить состав исследуемого вещества в серии опытов, в которых это вещество вступает (или не вступает) в реакции с другими. Такая методология не нова для психологии. Существует целый ряд т. н. аналитических подходов: психоанализ, транзактный

анализ, экзистенциальный анализ и т.д. Их объединяет установка на поиск какой-то скрытой сущности по ее видимым следам. В психоанализе это реконструкция содержания бессознательного на основе толкования снов, оговорок, ассоциаций и т.п. В транзактном анализе — выявление циклично повторяющегося сюжетного сценария в биографии, видимом поведении и т.п. Этот же принцип положен в основу такой формы психодиагностики как проективные тесты. Подобную практику можно представить также как сбор свидетельств о себе: «что обо мне говорит факт, что меня манит к устью этого ручья, а не к его истоку?»

Автоархеологические раскопки — всегда послойная работа, в ходе которой участники могут увидеть как более поверхностные содержания своей личности (например, разделяемые ими стереотипы или питаемые иллюзии), так и более глубокие (мотивы, ценности, смыслы). Критически важно, чтобы ведущий-психолог бережно сопровождал такую активность участников и скрупулезная работа автоархеолога не превращалась в варварские действия черного копателя — найти металлоискателем «главный» артефакт, извлечь его на поверхность и забрать с собой, оставив на его месте раскученную зияющую дыру, уходящую вглубь сквозь все слои. Автоархеология, как и археология, увлекательна и захватывающа, но не стоит забывать, что, во-первых, мы имеем дело с живым человеком, так что автоархеолог оказывается отчасти и хирургом, а во-вторых, в отличие от культурного слоя, толщина которого ограничена, в личности можно копать бесконечно (всегда будет виднеться что-то новое, что захочется извлечь). Зачастую совершенно необязательно доставать «вон ту блестящую штуковину, кусочек которой вроде бы показался». Иногда достаточно просто позволить ей быть там, где она есть.

Здесь уместно вспомнить притчу, услышанную автором еще в школе от учителя английского языка. Орнитолог по образованию, он рассказывал о том, как ушел из профессии после того, как обнаружил в степи орлицу какого-то нехарактерного для тех мест вида. Вернувшись на биостанцию, он рассказал коллегам о находке, но те не поверили и напомнили, что по правилам, птицу необходимо застрелить в до-

казательство ее существования. Кажется, он так и сделал, но бесчеловечность и бессмысленность происходящего (второй такой орлицы в тех местах ждать точно не приходилось) вынудили его сменить профессию.

Автоархеолог собирает музейную коллекцию символов своей жизни и обязательно сопровождает каждый экспонат табличкой — комментарием — интерпретацией. Интерпретация — главный метод аналитика: символ говорит о чем-то важном в личности и именно поэтому он ценен (а вовсе не сам по себе). Однако мультимодальность, глубина и многозначность символа сплющиваются при попытке его прагматического использования (например, в целях развития личности или победы над неврозом). В этом — парадокс интерпретации! Она помогает зафиксировать следы контакта с бессознательным и может быть полезна для решения проблемы, с которой работает участник, но перекрывает путь к раскрытию потенциала символа, который, очевидно, глубже. Будучи означенным как средство решения конкретной задачи, символ перестает быть «средством познания всеобщего» (именно такую характеристику символу дает Э. В. Ильенков [Ильенков 2006]). Интерпретация делает многозначный символ мертвым (или ставшим), фиксируя лишь одно из его возможных значений. Исчезает «тотальная импрессия», единомножие значений и смыслов. Может ли такая работа быть полезной для развития личности? — Безусловно. Можно ли считать такой формат символическим диалогом? — Вряд ли. Скорее это монолог или обмен монологами (см. эпиграф). Причем каждая реплика — акт оПРЕДЕЛения другого.

В зависимости от того, чей монолог слышен отчетливее, человека или ландшафтного объекта (кто кого определяет-определивает), — перед нами автоархеология или **шаманизм**, торжество магического мышления. Автоархеолог говорит сам, шаман — позволяет говорить ландшафтными объектам (которые в этой связи корректнее было бы называть ландшафтными субъектами). Но при этом он сам отказывается от позиции субъекта, принимает позицию объекта воздействия. Именно на этом механизме основывается, например, феномен табу, которое обладающий магическим мышлением человек действительно не может нарушить,

каким бы мнимым оно нам не виделось. С магическим мышлением, поглощенностью впечатлением, мы неоднократно встречались и в практике ландшафтной аналитики. Я бы сказал, что одна из задач ведущих заключается в том, чтобы не допустить длительного пребывания участников в таком состоянии, пробуждая их наблюдающее «Я». Способами такого пробуждения являются рефлексивные вопросы, шеринги, на которых участники делятся своими переживаниями (не только говорят, но и слушают других) и т. п. Именно здесь и возникает наконец та форма активности, которая, согласно предлагаемой модели, и ведет к развитию и созиданию личности — **диалог**.

Задача ведущих во время шеринга — организовать как минимум три контура диалога: диалог с ландшафтными символами, диалог с другими участниками по поводу своих переживаний и диалог с культурой через соотнесение своего осмысления символов с традиционным. Таким образом, открывающееся пространство — область не только группового обсуждения, это еще и пространство культурно-исторического диалога с коллективным субъектом. Обсуждаемые и переживаемые символы имеют свою культурную историю. Многие до меня выбирали именно этот символ как отражение/воплощение некоторых законов. Эта традиция выборов и превратила конкретный предмет в символ — проторенную тропинку или сеть тропинок познания... но для того, чтобы это познание случилось со мной, именно я должен по ней пройти. Так через оперирование символом моя субъектность взаимодействует с другими. Я-сам иду по тропинке, но эта тропинка хранит память и о других ее протаптывальщиках. Своим топтанием я воплощаю тропинку (здесь в пору говорить о поэзисе). Воссоздаю и немного изменяю. Так символ становится средством не только познания всеобщего, не только моего к нему приобщения, но и создания, воплощения этого всеобщего. Однако воплощаю это всеобщее здесь и сейчас именно я. Мое «Я» и есть та инстанция, которая может удерживать одновременное дление нескольких смыслов, нескольких контуров диалога, создающих символический ряд.

Возможность одновременного переживания единомножия смыслов рождает точку «Я», которую можно было бы назвать точкой вневходимости (по М.М. Бахтину). Возможно, впервые в человеческой жизни такая позиция вневходимости или бодрствующего «Я-наблюдателя» появляется в детской игре. Дети легко используют предметы-заместители. Сидя в песочнице, ребенок может, например, приготовить пирог из песка. Он предложит его соседу, и тот съест, но понарошку. Это «понарошку» и есть сохраненная субъектность. И именно в этом «понарошку» живет символическое. В символе одновременно присутствуют оба (а где оба, там и много) значения/смысла одного и того же объекта. Рамка символического диалога держится именно благодаря одновременному осознанию нескольких смыслов объекта-символа, которые должны бы вступать в противоречие, но не вступают¹. Эта одновременность (а не последовательный обмен ударами долотом) отличает символический диалог от автоархеологии или шаманизма.

Отметим, что замечательный современный персонолог В.А. Петровский в своих недавних работах [Петровский 2014; Петровский 2018] предложил понимание «Я» именно как артефакта, самосозидающего себя из «соощущения ощущений» (или в данном случае — соощущения смыслов, которое начинается с двусмысленности). «Я» с необходимостью возникает там, где появляется, замечается и удерживается (длится) двусмысленность (в развитие этой темы см. исследование феноменологии человеческой двусмысленности С.З. Агранович и С.В. Березина [Агранович, Березин 2005]). И здесь мы снова возвращаемся к нашему основному лейтмотиву. В ландшафтной аналитике участникам предлагается не единичное впечатление, а целая череда впечатлений, причем все они берутся участником не сами по себе, а как метафоры применительно к решению сформулированной в клиентском запросе задачи (он озвучивается в самом начале сессии, также метафорически и остается с участником на протяжении всего путешествия).

¹ Такая одновременность появляется в готовом виде в форме группового обсуждения ассоциаций, рождаемых тем или иным символом. Они всегда разные и при этом не исключают друг друга.

Суть психотехники ландшафтной аналитики — создание системы средств, позволяющих участнику начать выстраивать собственный символический ряд во взаимодействии с миром (символы и метафоры, новые задачи и новый опыт как бы накладываются на нитку клиентского запроса), прислушаться к резонансу элементов этого ряда и не просто услышать, но воплотить таким образом свое «Я», извлечь его из соощущения смыслов полученных впечатлений. Вся система ландшафтной аналитики нацелена **не** на то, чтобы каким-то образом схлопнуть зазор, решить задачу, а наоборот, на то, чтобы как можно дольше сохранить зияние этого зазора, вычерпывая из него бесконечный ряд смыслов, переживание которых конституирует «Я» участника и созидает новый опыт.

Позволим себе привести две метафорические иллюстрации к сказанному. Первой может служить издавна применяющаяся конструкция сводчатого потолка или моста, при которой перекрытие не падает в силу того, что каждый кирпич опирается на другой. Именно так, по нашей задумке, должны складываться кирпичики опыта, из которых и строится развивающееся «Я» участника ландшафтной аналитики. **Вокруг зазора задачи, а не в его зиянии** складывается прочная конструкция, основанная на творческом использовании законов природы.

Вторая иллюстрация — популярный в Мурманске метод сухого посола сельди, когда выпотрошенные рыбины пересыпаются солью и как бы вкладываются друг в друга: спинка в брюшко. Будучи замкнута в круг, такая конструкция напоминает символ Уробороса, но с точностью до наоборот: в данном случае не змей поедает свой хвост, но спинка одной рыбины не дает закрыться брюшку другой, обеспечивая равномерную засолку продукта.

Подведем итог сказанному. Итак, сталкиваясь с новым впечатлением, субъект воспринимает его как задачу. Он стремится либо не заметить ее, либо поскорее решить. Он действует прямо и непосредственно, желая поскорее снять противоречие, но в ландшафтной аналитике создаются специальные условия для того, чтобы на пути такого решения возникала новая задача и даже череда задач. Используя психодинамическую терминологию, можно сказать, что в этом случае либи-

дозная энергия устремляется не по кратчайшему пути через образованный значимым отношением зазор, а встречаясь с определенными запрудами, совершает движение по контуру самого этого зазора. Двигаясь не «поперек», а «вдоль» или «вокруг» зазора, участники успевают лучше изучить его, построить его образ, сориентироваться в нем, отчасти разобраться в законах функционирования не только этого конкретного зазора, но и зазоров (т. е. задач) вообще, значительно обогатить образ мира. Любопытно, что ландшафтная аналитика как форма психологической практики возникла в совершенно конкретном месте — на Самарской луке — и долгое время проводилась только там. Самарская лука образована излучиной Волги, русло которой огибают Жигулевские горы. Волга делает практически полный круг (в самом узком месте у села Переволоки полоска суши — не более 2 км), огибая территорию ок. 155 тыс. га. Сама Самарская лука является символом описанного движения вдоль, а не поперек зазора.

Снова вернемся к пониманию «Я», предложенному В. А. Петровским — «Я» как «соощущение ощущений», «целостность смыслов», «конфигурация артефакта»... Такое «Я», подобно могучей реке, прокладывает себе русло, и его конфигурация точно отражает особенности рельефа той местности, в которой река суждено течь. Формирование русла — метафора символического диалога личности с миром. Причем слово символ здесь используется в строгом смысле, отсылающем нас к античному «симбаллон» — разломанной надвое табличке, конфигурация разлома которой принадлежит одновременно обеим ее половинкам. Употребляется ли слово «диалог» в данном случае в переносном или прямом значении, сказать трудно, но совершенно точно, что и активно меняющийся рельеф, и сама речная вода, торящая себе дорогу, могут быть представлены как равнозначные субъекты, в соавторстве которых творится река. При этом река «интериоризирует» доступный ей образ мира (рельеф дна) — вылепливает своими водами его подобие, внутренний эквивалент.

Чем на практике обеспечиваются условия для символического диалога «Я» и мира в ландшафтной аналитике? Очевидно, что простого нагромождения впечатлений-задач, их группового обсуждения и амплификации образов

ландшафтных объектов мифологическими параллелями недостаточно. С нашей точки зрения, задача ведущего — создать условия, при которых траектория обхождения со впечатлением не приведет ни в один из обозначенных тупиков — в область эго-защит, копингов, прагматической не-символической деятельности или магического мышления, — но действительно устремится в активность символического диалога. Создать полный перечень приемов затруднительно, тем более что метод постоянно развивается и обогащается новыми техниками. Однако среди таковых, безусловно, следует упомянуть нахождение некоторого общего языка, на котором возможен диалог с объектом-символом.

Мы не знаем, что это за язык, но мы можем организовать условия для его нахождения. Мы стараемся создать такие условия диалога, при которых канал коммуникации будет одновременно предельно узким и непривычным, неосвоенным. Так, мы можем предложить участникам идти к дереву, символизирующему жизненную цель, с закрытыми глазами (нужно ориентироваться на данные тех органов чувств, которые обычно оказываются на периферии внимания и создают фон), устанавливать контакт с собакой, символизирующей партнера (как выбрать, если видишь 16 морд впервые?), или добиваться от другого участника, играющего роль собачки, выполнения загаданного действия, только лишь подкрепляя его верные действия с помощью кликера (это даже не привычное по детским играм «тепло-холодно», а вдвое меньше). Использование непривычного канала дезавтоматизирует, остраивает коммуникацию [см.: Шкловский 1925], направляет на нее произвольное внимание субъекта. Внимательное оперирование новым, но сравнительно легким в освоении каналом позволяет участникам обогатить и уточнить их образ мира и образ себя в мире, а установка на то, что решаемая практическая задача может выступать метафорой, порождает дополнительно к задаче-запросу и практической задаче новую задачу на установление смысла.

Идея диалога человека и вещи заложена в термине *affordance* (в русскоязычной литературе он чаще всего встречается в буквальной транслитерации: «аффорданс»). Появившийся в лоне экологического подхода Дж. Гибсона [Гибсон

1988] и Д. Нормана [Норман 2006], этот термин означает воспринимаемые возможности, которые предлагает субъекту тот или иной объект. Так, дупло на высоком дереве дает белке возможность укрыться в нем от непогоды, наблюдать с удобного ракурса за происходящим вокруг, защититься от хищников, не умеющих лазать по деревьям и т. п. Замечательный нидерландский философ и архитектор Эрик Риетвелд вводит понятие социальных или культурных аффордансов [Rietveld, Kiverstein 2014], это такие же возможности, которые объект дает субъекту, но лежащие вне поля моторных задач. Существуют объекты, специально созданные именно для социальных аффордансов (например, памятники, призванные создать условия для того, чтобы, глядя на них, припоминать те или иные события), но социальные аффордансы есть и у «обычных» вещей. Скажем, круглый стол создает условия для свободного общения сидящих за ним. Важно, что вещь как бы предлагает аффорданс, но не «навязывает» его. Аффорданс — это форма, которую может принять активность субъекта при взаимодействии с вещью. Парадокс в том, что этой формы нет ни у вещи, ни у субъекта, она возникает именно в пространстве их взаимодействия. Именно это обстоятельство и позволяет нам утверждать, что в термине «аффорданс» заложена идея символического диалога человека и мира.

Предмет — это «вещь сделанная», объект, в отношении которого был совершен акт определения: одни его аспекты и соответствующие аффордансы были подчеркнуты, а другие нивелированы («вот это стол, за ним сидят»). В ландшафтной аналитике участники сталкиваются с природными объектами, которые если и возникли в связи с человеческой деятельностью, то лишь отчасти. Предлагаемые ведущими «упражнения» направлены на раскрытие некоторых заданных аффордансов объектов, но вместе с тем они всегда стимулируют и выявление новых. Возможность всегда быть больше, чем являешься, вести себя не так, как прежде, согласно, М. К. Мамардашвили, — уникальное свойство живо-го. Таким образом, открывая в окружающих объектах новые аффордансы, но не сводя сущность этих объектов именно к ним, участники ландшафтной аналитики как бы одушевля-ют окружающий мир. ландшафтные объекты превращаются

в ландшафтные субъекты, собеседников, предлагающих бесконечный ряд возможностей.

Здесь мы подходим к формулированию важнейшей цели ландшафтной аналитики, а именно: к приобщению участников к опыту открытия бесконечных возможностей (возможности бесконечны — совокупность реализованных возможностей конечна) в диалоге с миром. Ландшафтная аналитика, таким образом, оказывается не просто психотерапией нового опыта, но психотерапией новых возможностей. В решении последовательности задач формируется (как мы надеемся) особая оптика, позволяющая раскрывать в мире пространство возможностей. Опыт диалога с миром становится, выражаясь словами К. Г. Юнга, опытом «символической жизни».

Литература

- Агранович С. З., Березин С. В. (2005). Homo amphibolos: Археология сознания. Самара: Бахрах-М.
- Березин С. В., Исаев Д. С. (2009). Ландшафтная аналитика: опыт трансдисциплинарной психотерапии. Самара: Универс групп.
- Выготский, Л. С. (1984). Проблема возраста. // Собрание сочинений в 6 т., т. 4, ч. 2. М.: Педагогика.
- Гибсон Д. Д. (1988). Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс.
- Ильенков Э. В. (2006). Идеальное. Культурно-историческая психология, 2, 17–28.
- Козяр Г. Н., Нуркова В. В. (2012). Какие воспоминания мы выбираем? Как цифровой фотоаппарат изменяет нашу память. Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований, (4), 12–25.
- Мамардашвили М. К. (2014). Психологическая топология пути, т. 2. М.: Фонд Мераба Мамардашвили.
- Норман Д. (2006). Дизайн привычных вещей. Москва — Санкт-Петербург — Киев: Издательский дом "Вильямс".
- Петровский В. А. (2014). Я: конфигурации артефакта. Культурно-Историческая Психология, 1, 63–78.
- Петровский В. А. (2018). Психофизическая проблема: «кто» видит мир? (эскиз концепции опосредования). Методология и история психологии, (1), 58–83. <https://doi.org/10.7868/S1819265318010053>

- Старовойтенко Е. Б. (2015а). Впечатление: память и воссоздание жизни. Мир психологии, 2, 130–145.
- Старовойтенко Е. Б. (2015б). Персонология: жизнь личности в культуре. М.: Академический проект.
- Шкловский В. Б. (1925). Искусство как прием. // О теории прозы. М.: Круг.
- Rietveld E., Kiverstein J. (2014). A Rich Landscape of Affordances. Ecological Psychology, 26(4), 325–352. URL: <https://doi.org/10.1080/10407413.2014.958035>

Справка об авторе: Арсений Сергеевич Белорусец, психолог, аспирант Центра фундаментальной и консультативной персонологии НИУ ВШЭ. Исследователь и ведущий ландшафтной аналитики. arsenny@mail.ru

ЛАНДШАФТ И ЛИЧНОСТЬ: ОТ ПРИСВОЕНИЯ К ОТДАЧЕ

Аннотация: Рассматриваются стадии отношения личности к окружающей среде на примере сферы досуга (рекреация, туризм): 1) присвоение вещей; 2) присвоение/накопление носителей информации; 3) потребление событий — ощущение без присвоения; 4) отдача информации; 5) отдача вещей; 6) и далее – сопереживание, повторение предыдущих стадий с младшим/подчиненным партнером/спутником. Психологическое пространство изображено на чертеже (картоиде) в виде кольцевого пруда, по которому человек движется в лодке, удаляясь от острова «Его» и приближаясь к внешнему берегу «Alter».

Ключевые слова: присвоение, отдача, сопереживание, стадии, кризисы.

Предмет этой статьи — стадии отношения к окружающей среде, которые отдельный человек в идеальном случае может пройти по мере накопления опыта и в процессе своего духовного развития.

1. Присвоение вещей: рассматривает среду, ландшафт как кладовую, из которой можно кое-что унести, увезти домой; собирает растительное сырье, образцы минералов и пород, охотится, ловит животных, покупает или делает из добытого материала сувениры, превращает свое жилище в музей и склад трофеев.

2. Присвоение информации, точнее, изготовление или присвоение вещественных средств отражения среды и своего с ней контакта: накапливает фотоснимки, слайды, книги, буклеты, карты, дневники и в конце концов тонет в своем информационном потоке.

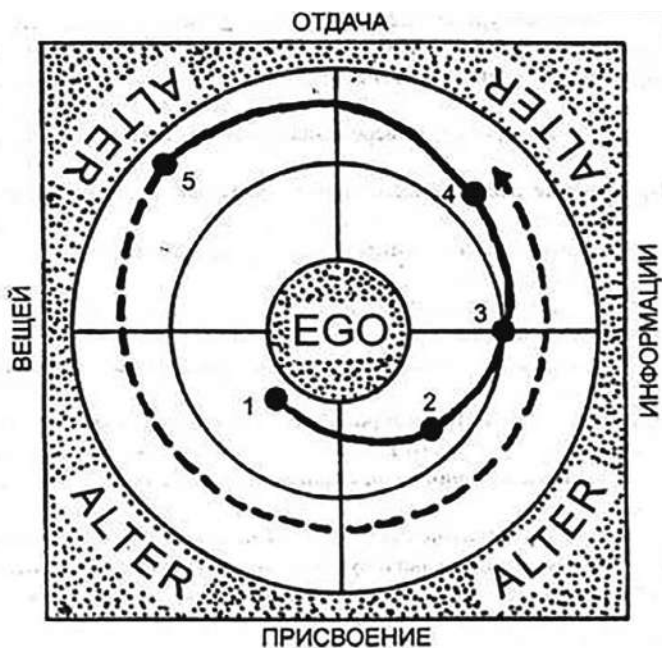
3. Потребление событий: забросив коллекционирование, получает удовольствие от непосредственного и неповторимого постижения окружающей среды, без помех и озабоченности, без попыток унести с собой материальные следы и свидетельства восприятия.

4. Отдача информации: не удовлетворенный индивидуальным, эгоистическим потреблением впечатлений, организует прогулки и путешествия для других, новых людей;

использует свой туристский опыт в педагогической работе, в научном, литературном, художественном творчестве.

5. Отдача вещей: коллекции и архивы, ценные для общества, дарит научному учреждению, музею или частным лицам, способным их лучше сохранить.

6 и др. Сопереживание: вместе с младшими товарищами, учениками, слушателями, спутниками, детьми снова переживает пройденные стадии, в какой-то мере участвуя в соответствующих занятиях.

Личностные стадии (уровни) отношения людей к окружающей среде

1) Присвоение вещей, 2) присвоение носителей информации, 3) ощущение без присвоения, 4) отдача информации, 5) отдача вещей; ————— первичное переживание, - - - - - сопереживание.

Развитие личности в сфере досуга изображено спиралью (см. рисунок). Человек как бы плывет в лодке по кольцевому

пруду, удаляясь от островка эгоизма и приближаясь к внешнему берегу альтруизма. Сплошная кривая линия соединяет стадии первичного переживания от 1 до 5; прерывистая кривая — сопереживание без разделения на стадии. Сопереживание может начаться и до того, как пройдены все стадии первичного переживания. Внутренняя зона «пруда» — преобладание эгоизма, внешняя — альтруизма. В этой схеме жизненные пути многих людей обобщены и как бы спроецированы на одну линию. Далек не каждый человек проходит все стадии. Их может пройти и ряд поколений.

Переход личности на другую стадию нередко сопровождается своего рода кризисами. Обозначив косой чертой границу между пронумерованными стадиями, укажем местоположения кризисов: $1/2$ — кризис стяжательства; $2/3$ — информационный потоп; $3/4$ — кризис эгоизма; вся стадия 3 может рассматриваться как сплошной кризис $2/4$; далее $4/5$ — продолжение кризиса $1/2$. Таким образом, прямые, разделившие пруд на четыре сектора (квадранта), пригодны для обозначения кризисов.

Внешним поводом для выделения личностных уровней послужило учение С. Кьеркегора, различавшего три «стадии жизненного пути» человека: 1) эстетическую — наслаждение жизнью для себя, погоню за внешним и блестящим; 2) этическую — жизнь для ближних, регулируемая их оценкой, поисками одобрения, стремлением поступать «хорошо»; 3) религиозную — жизнь для Бога (а в атеистической интерпретации — служение сверхценной идее, высшему благу человечества и т. п.), регулируемая совестью, даже вопреки давлению окружающих. В приведенной здесь градации от кьеркегоровского прототипа сохранилось немного. Учтена возможность вторичного подключения к низшим уровням при сопереживании, поэтому траектория развития личности сделана спиральной. Все содержание настоящей статьи почерпнуто из личного опыта автора и наблюдений за спутниками и товарищами по туристскому образу жизни, без использования научной литературы.

Справка об авторе: Борис Борисович Родоман, доктор географических наук. Положил начало новому направлению теоретической географии, отражающему ландшафтно-географическую специфику России. bbrodom@mail.ru

ПРАКТИКА

Конопельцева Ю.В.

ЛАНДШАФТНАЯ АНАЛИТИКА С СОБАКАМИ — ОКНО В МИР АКТИВНОГО ВОООБРАЖЕНИЯ

Аннотация: В статье рассматриваются сходства и различия методов ландшафтной аналитики и активного воображения К. Г. Юнга. Автор рассматривает оба метода на основании четырех стадий активного воображения, выделенных Марией Луизой фон Франц. Автор также показывает, как живое общение с настоящими собаками в рамках ландшафтных аналитик может стать дверью в мир активного воображения.

Ключевые слова: активное воображение, бессознательное, внутренний диалог, инстинкт, индивидуация.

*Те, кто видит сны наяву в ясный день,
всегда идут гораздо дальше тех,
кто видит сны, только засыпая по ночам.*

Эдгар Алан По

«Ландшафтная аналитика — это психотерапевтическое путешествие группы участников и ведущих по определенному ландшафтному маршруту; это «трансдисциплинарная психотерапия, элементом которой является освоение человеком запечатленных в гипертексте культуры смыслов посредством переживания ландшафтных объектов. Однако цель ландшафтной аналитики не только в том, чтобы привлечь внимание к духовным ценностям, неизвестным подавляющему большинству людей, но и в том, чтобы дать его участникам возможность столкнуться с тем содержанием своей душевной жизни, которое по тем или иным причинам остается вне осознания в процессе нашей повседневности. Чтобы понять, о каком содержании идет речь, представьте себя ночью в лесу или в темном, холодном подвале, и вы почувствуете, как пространство вокруг вас начинает

превращать во вместилище инородной силы, вы почувствуете тревогу или даже страх, хотя при этом вы можете четко понимать, что бояться нечего. Можно предположить, что источники переживаемого страха находятся в бессознательном и относятся к той его части, которую К. Юнг назвал коллективным бессознательным.

Таким образом, одна из целей проекта заключается в том, чтобы сделать эмоциональный опыт от встречи с бессознательным (подавленным, «зашумленным» материалом) понятным и осознанным» [Березин, Исаев 2009, с. 11].

Осознание бессознательного материала является неотъемлемой частью процесса индивидуации — обретения собственной Самости человека. Это путь с длительным процессом внутренней трансформации и перерождения в другое существо. Это «другое существо» уже является внутренней частью нас — необходимо лишь установить контакт с ним и наладить диалог.

«Мы похожи на тех близнецов Диоскуров, один из которых смертен, а другой бессмертен, и которые несмотря на то, что они всегда вместе, не могут стать полностью одним. Трансформационные процессы стремятся приблизить их друг к другу, но наше сознание сопротивляется этому, так как человек кажется странным и жутким, и поэтому мы не можем привыкнуть к мысли, что не являемся полным хозяином собственного дома. Мы предпочитаем всегда быть "я" и ничем другим. Но мы стоим лицом к лицу с нашим внутренним другом или врагом, и то, является ли он нам другом или врагом, зависит от нас.

Совсем не обязательно быть душевнобольным, чтобы слышать его голос. Напротив, это самая простая и естественная вещь. Например, вы можете задать себе вопрос, на который "он" даст ответ. Беседа будет продолжаться дальше, как любой другой диалог. Вы можете описать это как простое «движение ассоциаций» или «разговор с самим собой», или как «размышление» — в смысле древних алхимиков, которые называли своих собеседников *aliquem alium internum* («некий другой внутри»). Эта форма разговора с другом души допускала даже Игнатием Лойолой в технике его *Exercitia*

spiritualia, но с тем условием, что говорить разрешено только размышляющему человеку, в то время как внутренний собеседник оставляется без внимания, как нечто свойственное только человеку и поэтому отвергаемое» [Юнг 2016]

Дальше Юнг сетует, что и по сей день положение вещей не меняется, голос обесценивается, отмечается и игнорируется.

С тех пор прошло сто лет, новый век. Но в XXI веке мы наблюдаем еще большую оторванность человека от природы, инстинктов, от чуткого слушания самого себя. Связь с бессознательным не поддерживается в бытовой жизни. Я часто встречаю мнение, что это ни к чему, слушать внутренние голоса.

Но «...действительное собеседование становится возможным только тогда, когда эго признает существование партнера для дискуссии. Этого невозможно ожидать от каждого, потому что, в конце концов, не каждый является субъективно годным к exercitia spiritualia. Также нельзя назвать разговором такую форму общения, при которой один говорит только с собой или только обращается к другому» [Юнг 2016].

Тогда, чтобы дать человеку возможность почувствовать «внутреннего Другого», необходимо дать ему другого внешнего, который постепенно станет внутренней фигурой и с которым в дальнейшем клиент сможет вести диалог.

Е.Б. Старовойтенко очень красиво описывает свойство "Я" познавать себя через Другого: «Связь моего Я с Другим устанавливается во внешнем пространстве "между", во внутренних мирах каждого из нас, в мирах, где протекает наша жизнь относительно независимо друг от друга. Развертывается процесс взаимных встреч, отражений, присутствий, влияний, ускользаний, изменяющих Я и Другого. Это тот путь, где совершаются наши совместные или взаимно направленные действия, мною добывается знание о себе и Другом, приоткрывается неизвестное Я, возникают предчувствия и интуиции моего «другого Я», открывается и создается новый Другой-во-мне, рождается новое Я-в-Другом, меняемся во взаимоотношениях Я и Другой». [Старовойтенко 2015, с. 377]

В практике ландшафтной аналитики таким внешним Другим становится собака, которую участники встречают и выбирают в нашем питомнике во время путешествия.

Участник не просто выбирает себе собаку-партнера, но и отправляется с ней в совместное путешествие. Такая практика совместного действия, движения с собакой, когда участник «вынужден» выстраивать диалог, совместность, со-бытие на маршруте, напоминает метод активного воображения, о котором говорит Юнг.

Техника активного воображения сродни медитации, в которой медитирующий отправляется в путешествие по своей фантазии, скользит по поверхности индивидуальных смыслов и осознанных ожиданий. Однако активное воображение, как следует из самого термина, означает, что образы живут своей собственной жизнью и символические события происходят согласно их собственной логике — если, конечно, не вмешивается наш сознательный разум.

Юнг отмечал, что такая осознанная фантазия очень тяжело давалась многим из его пациентов, хотя, когда им удавалось освоить технику, пациент начинал продвигаться семимильными шагами в сторону улучшения своего психического состояния.

Ученица Юнга Мария Луиза Фон Франц выделяет четыре стадии активного воображения [Фон Франц 2019, с. 15]. Рассмотрим работу с собаками через призму этих стадий.

Первая стадия состоит в том, чтобы очистить мозг. Остановить вереницу мыслей. Буддисты называют это остановкой «обезьяньего мозга» — той штуки, которая внутри нас бесконечно спорит и думает.

В ландшафтной аналитике первой стадией становится ритуал входа в работу. Клиент постепенно «выхватывается» из мирской жизни и переносится в мифологическое пространство, в котором ему и предстоит жить ближайший день или два. Рассмотрим ритуал подробнее, шаг за шагом. Встреча участников на железнодорожной станции — это встреча на границе цивилизации и леса. С одной стороны, это банально удобно — и электричкой и машиной на станцию добраться комфортно, а с другой, это уже не шумная городская улица, а размеренная деревенская площадь, в дальнем конце которой колышутся стеной деревья. На станции еще возможна подготовительная суета, закупка

последних «жизненно необходимых» вещей — последние попытки эго ухватиться за привычную жизнь и остаться в ней, последние попытки того самого «обезьяньего мозга» суетиться. Далее, до места первого привала, мы всегда идем медленным шагом хотя бы пять минут. Ритмичная ходьба расслабляет участников, позволяет выровнять дыхание, оглядеться по сторонам, почувствовать свое тело и окружающий ландшафт. К моменту прибытия к месту привала участники уже меньше суетятся и больше направлены внутрь себя. После этого следует достаточно длинная речь от ведущих, в которых они погружают участников в символическое поле, рассказывают сказки, мифы, истории, показывают различные грани и стороны знакомых объектов, наполняют их дополнительными смыслами. Постепенно, за счет длительности и монотонности речи, участники окончательно расслабляются и, с одной стороны, погружаются внутрь себя, с другой — начинают внимательно разглядывать внешний ландшафт, замечая малейшие нюансы. Они начинают одновременно пребывать в двух ландшафтах: внешнем (природном) и внутреннем (душевном). К примеру, сидя под вековым дубом и слушая про Мировое дерево и путешествующих по нему животных-медиаторов, участники часто замечают, что дерево похоже на дорогу с расходящимися в сторону ветками-тропинками, а кора напоминает отпечаток пальца человека. Участники отзываются на эти образы тем, что видят в этом уникальность каждого из них и их жизненных Путей.

Затем мы снова обращаемся к сознанию и просим обозначить запрос, с которым будем работать. Это необходимое условие, иначе участник совершает длительную, хоть и безусловно приятную, прогулку по природному ландшафту, но не совершает прогулки по ландшафту внутреннему, не заходит в сакральное пространство сверхчеловека (М. Элиаде) или активного воображения (К. Г. Юнг).

Далее какое-то время группа движется по природному ландшафту. Во время перехода участники «скользят сознанием» из внешнего мира во внутренний и обратно. Таким образом, появляется опыт скольжения и существования в нем,

что важно для диалога с внутренними частями себя и будущего диалога с собакой.

Скорость остановки «обезьяньего мозга» у каждого своя. И для того, чтобы все участники смогли замедлиться и остановить вереницу мыслей в голове, мы делаем несколько вводных упражнений, все из которых участники выполняют в одиночестве, оставаясь частью группы. Постепенно группа перестает волноваться о том, сколько времени и когда мы придем к собакам, полностью вверяясь в руки ведущих. Именно в этот момент маршрут приводит нас в дом, в гости к собакам.

Начинается вторая стадия. В образовавшийся в сознании «вакуум» начинают поступать эмоции и фантазии, что означает собой начало соединения с бессознательным. Юнг призывает не отказываться от возникающих образов, а наоборот, говорит, что мы обязаны иметь с ними дело, относиться к содержаниям бессознательного серьезно и, в конце концов, принять их.

На этой стадии людей, практикующих активное воображение, подстерегает опасность спутать его с пассивным воображением, то есть с тем «внутренним кино», которое каждый из нас может вызвать перед своим взором в момент засыпания, к примеру. Или же активное воображение «путается» с внутренним диалогом с аффектом или воображаемой ситуацией, который мы часто ведем с самим собой. В упомянутых формах воображения участник всегда «знает», что все это — «только» фантазия. Это очень хорошо демонстрирует пример пациентки Юнга, которой он предложил попрактиковать активное воображение между сессиями [Фон Франц 2016, 30–31].

«Я была на пляже у моря, и в моем направлении шел лев. А затем он превратился в овцу...» — и Юнг прервал ее: «Ерунда. Когда на вас идет лев, вы реагируете на это. Но вы не сидите и наблюдаете, как он превращается в овцу. Вы напуганы. Так, как вы описали, люди себя не ведут при встрече со львом. Это неправда». Отсутствие страха у анализанда говорит о том, что она не принимала фигуру льва за реальную. Так же как и многие новички, анализанд позволила себе из-

менить реальность фантазии на «удобную»: сделать из опасного льва безопасную овечку.

Некоторые начинающие практиканты активного воображения используют «фиктивное Я» для своих фантазий. Так история, описанная выше, могла бы выглядеть, если бы клиентка Юнга использовала этот вариант фантазирования: «Я вижу со стороны, что я на пляже у моря и в моем направлении идет лев. Он набрасывается на мою фигуру и растерзывает». Сознание убегает от столкновения с бессознательным, оставаясь в стороне от всех событий.

Вот почему мы предлагаем нашим участникам живых собак. От выстраивания отношений с ними не получится убежать. На второй стадии каждому участнику предстоит выбрать себе собаку, с которой он пойдет дальше. По сути, участники отзываются на появившиеся из бессознательного эмоции, аффекты и образы, интуитивно выбирая себе партнера.

Впечатление от встречи с пятнадцатью дружелюбными собаками получается очень сильным и порождает желание что-то сделать с ним. Как правило, первое время участники сильно захвачены эмоциями: они смеются, вскрикивают, выпрашивают имена хаотично пробегающих мимо собак. В тот момент участникам нравятся все собаки сразу, они воспринимаются единой стаей. Очень часто можно слышать: «Как же мне выбрать, они же все такие хорошие, такие милые!» или «Ой, как вы их различаете? Они же все одинаковые и прекрасные! Я не смогу выбрать!»

Момент выбора собаки сродни влюбленности, любви с первого взгляда — участника захлестывают сильные чувства по отношению к другому живому существу. Юнг полагал, что в момент сильной влюбленности мы сталкиваемся с собственными внутренними архетипами. Невероятную очарованность другим человеком Юнг объяснял бессознательной проекцией Анимы и Анимуса на партнера. То есть в объекте страсти мы видим себя и приписываем ему или ей свои черты и оказываемся захвачены собственными фантазиями о партнере. Тогда получается, что влюбленность, как и любовь с первого взгляда, — это встреча с самим собой, что возвращает нас к сути

активного воображения: установить контакт с незнакомыми содержаниями самих себя.

Основным содержанием второй части является знакомство участников с их эмоционально-инстинктивными частями. Постепенно эмоциональный аффект отступает, участники совершают выбор собаки и отправляются в совместное путешествие.

Так наступает третья стадия. В активном воображении это стадия этической конфронтации, в ходе которой человек реагирует на складывающиеся обстоятельства своим истинным эго, на манер обычной жизни.

«...важно дать людям знать, что они не должны просто следовать указаниям голосов. Но и подавлять эти голоса, думая, что это шизофрения или безумие, также не стоит. Это этическое противостояние, в котором человек должен обладать своей собственной точкой зрения» [Фон Франц 2019, с. 20–21].

Таким образом фон Франц призывает нас к диалогу с возникающими внутренними образами, к тому, чтобы научиться взаимодействовать с ними, согласно ситуации.

На маршрут выходит вереница пар «человек-собака», первой и последней из которых являются ведущие ландшафтной аналитики также с собаками. Участникам дается инструкция не обгонять других участников, не отставать, замечать, что происходит вокруг них на маршруте и как это отзывается внутри. Предлагается, с одной стороны, довериться собаке, которая может провести по маршруту, а с другой — не потерять себя в этом, отслеживая собственные мысли, эмоции, желания.

Если участник игнорирует потребности собаки, пытается тащить ее, постоянно отдергивает, то собака теряет задор, перестает тянуть, а значит, помогать. Скорость такой пары падает, они начинают отставать от группы. В итоге человек приходит к месту сбора уставшим и недовольным прогулкой. На шеринг-группе он не может ничего рассказать о своем собачьем партнере, говоря лишь о личном негативном опыте.

Когда клиент не дает себе возможности действовать импульсивно, инстинктивно, а руководствуется только сознанием, на это тратятся все силы, а удовольствие получается сомнительное.

Бывают противоположные ситуации, когда клиенты отодвигают собственные потребности в угоду собаке (когда внутренний голос становится «гласом Господа»). Тогда возможны два варианта развития событий: в первом клиенту попадает хорошая лидирующая собака, которая тащит этого клиента вперед по трассе с дикой скоростью и прытью. Клиент спотыкается, у него начинает болеть спина, ноги, сбивается дыхание. Эта пара начинает обгонять других участников, что иногда приводит к конфликтам у собак. К финишу человек приходит еле живой и со словами «Мне попала неуправляемая собака!»

Во втором сценарии клиенту попадает собака-не-лидер: она по трассе не ломится вперед, но гуляет, нюхая цветочки, делая свои дела, пугаясь под ногами клиента, делая резкие рывки в сторону интересных объектов, бегая вокруг человека. Так как участник позволяет собаке делать все эти вещи, движутся они крайне медленно, а человеку приходится постоянно выпутывать себя и собаку из связывающей их веревки. К финишу они приходят вялые, позже остальных; участник, как правило, сетует, что собака совершенно не хотела работать, металась во все стороны сразу и ему пришлось просто идти сзади.

В обоих этих сценариях на шеринг-группе участники могут много сказать о том, что собака делала, как работала, довольно удачно догадываются о характере собак (скорее именно догадываются, а не замечают характер во время совместного движения), но не могут передать собственные переживания и переживания их двоих как взаимодействовавшей пары.

Все происходившее во время движения становится предметом рефлексии шеринг-группы. Событийный материал, предлагаемый участником, рассматривается как актуальное положение в его процессе индивидуации.

В первом случае человек отдается на волю инстинктов, но они оказываются слишком мощными и неосвоенными и просто уносят своего человека куда придется. В процессе индивидуации человек оказывается охвачен содержимым бессознательного и может потерять нужный вектор развития.

Во втором же случае инстинкты и эмоции настолько загнаны в тень, что, даже имея возможность развернуться на полную, они выступают вяло, но все сразу. Человек импульсивно может делать разные, иногда противоположные, действия, которые фрустрируют его и не дают нужной скорости в развитии.

В случае же, когда участник может голосом или руками простимулировать собаку двигаться, а потом дать отдых себе и собаке; может остановиться рассмотреть интересный ему лесной объект, а потом дать такую же возможность собаке, получается тот самый «диалог», о котором говорит К. Г. Юнг, и то самое создание «нового Другого-во-мне» и «Я-в-Другом», о которых говорит Е. Б. Старовойтенко. Участник слышит голос собаки, отвечает, сообщает так или иначе собаке о своих желаниях, и собака на них реагирует и подстраивается. Возникает «пребывание между двумя крайностями», которое и дает плоды.

На этой стадии участники открывают для себя, что могут не жить привычными паттернами, а попробовать действовать иначе. Любой получивший опыт помогает участникам взглянуть на свой запрос под другим углом.

Четвертая стадия одновременно и простая, и сложная. Она состоит в том, чтобы придать форму внутренне воспринятым образам фантазии. При этом, говорит фон Франц, «находясь в активном воображении делайте умозаключения так же, как сделали бы в обычной жизни» [Фон Франц 2019, с. 21].

Все, что происходит в активном воображении, это по-настоящему, без обмана. Если участник дает какое-либо обещание в активной фантазии, то он непременно должен его выполнить, как если бы дал его живому человеку в своей обычной жизни.

Полученный участниками опыт уникален по личным переживаниям, но не уникален по воспроизведению. Он может быть повторен вне маршрутов ландшафтных аналитик; участнику не нужны уникальная группа или ведущие для связи со своим бессознательным.

В работе с собаками клиенты не так часто дают обещания своим собачьим партнерам, но они могут давать обещания

внутреннему образу этих партнеров. Тому образу, который унесут с собой в повседневный мир. На этой стадии нам важно помочь участникам унести с собой их инсайты, эмоции, телесные ощущения, любой, случившийся с клиентом опыт. Ландшафтная аналитика не заканчивается с окончанием путешествия, а продолжает «перевариваться во внутреннем котле» каждого участника.

Для этого мы используем различные техники арт-терапии: свободное рисование, аппликация, создание арт-объектов (талисманы, куклы, икебаны и прочее). Помимо того что арт-терапия — это отличный способ познакомиться с содержаниями бессознательного, все это помогает «заякорить», «заземлить» полученный разнообразный опыт. В дальнейшем, встречая созданный артефакт, участник легко погружается в пережитый опыт, из которого может извлечь новые полезные воспоминания.

Здесь также важно удержать участников в балансе, между «я рисую шедевр» и «нарисую как-нибудь, ведь главное обсудить смысл». Нужный нам формат где-то между этими двумя крайностями: рисунок или иной артефакт должен быть завершенным, но при этом участнику не следует заикливаться на оценке своего продукта (насколько он красив, идеален, лучше, чем у других).

Таким образом, мне кажется, что психотерапевтические путешествия, в том числе и с собаками, могут являться формой активного воображения, доступной большинству людей. В путешествии участник может в безопасной обстановке познакомиться со своими внутренними фигурами и установить с ними контакт. В отличие от фантазий, собака в реальном мире реагирует на действия человека реальными действиями, и участнику приходится вступать в диалог, не убегая и не диссоциируясь.

Ландшафтная аналитика с собаками не может быть заменой активного воображения Юнга, как и не может быть полным его аналогом. Но она может стать первой ступенью на пути к активному воображению, окном и дверью, через которые человек сможет заглянуть и войти в мир подлинного общения с содержаниями бессознательного.

Литература

- Березин С.В., Исаев Д.С. Ландшафтная аналитика: опыт трансдисциплинарной психотерапии. — Самара, 2009. URL: http://psycheya.ru/lib/land_analiz.pdf
- Старовойтенко Е. Б. Персонология: жизнь личности в культуре. Монография — М.: Академический проект, 2015. — 431 с.
- Фон Франц М.-Л. Психотерапия. — М.: Клуб Касталия. 2016. — 250 с.
- Фон Франц М.-Л. Противостояние коллективному бессознательному // Юнгианский анализ №2 (37) 2019. С. 9–43.
- Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть Архетипов. 2016. https://royallib.com/get/doc/yung_karl/dusha_i_mif_shest_arhetipov.zip
- Справка об авторе:* Юлия Владимировна Конопельцева — аналитический психолог, сказкотерапевт, анималотерапевт, гонщица на собаках и владелец питомника северных ездовых собак. yuliakonop@gmail.com

ТЕРАПИЯ С ЛОШАДЬМИ ИЛИ ИППОВЕНЦИЯ. ЛОШАДЬ КАК ПРОВОДНИК К СЕБЕ НАСТОЯЩЕМУ

В наше время человечество ищет баланс между активным развитием технологий, улучшением качества жизни, осознанным потреблением и проживанием жизни. В мире (все еще?) есть множество природных примеров осознанного поведения животных — например, лошади. Как и человек, лошадь социальное животное, ориентированное на установление связей с другими. Поскольку лошадь — это сверхчувствительное животное, она дает мгновенную обратную связь на психоэмоциональное состояние находящегося рядом человека. Таким образом, сформированные специалистом упражнения с лошадьми помогают осознать, как чувства и эмоции напрямую влияют на окружающих и как данный опыт переживания момента «здесь и сейчас» влияет на качество жизни.

Тренинги с лошадьми, терапия с лошадьми, экопсихология, ипповенция, иппотерапия, психотерапия с животными.

Активное общественное развитие приводит к тому, что человек теряет осознание своих истинных потребностей, перестает жить своей жизнью, все больше погружаясь в реализацию навязанных ценностей, теряя связь с собой настоящим. Поэтому большую популярность имеют различные мероприятия, тренинги и семинары, направленные на восстановление осознанности и связи с природой, развитием личности, в том числе и анималотерапия (терапия с участием животных). Наша окружающая среда всегда имеет влияние на психическое и эмоциональное состояние человека. Животные — часть окружающей нас среды, и их позитивное влияние на психическое, эмоциональное и физическое состояние человека становится все более очевидным.

Последние исследования показали, что лошадь может оздоравливать не только физическое, но и психологическое состояние человека. Все знают, что такое иппотерапия, но не так давно в России появились направления, связанные с психотерапевтическим эффектом, который оказывает лошадь, это ипповенция [методы НФ ИАКС].

К данной терминологии мне, как специалисту в этой области, хочется добавить такие направления взаимодействия с лошадьми, как тренинги личностного и профессионального развития, которые проводят коучи, а также тренинги для групп, среди которых корпоративные тренинги, тренинги для профессиональных сообществ, семейные тренинги и другие. Все эти направления объединяет присутствие лошади, которая определенным образом взаимодействует с человеком.

В присутствии лошади невозможно скрыть истинные эмоции. Это связано с тем, что лошади очень уязвимые, поэтому от природы наделены высокой чуткостью и способностью мгновенно замечать опасность. Они способны различать настроение, улавливать тревогу, страх, радость. Лошадь считывает состояние человека, который находится рядом и отражает ему все то, что происходит внутри [Heart-to-Heart-Connections with Horses are not all that sentimental]. Как и человек, лошадь социальное животное, она ориентирована на установление связей с другими членами табуна, то есть семьи или общественной группы. Помимо эмоционально-психологических воздействий, лошадь оказывает и другое благотворное влияние на организм. Даже если человек просто находится рядом с лошадью, у него увеличивается выработка окситоцина, так называемого гормона счастья, снижается уровень кортизола — гормона стресса, восстанавливается сердечный ритм [Kaye Gehrke 2012].

Лошадь своим поведением и реакциями помогает человеку увидеть себя со стороны, понять свою силу и слабость, проявить и развить свои лучшие качества, преодолеть свои страхи и обрести уверенность. В процессе терапевтических сессий с участием лошадей люди испытывают яркий спектр эмоций, включается воображение, повышается чувство доверия себе и окружающему миру. Через взаимодействие с лошадьми человек развивает навыки осознанности, управления собой, определяет свои истинные намерения и начинает реализовывать свое будущее [Гизетдинова 2016].

Литература

- Методы Национальной Федерации иппотерапии и адаптивного конного спорта. <https://ippoterapia.ru/aboutus#methods>
- Heart-to-Heart-Connections with Horses are not all that sentimental. By Isabell on 18.08.2016. URL <http://eponasoul.org/?p=132>
- Kaye Gehrke, E. The Horse-Human Heart Connection. Results of Studies Using Heart Rate Variability. URL http://isar.dk/wp-content/uploads/2012/02/Dr_Kaye_Article.pdf
- Гизетдинова Г. Р. Возможности социально психологического тренинга на основе общения с лошадью в развитии базового доверия и психологического благополучия личности. 2016. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2016/data/8499/uid113009_report.pdf
- Справка об авторе:* Елена Алексеевна Анисимова — специалист по терапии с лошадьми, член Национальной Федерации Иппотерапии и Адаптивного Конного Спорта, психолог и МАК-консультант, основательница центра ипповенции «Счастливая терапия», Москва, Россия, info@happyterapia.ru

СТРАТЕГИИ ВЫБОРА ПАРТНЕРА В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ НА ПРИМЕРЕ ПОХОДА В ПЕЩЕРУ

Аннотация: В формате кейс-стади описаны стратегии выбора партнера, продемонстрированные участниками терапевтического проекта «Путешествие за смыслом». С опорой на характерные поведенческие особенности, которые можно было наблюдать в ходе путешествия, реконструируются возможные причины выборов, совершенных участниками. Делается вывод о том, что все они носят адаптивный характер.

В данной работе проведем исследование стратегии выбора партнера в решении задач в условиях неопределенности на примере похода в пещеру в рамках терапевтического проекта «Путешествие за смыслом». Рассматриваем его как метод групповой психотерапии, в полной мере предоставляющий возможность для выбора любого из указанных А. Маслоу путей самоактуализации.

Работа проводится на территории заповедника Самарская лука, где группа переключается с городского ритма на ход вещей естественной природы. Природа выступает здесь в качестве помощника для творческого самовыражения участников, она расслабляет и переключает фокус внимания с внешних проблем и переживаний на внутренние ощущения. Природа становится средой, где через знаки, образы, слова проявляются архаические слои бессознательного. Проживание новых состояний в пути становится ресурсом для решения личных запросов, с которыми обращаются участники.

Маршрут путешествия включает в себя несколько этапов: пешую прогулку по дороге, погружение в пещеру, восхождение на гору и спуск к воде. Перед началом каждого этапа группа получает предписания от ведущих. В данной работе разберем этап, где участникам группы предлагается совершить выбор партнера для совместного похода в пещеру, который может быть рассмотрен как принятие решения в ситуации неопределенности.

«Условиями неопределенности считается ситуация, когда результаты принимаемых решений неизвестны. Неопределенность подразделяется на стохастическую (имеется информация о распределении вероятности на множестве результатов), поведенческую (имеется информация о влиянии на результаты поведения участников), природную (имеется информация только о возможных результатах и отсутствует о связи между решениями и результатами) и априорную (нет информации и о возможных результатах). Задача обоснования решений в условиях неопределенности всех типов, кроме априорной, сводится к сужению исходного множества альтернатив на основе информации, которой располагает лицо, принимающее решение. Качество рекомендаций для принятия решений в условиях стохастической неопределенности повышается при учете таких характеристик личности субъекта, принимающего решение, как отношение к своим выигрышам и проигрышам, склонность к риску. Обоснование решений в условиях априорной неопределенности возможно построением алгоритмов адаптивного управления» [Воробьев и др. 1994].

Начну рассуждать, как формируются суждения об исходном множестве альтернатив у участников процесса. Остановка у пещеры — это третья остановка в походе. За это время удается выстроить коммуникацию и получить представление об участниках. Некоторые участники приходят в процесс парами, некоторые видят друг друга впервые. Первое знакомство происходит на корабле, где группа пребывает больше часа. В это время некоторые участники вступают в неформальное общение. Ведущие выступают в качестве наблюдателей, не вмешиваясь в процесс. После прибытия на другой берег происходит официальное знакомство, где каждый представляется и озвучивает запрос на работу, на второй стоянке происходит обсуждение. Таким образом к третьей остановке у участников формируется некоторое представление друг о друге. После подъема в гору группа оказывается у входа в пещеру. Ведущие предлагают сделать выбор партнера и пригласить его с собой внутрь.

Как участниками воспринимается предложение посетить пещеру? Это означает отправиться в совершенно новое, неизведанное место. В условиях замкнутого, узкого и холодного

пространства ведущий предписывает выключить световые приборы, оставаясь в темноте комфортное для участника время, прекратить общение, побыть в тишине. После чего вернуться к группе.

Как происходит выбор партнера? У всех участников группы не было предыдущего опыта посещения пещеры, а представления о людях, сидящих в кругу были больше похожи на интуитивные ощущения. На этом этапе важно затронуть вопрос осознанного и неосознанного выбора. Ландшафт в этом понимании яркий маркер проявления индивидуальных особенностей человека. В выборе партнера подключаются бессознательные факторы, способствующие принятию решения. Участники не подозревают, как сознание логически объясняет их выбор, при этом истинная мотивация не осознается. Срабатывают внутренние критерии, определяющие выбор партнера. Предположительно, одним из важных факторов, влияющих на принятие решения являются родительские программы. Понятие родительских установок было открыто более полувека назад основоположником транзактного анализа Эриком Берном. Под понятием родительские установки понимаем стереотипные правила поведения, которые выражаются в поступках, словах или жестах. В этом случае взрослые следуют готовым шаблонам, заложенным в них и отработанным в собственной жизни без попытки анализа их эффективности и полезности.

Как уже было сказано, задача обоснования решений в условиях неопределенности всех типов, кроме априорной, сводится к сужению исходного множества альтернатив на основе информации, которой располагает лицо, принимающее решение. Таким образом, перед участниками встает задача обосновать решение выбора на том опыте, который был получен до третьей остановки. На этом этапе происходит объединение установок, полученных в родительской семье, и опыта, полученного за время похода.

Итак, рассмотрим примеры ситуаций, где участниками совершался выбор партнера. Некоторые пришли со своими друзьями, кто-то был давним знакомым друг друга. В этом случае информация, которой владеет участник, больше, чем для тех, кто встретился во время похода впервые. В сознании

выбор происходит с опорой на предыдущий опыт. Опыт позволяет сгенерировать возможное множество альтернативных вариантов и обосновать свое решение в пользу безопасного. Так, на вопрос «Почему вы выбрали Аню?» участник отвечает: «Я ее давно знаю и доверяю ей». Элемент доверия при выборе становится ключевым. В этом случае «доверие является некой совокупностью представлений субъекта: отражающих его ожидания того, что объект будет реализовывать некоторые функции, способствующие увеличению или сохранению основных потребностей субъекта, проявляющихся в готовности субъекта делегировать объекту реализацию этих функций» [Ильясов 2014].

К моменту, когда участник совершает выбор, подключаются бессознательные факторы принятия решения, в этом случае выбор происходит благодаря установкам, полученным ранее. Екатерина предпочла Ирину, с которой близко общалась несколько лет назад. Она пригласила ее следующим образом: «Ирина, приглашаю тебя в пещеру. Я пойду, если ты пойдешь первая». В процессе работы с Екатериной мы узнали, что она является старшим ребенком в семье. Катя рассказала, что в детстве родители часто наказывали ее за ошибки. Страх перед потенциальной возможностью совершить ошибку трансформировался в неуверенность. На текущий момент наиболее простой способ избежать негативных последствий в жизни — переложить ответственность за ошибку с себя на другого. Таким образом, доверие к знакомому человеку в этом случае может рассматриваться как уход от личной ответственности в ситуации выбора.

Рассмотрим еще один пример выбора партнера на основании предыдущего знакомства. Ольга пришла на проект вместе со своей подружкой Милой. В процессе работы они держались вместе, комментировали процессы, общались друг с другом. При этом Ольга была уверена в своей правоте, проявляла себя в позиции лидера. Выяснилось, что она нашла информацию о походе и записала в него свою подружку. Внешне она часто выражала заботливое поведение по отношению к другим. В момент, когда участникам поступило предложение совершить выбор, Ольга отреагировала первой среди всех участников и пригласила Милу с собой. По функциональному критерию

Ольга проявляла себя как заботливый родитель: оберегающий, поддерживающий, а может быть, и гиперопекающий [Берн 2003]. Ольга была собрана, не проявляла эмоции, выполняла предписания быстро, завершала первой. Со стороны казалось, что она выполняет работу формально. Мила, наоборот, не торопилась, погружалась и как будто увлекалась выполнением задания. В случае с Ольгой выбор партнера в первую очередь произошел благодаря ее отношению к партнеру: в поведении четко прослеживалось проявление заботы, внимания, опеки, в некоей степени нравучительность.

Выбор еще одной участницы, Дарьи, был обоснован доверием к одному из ведущих. На первой остановке, в процессе обсуждения цели похода, Дарья сформулировала его следующим образом: «Желаю выбраться из говна». За время маршрута она больше наблюдала, мало общалась. Она впервые встретилась с участниками группы и ранее ни с кем не была знакома. Перед пещерой Дарья выбрала в качестве партнера одного из ведущих. Находясь в состоянии чрезмерной психологической напряженности, Дарья предпочла наиболее, по ее мнению, безопасного партнера. Возможно, фигура ведущего выступала как некий гарант психологической поддержки, к нему она испытывала состояние принятия. «Мне с вами спокойно», — прокомментировала свой выбор Дарья. Таким образом, выбор Дарьи был обусловлен ее острым психическим состоянием.

Рассмотрим случай выбора партнера участником с низкой самооценкой. «Заниженная самооценка — это приписывание себе несуществующих недостатков или их переоценка в сторону занижения. Занижение — это всегда ниже нормы, ниже необходимого для нормальной жизни уровня. Заниженная самооценка личности свидетельствует о неверном, деформированном самосознании — повышенной самокритичности вплоть до «самоедства» [Безрукова 2000]. В процессе похода участница Тамара несколько раз проговаривала, что ее мнение не имеет значения, подчеркивала свою неправоту в процессе обсуждения общих вопросов, перекладывала ответственность за принятие решений. На первой остановке, при обсуждении целей похода, одним из своих запросов обозначила выстраивание отношений с противоположным полом.

За время маршрута до пещеры она проявляла внимание к единственному мужчине в группе. Предлагала ему сесть рядом, спрашивала, мог бы ли он понести ее куртку. В процессе работы у них установился дружеский контакт. После того как ведущие предложили определиться с выбором партнера, незамедлительно Тамара первая предложила Александру посетить пещеру. Александр проявлял внимание к рассказам Тамары, задавал ей вопросы, соглашался с ее предложениями. Неуверенные утверждения Тамары о своей внешности и поведении Александр подкреплял положительными высказываниями. При рассмотрении исходного множества альтернатив у Тамары сформировался положительный образ человека, которому она предложила отправиться в неизвестное пространство.

Таким образом мы наблюдаем различные мотивы при выборе партнера в решении задач в условиях неопределенности. Разделим участников на две группы: на тех, кто уже был знаком с партнером ранее и кто познакомился с участниками похода впервые. Для тех, кто уже знал некоторых участников ранее, выбор партнера выпадал на знакомого человека. Уже имеющаяся информация о нем являлась неким гарантом безопасности, уверенности в его надежности. Вторым основанием выбора знакомого стало его проявление заботы и опеки о близком человеке.

К условно обозначенной второй группе мы относим тех участников, кто впервые познакомился в походе. Сюда попадает широкий круг психологических аспектов. Мы затронули понятия из транзактного анализа Эрика Берна, когда говорили об эго состоянии родителя. Транзактный анализ Берна способствует пониманию причин наших проблем, возникающих и проявляющихся на уровне общения. Три эго-состояния человека являются базовыми состояниями, взаимодействие которых определяет психологию поведения, взаимодействия и здоровья, качества жизни человека.

Рассмотрим выбор участника, который стремится избежать чувства вины. Обуславливаем связь этого состояния с процессами из детства, связанными с совершением неверных поступков по мнению родителей. В настоящем моменте прослеживается мысль, как будто жизнь проходит без его

участия, он сам не может повлиять на события. На уровне эмоций проявляется страх и беспомощность. В этом случае в состоянии принятия решения выбор партнера обуславливается условиями, в которых участник переносит часть ответственности.

В случае, когда участник проявляет неуверенность в поступках, привлекает к себе внимание для получения положительных отзывов о себе, выбор падает на наиболее отзывчивого в группе участника. На того, кто является психологической опорой и дает положительный отклик на просьбы.

Так же мы рассматриваем ситуацию выбора, когда участник группы находится в состоянии стресса. В этом случае инстинктивно выбирается наиболее безопасный, ресурсный партнер, в нашем случае являлся ведущий-психолог.

Все выше пересказанные примеры показывают, что психика человека при выборе партнера в решении задач в условиях неопределенности является адаптивной.

Литература

Безрукова В. С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). Екатеринбург, 2000.

Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры: научно-популярная литература. Минск: Современный литератор, 2003. 448 с.

Воробьев С. Н., Егоров Е. С., Плотников Ю. И. Теоретические основы обоснования военно-технических решений. М.: РВСН, 1994.

Ильясов Ф. Н. Типы шкал и анализ распределений в социологии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 4. С. 34.

Справка об авторе: Анна Евгеньевна Старухина – психолог, магистр психологии. Автор проекта «Путешествие за смыслом», опирающегося на метод ландшафтной аналитики и техники Института интегративной семейной терапии. agumita@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИХ ПУТЕШЕСТВИЙ, ВЫБОР И ПОСТРОЕНИЕ МАРШРУТА

Странно ли, что тебе нет никакой пользы от странствий, если ты повсюду таскаешь самого себя?

*Сенека, Нравственные письма
к Луцилию, письмо XXVIII*

Никто не осознает красоты путешествия, пока не приходит домой и не прикладывает голову на старую знакомую подушку.

Линь Юйтан

С конца XIX века психиатрами и психотерапевтами всего мира отмечен рост психических расстройств невротического уровня параллельно росту технического прогресса, индустриализации и урбанизации. Увеличение массовой доли невротических расстройств многие ученые связывают именно с этими факторами. К началу XXI века человек получил крайне динамичную жизнь в серых однообразных городах, обедненных естественной средой, насыщенную «быстрыми» коммуникациями — интернет, сотовая связь, телевидение, социальные сети, мессенджеры и т. д. Прямое межличностное общение стало замещаться экранами мониторов, смартфонов, появились так называемые искусственные языки с минимальным запасом слов, а стили общения стали аббревиатурными. Костры, реки, моря, горы и прочую «природу» стали включать в виде заставок на плазменных и жидкокристаллических панелях. Начало происходить отчуждение человека от природы и от самого себя в том числе. Интернет дал неограниченный доступ к информации, тем самым колоссально расширив информационное пространство человека. Мозг стал перегружаться ненужной хаотичной информацией и давать сбой в виде психических расстройств. Отдаление человека от природы негативно сказывается на его физическом и психическом

здоровье. Параллельно с этим процессом участились случаи ухода людей из социума, скитаний по миру, смен мест жительства и даже появилось такое понятие, как дауншифтинг. То есть человека перестал устраивать привычный уклад жизни и он начал искать что-то новое, но, как и до нашей эры, когда на свет появился Сенека, сохранился актуальным вопрос: **«Странно ли, что тебе нет никакой пользы от странствий, если ты повсюду таскаешь самого себя?»**

Я много путешествовал и, как мне кажется, в этих путешествиях бежал от себя, своих проблем, жизненной неустроенности и неудовлетворенности. Четыре года назад, проходя подготовку по психотерапии, мне довелось познакомиться с этими письмами и тогда же я впервые задал себе этот вопрос из цитаты. Отвечая на него, я смог осознать то, от чего бежал сам, и понять, как можно изменить вектор направления и начать путешествовать к себе, своему дому, своим родным и близким. Так зародился проект «Компас». Было самопознание и многочисленные уже на этот день «Путешествия к себе». Изначально приходилось многое делать самому. И в первую очередь я столкнулся с особенностями организации таких путешествий, ведь они в корне отличаются от обычных туристических походов, но есть и точки соприкосновения. Для этого я прошел обучение на инструктора по туризму, которое позволило мне глубже погрузиться в нюансы организации путешествия и суметь интегрировать психологию, психотерапию, психоанализ в само путешествие.

Организация психологических путешествий перекликается с организацией и построением маршрута в туризме до 2–3 категории сложности с учетом времени года и погодных условий.

В приоритете — комбинированные маршруты с наличием всех видов ландшафтов и различным способом их преодоления.

Также большую разницу имеют автономные маршруты, когда участник в отрыве от цивилизации, и радиальные маршруты, когда участник имеет возможность вернуться в цивилизацию в любой момент.

Очень важным является акцент внимания на изначальном физическом и психическом состоянии участников мероприятия. Особую важность диагностические мероприятия имеют при длительных автономных экспедициях. Например: тренинг в пещере, который длится около 6 часов, я провожу только для клиентов, которые находятся у меня в терапии или ранее были уже на других моих мероприятиях.

Необходимо построение маршрута на основании индивидуальных особенностей и запросов каждого участника мероприятия. Можно провести на организационном собрании дискуссию о том, какой ландшафт вызывает какие чувства и ассоциации.

Если в спортивных категорийных маршрутах рациональнее и эффективнее жесткое разграничение обязанностей, то в психологических путешествиях мне видится важным дать возможность каждому участнику мероприятия попробовать себя в роли лидера, завхоза, повара, навигатора и т.д. Это повысит их ответственность, вовлеченность в процесс и коммуникативные навыки! Также можно разделить обязанности на подготовительном этапе.

Обязательно нужно закладывать время на психотерапевтические практики при построении маршрута следования.

Должны оставаться силы для практик и самонаблюдения. Размеренность в путешествии.

Если в путешествии происходит вынужденное разделение единой группы на подгруппы (например, необходимо ехать на нескольких машинах), то каждая подгруппа должна сопровождаться психотерапевтом.

Считаю, что работа должна начинаться с момента организации группы и оканчиваться по ее завершении.

При длительной экспедиции следует предусмотреть выходные дни для психотерапевтов и заранее подготовить задания для самостоятельной работы участников — это, например, могут быть практики из арт-терапии, написание промежуточных отчетов.

Обсуждение и обратная связь — на каждом этапе, а также утром и вечером. Походный быт интересно наделять психологическими практиками. Например: «Готовя пищу, подумай, что ты вкладываешь в это. Понаблюдай о чем ты будешь

думать, моя посуда за всеми? Только за собой? Сегодня ты лидер нашей группы — что ты при этом чувствуешь? Как распределишь обязанности? По завершении — какой твой опыт?»

Стоит организовать спортивно-туристическое страхование на время проведения мероприятия. Стоимость — в среднем 50 рублей в сутки.

Полезные ссылки

<https://cherehapa.ru/>

Перечень классифицированных и эталонных туристских спортивных маршрутов и препятствий: http://www.tssr.ru/files/materials/877/webPerechen2008_TSSR_09.12.08.pdf

Библиотека отчетов о походах: <http://www.tlib.ru/>

Сборник всесоюзных туристических маршрутов (можно заказать печатную книгу по интернету): <http://www.alib.ru/bs.php4>

Справка об авторе: Владислав Сергеевич Андропов — Врач психиатр, врач психиатр-нарколог, психотерапевт. Член Самарского отделения СМУ РОП. Член Русского Географического Общества.

Пластический спектакль «Принцип Аполлона» на музыку
И.Ф. Стравинского «Аполлон Мусагет». Севастополь, ГИАМЗ
«Херсонес Таврический», 2015. Фото Е. Бровиной.

Пластический спектакль
«Принцип Аполлона» на
музыку И.Ф. Стравинского
«Аполлон Мусaget».
Севастополь, ГИАМЗ
«Херсонес Таврический»,
2015. Фото Е. Бровиной.

Танцевальное действо «Поэма экстаза» на музыку А.Н. Скрябина.
Москва, Концертный зал им. П.И. Чайковского, 2005. Фото В. Гортинского.

Танцевальное действо «Поэма экстаза» на музыку А.Н. Скрябина. Москва,
Концертный зал им. П.И. Чайковского, 2005. Фото В. Гортинского.

Танцевальное действо «Поэма экстаза» на музыку А.Н. Скрябина.
Москва, Концертный зал им. П.И. Чайковского, 2005. Фото В. Гортинского.

Студия музыкального движения и импровизации «Гептахор»
(художественный руководитель А.М. Айламазьян). Фестиваль «Терпсихора
в Тавриде», 2019. Фото А. Корниловой.

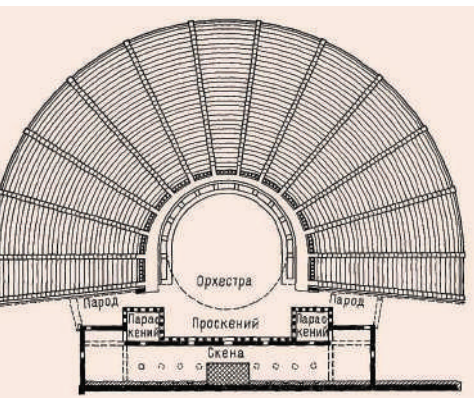

Рис. 1. План греческого театра.

Рис. 2. Н.А. Энман. Из серии «Встречи с Изадорой в Греции»: «Гептахор» в театре Диониса (на переднем плане А. Дункан). Акварель, 1919.

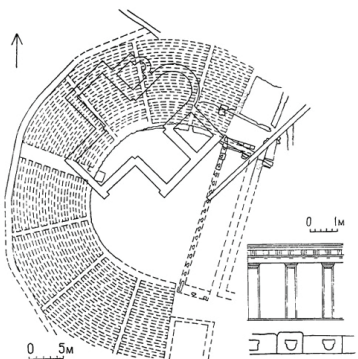

Рис. 3. Античный театр Херсонеса (III в. до н.э. – IV в. н.э.). Христианский храм (VI – XIV вв.). План и реконструкция фрагмента проскения.

Рис. 4. Театр Херсонеса устремляется в небо. Из работ воспитанников Детской школы мозаики под руководством диакона Димитрия Котова.

Музыкальное путешествие по страницам оперы Н.А. Римского-Корсакова «Царская невеста». Постановка творческого объединения «Лига музыки». Александровская слобода, 2019.

Bunker 599,
фотографии с сайта www.raaaf.nl

М.А. Власова

Опыт жизни
в измененном
пространстве

Айламазьян А. М.

МУЗЫКАЛЬНО-ПЛАСТИЧЕСКАЯ ИМПРОВИЗАЦИЯ КАК ДВИЖЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ МУЗЫКАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ

Аннотация: В статье рассматривается проблема выразительного движения, его семантики и психологического строения. Музыкально-пластическая импровизация выступает в качестве модели порождения выразительного движения. Показано, что смысловое наполнение жеста связано с его направленностью в психологическом пространстве. В свою очередь, актуальное психологическое пространство можно рассматривать в единстве физической окружающей человека среды и символического пространства художественной реальности. В работе выделяются культурно-исторически обусловленные способы решения задачи символического означивания окружающего пространства и порождения психологического пространства театральной игры.

Ключевые слова: психологическое пространство, символическая реальность, художественная реальность, выразительное движение, жест, театральное пространство, пластический танец.

Предметом нашей работы является выразительное движение, рождающееся в ответ на звучащую музыку. Сам по себе феномен знаком как профессиональным танцорам, так и народным исполнителям, людям, любящим танец и чувствующим его природу. Однако в музыкально-пластической импровизации отношение к музыке как к источнику движения, определяющему содержание танца, его смысл, приобретает особое значение, можно сказать, главенствующее. Использование классической музыки ставит перед танцующими непростую задачу выражения в движении или переживания через движение музыкальных смыслов, создания музыкально-двигательных форм.

Возникает закономерный вопрос: как звуковые или слуховые образы воплощаются в образы движения, как возникает соответствие музыки и движения, синтез их выразительных

средств? Один из наиболее распространенных ответов обращает внимание на ритм, объединяющий музыкальную стихию и стихию движения. Эта идея лежит в основе такого направления, как ритмика Э. Жак-Далькроза, в свою очередь повлиявшего на многие художественные и педагогические искания [Жак-Далькроз 2010]. Однако ритмическая организация музыки и танца — важное, но не единственное средство художественной выразительности; из целостности и совокупности всех средств рождается смысловое содержание произведений искусства. Основой их объединения и условием восприятия является создание особого мира художественного произведения, его пространства и времени.

Первые концепции выразительного движения появляются в середине XIX века, и в них ставится главный вопрос: что делает движение выразительным, знаковым? Как понять значение выразительного движения? [Танцевальные практики 2012].

При выделении сферы выразительных движений или выразительных жестов прежде всего подчеркивается, что это особый класс движений, выполняющих непрагматическую, неутилитарную функцию, они не направлены на достижение цели действия, их функция иная — знаковая, коммуникативная. Они обращены к другим людям и призваны передать определенные отношения или изменить эти отношения, эмоциональные оценки окружающего мира.

Среди знаковых движений можно выделить так называемые конвенциональные жесты и естественные выразительные движения. Первым на это обратил внимание создатель теории выразительного поведения французский актер Франсуа Дельсарт. Естественный жест является непосредственным выражением чувства человека. С. М. Волконский в книге, посвященной системе Ф. Дельсарта, пишет: «Нас не занимает то движение, которому человек поручает заменить слово: не тот жест интересен, которым человек показывает, что он хочет спать, а тот, который выдает его сонливость... Невыдуманный жест, значит, а непосредственный, тот, о котором Дельсарт сказал, что он есть «прямое орудие сердца; непосредственное проявление чувства, выражение того, что в словах пропущено» [Волконский 2012, с. 57].

Другая характеристика выразительного жеста связана с его семантикой. Естественный жест тяготеет к движению, в отличие от конвенционального жеста, тяготеющего к статике. Значение естественного жеста не зависит от конкретной формы движения или от той части тела, которой он выполняется. Решающим моментом является направленность выразительного движения. Наоборот, в искусственном, придуманном жесте невозможна замена, например, указания рукой на мимическую экспрессию и т.п. Искусственный жест воспринимается как статическая фиксация определенного положения тела и его частей. Как указывает современный исследователь невербального языка А. Я. Бродецкий, «значение естественного знакового движения находится в связи со всем окружением человека и зависит от того, как это жестовое движение ориентировано в пространстве. Поэтому при одном и том же направлении значение движения (от взгляда до перемещения всего тела) всегда будет одинаковым» [Бродецкий 2000, с. 15].

Таким образом, жест приобретает свое значение в некотором воображаемом пространстве, где символически означены различные направления и оси. Это воображаемое пространство имеет свое сопряжение с реальным физическим пространством и с реальным телом человека. Так, определенным образом обозначается начальная точка или центр, откуда исходят движения. На наличие такой символической точки или центра движения указывали Ф. Дельсарт, А. Дункан, Р. Штайнер, М. А. Чехов и др. [Танцевальные практики 2012; Айламазьян 2018а]. Айседора Дункан определяла место солнечного сплетения как исходную точку движения, его центр [Айседора Дункан 1990]. По мнению Р. Штайнера, такой центр должен располагаться выше, ближе к тому месту в теле, где рождается речевой звук [Искусство эвритмии... 1996]. М.А. Чехов подчеркивал, что важно осознать место начала жеста, его исходный пункт [Чехов 1986]. Представления о центре движения и воображаемом пространстве выразительного движения были ясно сформулированы Ф. Дельсартом: «Каждый человек есть как бы центр несуществующей окружности. Он мыслит или от себя, или по отношению к себе. Он сам — отправная точка всех своих проявлений

и конечная точка всех своих восприятий. Или от центра к окружности, или от окружности к центру, — другого направления нет ни в физической, ни в душевной, ни в умственной деятельности человека. Между этих двух деятельных состояний есть третье, — спокойное равновесие, сосредоточие центра в самом себе», — писал С. М. Волконский [Волконский 2012, с. 46].

Для возникновения психологического или символического пространства важно указать не только его центр, но и его границы. Как пишет А. Я. Бродецкий, «превратить обычное пространство в психологическое достаточно просто. Для этого стоит только обозначить границы или, по крайней мере, условиться с кем-либо об их существовании» [Бродецкий 2000, с. 18].

В рамках психологически выделенного пространства символическое значение приобретают и его координаты, имеющие культурную обусловленность: вертикаль как координата отношения власти, иерархии, господства, подчинения, помощи и падения, высоты помыслов; горизонталь как координата дружеского общения, диалога, взаимодействия равных, борьбы, выбора решения, правого и левого; сагитталь в значении активного движения вперед к цели или движения назад — в значении отступления, отхода, отказа, желания выйти из ситуации и т. п. Направленность, пространственное расположение жеста раскрывает его смысл.

Танцевальный или пластический жест в ситуации импровизации также осуществляется, с одной стороны, в символическом психологическом пространстве музыкальных смыслов и образов, а с другой стороны, является физическим действием, реальным движением в определенном физическом пространстве. Выполнение физического движения в ситуации музыкально-двигательной импровизации в воображаемом символическом пространстве не только делает его выразительным, передающим музыку, но и меняет его психологическую структуру и строение.

Для того чтобы понять специфику выразительного движения, можно сравнить его с выполнением произвольного двигательного акта или осмысленного действия. В психологии достаточно подробно изучена структура и генез

произвольных движений [Запорожец 1960]. Произвольное движение выполняется на основе словесного приказа, словесной команды: поднять руку, присесть, прыгнуть на месте, сделать определенное количество шагов и т. п. Психологическое строение и характер движения меняется, когда оно включается в структуру того или иного предметного действия: тот же подъем руки может быть связан с конкретной задачей взять предмет, приседание — с тем, чтобы выполнить задание на полу, на земле, или когда необходимо проползти под препятствием, и т. п. В этом случае движение становится осмысленным, изменяются параметры его выполнения: возможности человека расширяются, делается доступным то, что было недостижимым, когда движение являлось самоцелью. В цикле известных исследований восстановления движений после ранения, проведенных под руководством А. Н. Леонтьева и А. В. Запорожца, подчеркивается, что именно в особенностях строения произвольного двигательного акта выражается единство психологического и физиологического в движении. «Последнее же стоит в связи с тем, совершается ли, например, данное движение в системе координат собственного тела или же в системе внешних пространственных координат, определяется ли его координация свойствами предмета, на который оно направлено, или особенностями орудия, диктующими приемы работы с ним. Все это, в свою очередь, определяется тем, входит ли данное движение в ту или иную целостную деятельность» [Леонтьев, Запорожец 1945, с. 12].

Возвращаясь к танцевальному жесту, отметим, что он может выполняться как произвольное движение (тогда оно осуществляется в координатах собственного тела), так и в качестве осмысленного действия. Подлинно выразительным танец становится, когда движение превращается в направленный осмысленный жест. Такое движение выполняется в координатах символического пространства, в котором план физический и воображаемый соединены, а ориентировка выходит за границы тела, внимание смещается в сторону образов пространства.

Сказанное демонстрируют примеры упражнений из практики музыкального движения [Айламазьян 2019]. Так,

в упражнении «Рвать яблоки» на музыку Дж. Верди выполняется ходьба на высоких полупальцах и поочередно поднимается то правая, то левая рука. Однако предложенный образ — «рвать яблоки» — рождает движение дотягивания до высоко растущего плода, движение продолжается вверх, заполняя повисшую после последней ноты паузу. В другом упражнении на музыку шведской народной мелодии выпад в стороны с раскрытыми руками оправдываются устремлением к другому человеку, попыткой дотянуться до него, до чего-то желанного. Переход с одной ноги на другую, попеременное движение вправо и влево создает образ гармонии между разными тенденциями, между движением в разные стороны. Таким образом, устремление вовне, к желанной цели, изменяет как параметры движения, так и его психологическое наполнение.

Пространственные музыкальные образы неотделимы от переживания времени в музыкальном произведении и от образов движения. Движение позволяет проявить переживание символического пространства в музыкальном произведении. Так, общая форма движения и взаимодействия между участниками создает пространство круга, или прямолинейное пространство, пространство спирали, и т.п. Движение по кругу переживается как непрерывно текущее время музыкального произведения. В движении к центру круга и из центра к окружности переживается рождение пространства музыкального произведения: сужение и расширение, пульсация, сжатие в точку и взрыв.

В противоположность коллективному, совместно рождающемуся пространству, возникает индивидуальное, личное: оно также может рождаться из точки, из центра движения и расширяться до сферы вокруг человека. Музыка может выражать стремление раздвинуть это пространство, вырваться за его пределы, преодолеть границы, но может нести в себе обратное стремление, рождать образы спокойного пребывания в себе, внутреннего созерцания или сосредоточенности, концентрации сил.

Мы встречаем в музыке образы времени как непрерывности, повтора и цикла — как вневременности, как бы остановки времени или, наоборот, как направленной стрелы време-

ни и др. Все эти образы рождают и соответствующие формы движения в пространстве: движение по кругу, спирали, восьмерке, прямолинейное целеустремленное движение с конечной точкой и т. п.

Музыка, сама являясь формой диалога композитора и исполнителя со слушателем, внутри себя содержит интонации общения, предполагает различные виды взаимодействия. Самый распространенный выражается поочередным наступлением и отступлением друг от друга. Характер общения в парах отличается от того, как выстраиваются отношения в тройках, четверках; это могут быть взаимодействующие группы, состоящие каждая из большого количества участников. Взаимодействие может быть плотным, физическим, а может происходить и без прямого контакта, на расстоянии. В этом случае дистанция приобретает особое значение в семантическом поле общения.

Тема пути также нередко присутствует в музыке как временном искусстве. Последовательность музыкальных событий раскрывается как дорога, как движение по извилистому жизненному пути, как поиски новых направлений или выхода из запутанных ситуаций: эти смыслы находят свое отражение в определенных пространственных формах движения — таких как ходьба с поворотами, движение цепочкой, огибание других участников, закручивание и раскручивание и т. п.

Наряду с внутренним пространством музыкального произведения, которое раскрывается через движение участников импровизации, встает вопрос и о внешнем, физическом пространстве, в котором разворачивается танец. Как происходит взаимодействие пространства символического, воображаемого и пространства физического? Исторический опыт театральной работы открывает перед нами различные способы создания символического пространства игры. Рассмотрим возможные подходы.

Для театральной игры необходимо пространство, свободное от социальной нагрузки, от привычных бытовых и социальных функций, от утилитарного использования. И это условие понятно, так как возникновение новой символической реальности и жизнь в этой воображаемой реальности

предполагает выход из той системы связей и отношений, в которые включен человек в своей обыденной жизни. Необыденность ситуации требует «пустого пространства» — так обозначил П. Брук условие для возникновения театрального представления [Брук 2003]. Для этого физическое пространство надо приспособить для театрального танцевального действия, освободить площадку, сделать ее пустой и как бы отделить от окружающего мира. Это изолированное место, где может возникать иллюзия театрального превращения или перевоплощения. Привычная для нас театральная коробка является таким приспособлением, создающим изолированное от окружающей среды пространство.

На иных позициях стоял древний античный театр. Характерная для него форма амфитеатра, являясь специальным сооружением для зрелища и представления, одновременно оставалась частью ландшафта, была в него вписана и открыта окружающему миру. Связь с природой имела прежде всего сакральное значение, а форма театрального пространства в виде чаши обращена как к глубинам земли, так и открыта небу, горизонтам.

Можно увидеть, что специальные архитектурные сооружения, которые строятся для спектаклей и зрелищ, сами формы театральных зданий соответствуют эстетической программе театра той или иной эпохи.

В современной художественной практике, в том числе и в практике пластического или танцевального театра, наблюдается разнообразие тенденций в подходе к пространству театрального представления. Наряду с использованием театральной коробки или отделенного от окружающего пространства места, можно встретиться и с включением представлений в самые разные ландшафты: городские, исторические, промышленные и природные.

Современные художественные концепции стремятся раздвинуть границы искусства, в том числе стирая грань обыденности и игры, представления и жизни, виртуального и реального и т.п. Эта тенденция находит свое отражение в использовании окружающего физического пространства и нетеатральных (промышленных, городских) территорий в спектаклях-перформансах. В целом данный подход реали-

зуется разными способами и приводит почти к противоположным результатам.

Окружающее пространство может восприниматься буквально в его неэстетической, нехудожественной ипостаси, тем самым подчеркивается уход от условности в искусстве и прежних идеалов прекрасного.

Пространство становится действующим лицом спектаклей-действ; оно переосмысливается и переозначивается, приобретает определенное символическое значение. Таким образом, окружающее пространство (включая архитектурные объекты или природный ландшафт) преобразуется в игровое, насыщается знаками, соединяет характерные особенности физических параметров и воображаемой реальности. Можно сказать, что такая работа превращает ландшафт в активного «участника» художественного события, подчас и в центральное действующее лицо.

В современном постдраматическом театре встречается и парадоксальное выворачивание ситуации: само театральное действие приобретает черты ландшафта или пейзажа, заимствует его черты. При этом разрушается привычная организация драматического действия, прежде всего это касается динамического аспекта времени. Отказ от телеологически ориентированного времени сопровождается утверждением постоянно длящегося настоящего, а сама театральная постановка превращается в пейзаж. Как указывают современные теоретики театрального искусства, «вполне возможно рассматривать то, что происходит на подмостках, примерно так же, как принято рассматривать какой-нибудь парк или пейзаж» [Леман 2013, с. 102].

В качестве примера рассмотрим опыт создания постановок в жанре музыкально-пластического действия студией музыкального движения и импровизации «Гептахор» [Айламазьян 2018б]. Проведение фестивалей пластического танца на различных площадках, включая музеи-заповедники, парки, выставочные залы и т. п., ставило перед нами задачу органичного включения танцевальных проектов в архитектурную, природную или парковую среду. Мы не только старались оправдать свое присутствие в данном ландшафте, учитывая историю и значение данного места, художественный стиль архитектуры,

но в ничуть не меньшей степени ориентировались на саму форму пространства, искали в ней подсказки и поводы для музыкально-пластической партитуры, для наших пластических идей и решений. Для этого мы обращали внимание на пространственные оси — вертикальные, горизонтальные, сагиттальные, диагональные, — иногда очень сложные в живом ландшафте, или в ландшафте развалин древнего города, и пытались их усилить в своем танце. Движение поддерживало и выявляло присущие данному пространству выразительные возможности, тем самым обнаруживая его внутреннюю структуру, форму. Ярким примером являются спектакли-действия и интерактивные программы, осуществленные студией «Гептахор» в рамках фестиваля «Терпсихора в Тавриде» на территории Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»¹ (Фото 1, 2).

Другой пример — это пластическая постановка «Поэмы экстаза» А.Н. Скрябина в пространстве Концертного зала им. П.И. Чайковского с участием нескольких коллективов свободного танца и симфонического оркестра России под руководством В.Б. Дударовой (дирижер М.А. Аркадьев). Для реализации проекта залу был частично возвращен тот облик, который изначально планировался при его строительстве: в центре должна была находиться большая арена, аналогичная оркестре античного театра, как задумывал еще В.Э. Мейерхольд. Освобожденный от кресел партер, покрытый танцевальным покрытием, создал для спектакля уникальное пространство, соразмерное космическим образам музыки А.Н. Скрябина (Фото 3–7).

Итак, в статье мы постарались показать, как пластическое выразительное движение наполняется смыслом в зависимости от его пространственной направленности. Не менее важным является вопрос, как возникает то психологическое пространство, в котором реализуются символические и игровые действия. Означивание окружающего мира, превращение его в систему знаков является культурным механизмом формирования картины мира, требует созидательной работы человека и составляет суть его творческих усилий (Фото 8, 9).

¹ См. фото на цветной вклейке.

Литература

- Айламазьян А.М. Выразительный человек: Психологические очерки. — М.: Когито-Центр, 2018а. — 233 с.
- Айламазьян А.М. В ожидание танца: беседы, наброски, размышления. — М.: Русский печатный дом, 2018б. — 192 с.
- Айламазьян А.М. Практика музыкального движения как метод самопознания и развития творческой личности // Национальный психологический журнал. 2019. Т. 36, №4. С. 114–127.
- Айседора Дункан: Танец будущего. Моя жизнь: Мемуары; Шнейдер И.И. Встречи с Есениным: Воспоминания / Сост., ред. С.П. Снежко; вступ. ст. и коммент. Н.К. Ончуровой. — К.: Мистецтво, 1990. — 349 с.
- Бродецкий А.Я. Внеречевое общение в жизни и искусстве: Азбука молчания. Учеб. пособие для творческих учеб. заведений, фак. педагогики и психологии. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. — 192 с.
- Брук П. Пустое пространство. Секретов нет. — М.: Артист. Режиссер. Театр, 2003. — 378 с.
- Волконский С.М. Выразительный человек. Сценическое воспитание жеста (по Дельсарту). — СПб.: Лань, Планета музыки, 2012. — 176 с.
- Жак-Далькроз Э. Ритм. — М.: Классика-XXI, 2010. — 248 с.
- Запорожец А.В. Развитие произвольных движений. — М.: АПН РСФСР, 1960. — 264 с.
- Искусство эвритмии в лекциях и высказываниях Рудольфа Штейнера: сборник, составленный Эвой Фробезе при участии Эдвины Фробезе и Вальтера Куглера / Пер. с нем. Д. Виноградова под ред. Н. Коваленко. — М.: Академия эвритмического искусства, Парсифаль, Изд-во Московского Центра вальдорфской педагогики, 1996. — 208 с.
- Леман Х.-Т. Постдраматический театр / Предисл. А. Васильева, пер. с нем., вступ. ст. и коммент. Н. Исаевой. — М.: ABCdesign, 2013. — 312 с.
- Леонтьев А.Н., Запорожец А.В. Восстановление движения. Психофизиологическое исследование восстановления функций руки после ранения. — М.: Советская наука, 1945. — 231 с.
- Танцевальные практики: семиотика, психология, культура / Под общ. ред. А.М. Айламазьян. — М.: Смысл, 2012. — 287 с.
- Чехов М.А. Литературное наследие в 2 т. Т. 2. Об искусстве актера / Вступ. статья М.О. Кнебель. — М.: Искусство, 1986. — 559 с.

Справка об авторе: Аида Меликовна Айламазьян — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, научный сотрудник Школы антропологии будущего ИОН РАНХиГС, директор Центра музыкально-пластического развития «Гептахор» им. С.Д. Рудневой, художественный руководитель фестиваля музыкального движения и пластического танца «Терпсихора в Тавриде».

Москва, Россия
aida@heptachor.ru

АМФИТЕАТР ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ: ПРОСТРАНСТВО ОБРЕТЕНИЯ ДУШИ

Аннотация: Амфитеатр понимается как архитектурный образ мира: большого мира, космоса, и маленького — мира, в котором мы живем и который создаем. Сегодня уличные амфитеатры, привлекая людей, наполняются порой очень разной жизнью: можно как столкнуться с проявлениями варварства наших дней, так и пережить душевное освобождение и обновление благодаря разворачивающимся на сцене событиям. Голос каждого амфитеатра — как живого существа — то заглушается гомоном времени, то становится слышен: он начинает звучать в музыкально-пластических или драматических действиях, преобразующих реальность, объединяющих участников. И думается, когда амфитеатр оживает в подлинном смысле слова, для нас открывается окно настоящей культуры, где возможна встреча с Другим и с самим собой.

Ключевые слова: античная культура, греческий театр, катарсис, театральное действие, гений места, диалогичность, синтез искусств.

* * *

Амфитеатр выступает для меня некоторой «точкой сборки» различных наблюдений и размышлений, которыми хотелось бы поделиться. Однако в этом очерке я буду выходить за рамки обозначенной в заголовке темы.

Прежде всего отмечу, что в названии отражена некая потенциальность — то, чем амфитеатр может быть. Однако в реальности картина, как правило, иная. В парках и скверах разных городов строится немало новых сценических площадок, в том числе варьирующих форму амфитеатра. У меня возникла небольшая коллекция наблюдений за тем, какой жизнью могут наполняться пространства уличных театров. Перечислю эти примеры: амфитеатр на Хохловской площади в Москве, построенный у открытого фрагмента стены Белого города, печально известный как «Яма» на Покровском бульваре; маленький уличный театр в три зрительских ряда на ВДНХ, за которым в народе закрепилось название «Театральная курилка»; огромный и прекрасный амфитеатр

у Юсуповского сквера в Долгопрудном, вписанный в ландшафт Котовского залива, где до последнего времени собирались люди пить пиво на склоне с видом на водную гладь, жарить шашлык и использовать для костра доски от сцены; однако, к счастью, совсем недавно его привели в порядок и восстановили.

Амфитеатр как место, в своем замысле предназначенное для собрания и объединения людей, и в самом деле привлекает очень разные компании. Но цель этого собрания может оказаться униженной, искаженной. То, что происходит зачастую на ступенях современных уличных театров (распитие алкоголя и все то, что этому сопутствует), — простое варварство, т. е. отсутствие культуры. Конечно, так бывает не всегда. Но при виде этих случаев не могут не приходиться мысли о том, какой могла бы быть жизнь этих пространств, ведь создавали их явно ради других событий... Какой же посыл несет в себе пространство амфитеатра? Какое предназначение заключено в самой его форме? И почему оно иногда так искажается, выворачивается наизнанку?

Еще один пример, вызывающий вопросы другого рода, — это строительство нового бетонного ступенчатого амфитеатра с двухметровой стеной у летней эстрады «Ракушка» в городе Севастополе, который местные жители быстро прозвали «колизеем» и не захотели признавать, потребовав возвращения первоначального исторического облика Приморскому бульвару [Сведски 2020]. Мы видим, как важно при создании новых пространств иметь в виду не только площадку амфитеатра как такового, но и окружающую природную или городскую среду. Для этого необходимо словно бы выйти за пределы самого амфитеатра и увидеть его со стороны. И это еще одна тема очерка: «вписанность» театрального здания в окружающий ландшафт.

* * *

Обратимся к истории возникновения театра в Древней Греции. Как пишет М.В. Скржинская, «театр входит в число удивительных достижений древних греков»: они не только первыми создали жанр драмы, но и построили здания для драматиче-

ских представлений [Скржинская 2010, с. 181]. Исследователи отмечают, что «процесс формирования монументального театрального здания неотделим от истории развития греческой драмы и комедии» [Поляков, Иноземцева 2014, с. 21].

Первоначально актеры и хоревты пели и танцевали вокруг алтаря на круглой утрамбованной площадке — оркестре, вокруг которой располагались зрители. В VI в. до н. э. сооружали временные деревянные сиденья, возвышавшиеся уступами. На драматических состязаниях 500 г. до н. э. в Афинах собралось множество народа, и переполненные деревянные помосты не выдержали и обрушились, что привело, вероятно, ко многим жертвам. После этой катастрофы Народное собрание — высший законодательный орган афинского государства — вынесло постановление о строительстве постоянного театра на южном склоне Акрополя в священном округе бога Диониса, близ небольшого храма [Каллистов 1970; Скржинская 2010]. Как пишут Е. Н. Поляков и Т. о. Иноземцева, «холмистый ландшафт Эллады подсказал зодчим наиболее рациональное решение»: оркестру расположили у подножия горы или холма, а на склонах были устроены монументальные ступени — театрон; сиденья огибали подковой оркестру, где находились актеры и хор, а зрители получали относительно равные возможности в плане видимости и слышимости происходящего на сцене и оркестре действия [Поляков, Иноземцева 2014, с. 21–22]¹ (Рис. 1).

Однако смысл подобного устройства театра не ограничивается простой функциональностью. Важно отметить, что создание такого пространства было вызвано насущной необходимостью, глубокой жизненной потребностью людей. Достаточно сказать, что каменный театр стал обязательной общественной постройкой, начиная с эпохи раннего эллинизма, так что поселение без театра даже не могло называться городом [Скржинская 2010]. В чем же состояла эта потребность в театре?

Для древних греков театр был не просто площадкой всенародных собраний, хотя массовость и народность —

¹ См. рисунки на цветной вклейке

характерные черты «в историческом лице греческого театра» [Каллистов 1970, с. 64]. Можно сказать, он являлся вторым после храмов или даже наравне с ними священным местом. Там проходили мистерии, посвященные Дионису, а само театральное действие имело сакральный смысл. Вот как виделось это Ф. Ницше: «Форма греческого театра напоминает уединенную горную долину, архитектура сцены представляется картиной пронизанных светом облаков, созерцаемой с высоты носящимися по горам вакхантами; в этой дивной обстановке встает перед ними образ Диониса» [Ницше 2007, с. 66]. Поэтому театр был для людей местом сильных и глубоких переживаний. Какова же природа этих душевных перипетий?

Большой знаток античности Ф.Ф. Зелинский указывал как минимум на четыре источника греческой трагедии: дионисийские хоры, сатиrowsкую драму, драматизированные заупокойные плачи и элевсинские мистерии [по: Каллистов 1970]. Д. П. Каллистов дает тонкий психологический анализ: эмоциональная двойственность, эмоциональная контрастность, перемена событий — умирания и возрождения в самой природе, перемена состояний — переход от веселья и радости к скорби и печали или наоборот, — составляют суть того процесса, который привел к образованию театра и театрального действия из обрядовых игр [Каллистов 1970].

Ф. Ницше также указывает на двойственность, «данную в самом происхождении и существе греческой трагедии, как выражения двух переплетенных между собой художественных инстинктов — аполлонического и дионисического» [Ницше 2007, с. 89]. Он формулирует мистериальное учение трагедии — «основное познание о единстве всего существующего, взгляд на индивидуацию как изначальную причину зла, а искусство — как радостную надежду на возможность разрушения заклатья индивидуации, как предчувствие вновь восстановленного единства» [Ницше 2007, с. 79–80]. И это метафизическое утешение, которое сообщает истинная трагедия, — «утешение, что жизнь в основе вещей, несмотря на всю смену явлений, несокрушимо могущественна и радостна», — воплощается в явлении хора сатиров и прочих природных существ [Ницше 2007, с. 62]. Хор выступает как

видимая символизация того самого «духа музыки», который воспевает Ф. Ницше.

Удивительно, как близки в своем понимании сути трагического оказываются Ф. Ницше и Л. С. Выготский: «Во всякой трагедии за бешеным водоворотом человеческих страстей, бессилия, любви и ненависти, за картинами страстных устремлений и непостиганий мы слышим далекие отголоски мистической симфонии, говорящей о древнем, близком и родимом. Мы оторваны от круга, как когда-то оторвалась земля. Скорбь — в этой вечной отъединенности, в самом «я», в том, что я — не ты, не все вокруг меня, что все — и человек и камень, и планеты — одиноки в великом безмолвии вечной ночи... Вся трагедия происходит на грани, на пороге двух миров, в ней... восстанавливается прерванное единство, преодолевается отъединенность — так трагедия переходит в молитву, восходит к молитве. Ибо там, где молитва (слияние), там трагического нет, там кончается трагедия» [Выготский 2001, с. 160].

Конечно, это взгляд на трагедию (уже не только греческую) и трагическое мировоззрение из более поздних веков. Что касается античности, А. А. Тахо-Годи дает такую характеристику: «На протяжении целого тысячелетия (VI в. до н. э. — V в. н. э.) возникают неизменно удивительные образы, в которых самая обычная человеческая жизнь и бытие надчеловеческое, космическое, вечное понимаются не иначе как игра, беспечная и неразумная, увлекательная и замысловатая... Человек смыкался со всей мировой материей и был един со всем физическим миром и природой, не выходя из круговорота материи, где все мыслилось вечным — и смерть, и рождение» [Тахо-Годи 1999, с. 434–436]. В этом состоит чувственно-материальный, внеличный космологизм античной культуры, о котором пишет А. Ф. Лосев.

На протяжении указанного тысячелетия были «периоды расцвета, когда античный грек радовался этим светлым лучам, исходящим из звездного неба, когда он молился на восходящее солнце. В конце концов и античный человек стал чувствовать, что его система слишком далека от личности и в этом смысле слишком пустынна», — заключает А. Ф. Лосев [Лосев 1997, с. 492]. Но цена рождения личности,

появления ее в культуре — онтологическое одиночество, которое предощущали греческие трагики и которое так пронзительно звучит в словах и Ф. Ницше, и Л. С. Выготского. Искусство спасает от разрушительности переживания одиночества и конечности земного существования, превращая мучительные состояния и аффекты в противоположные. ««Мы верим в вечную жизнь!» — так восклицает трагедия», и так восклицает Ф. Ницше [Ницше 2007, с. 116]. Истинный эффект художественного произведения, по Л. С. Выготскому, состоит в эстетической реакции, том самом катарсисе, сложном превращении чувств [Выготский 2001].

Катарсис — греческое слово: именно благодаря разворачивающимся на орхестре трагедиям можно было пережить душевное освобождение и обновление. Театр давал людям возможность вместе, соборно пережить это чувство, разделить его с другими. А. Л. Волынский нашел для него точное именование — ликование как «массовое чувство с оттенком радости и печали в одно и то же время», «возвышенное горение духа» [Волынский 2008, с. 16]. Зрители были не просто наблюдателями, а участниками спектакля, ведь цель художника может считаться достигнутой, если «те, для кого предназначается художественное произведение, в него поверят» [Каллистов 1970, с. 34]. Чаша амфитеатра объединяла и возвышала людей, обращала к небу, и они выходили преображенными.

В работах А. Ф. Лосева и А. А. Тахо-Годи значение театра в культуре древних греков раскрывается в мировоззренческом масштабе: «Несколько лет назад профессор А. А. Тахо-Годи написала исследование на тему об античном представлении жизни как театральной сцены... Оказывается, основное представление о мире у греков какое? Это есть театральная сцена! А люди — актеры, которые появляются на этой сцене, играют свою роль и уходят. Откуда они приходят, неизвестно, куда они уходят, неизвестно, но они играют свою роль. Однако как это неизвестно, откуда они приходят и куда уходят? Приходят — с неба, они же есть эманация космоса и космического эфира, и уходят туда же и там растворяются, как капля в море. А на земле? А земля — это сцена, где они исполняют свою роль... Сам космос сочиняет драмы и комедии, которые мы выполняем. Философ это по-

нимает, а знать ему достаточно только одно: что он актер, и больше ничего» [Лосев 1997, с. 492].

А. А. Тахо-Годи пишет, ссылаясь на трактат Плотина «О промысле», что картина человеческой жизни предстает у греков как сценическая игра, поставленная великим хорегом: «Жизнь человека — действие, и не простое, а замысленное художественно. Она напоминает движение танцовщика. Искусство танца руководит его движениями, жизнь движет созданным ею существом... Каждая душа в мире получает свою роль для игры от поэта, т. е. создателя Вселенной, как в драме, где автор раздает маски и костюмы, чтобы актер выявил в задуманной роли свои качества и недостатки... Однако не следует забывать, что актеры жизненной драмы играют на сцене, несоизмеримой с обычной театральной, и им дается несоизмеримая свобода действия «поэтом Вселенной»» [Тахо-Годи 1999, с. 440–441].

Таким образом, можно сказать, что амфитеатр предстает перед нами как архитектурный образ мира: большого мира, космоса, и маленького — мира, в котором мы сегодня живем и который сами создаем. А. Ф. Лосев указывает: «С точки зрения всей эстетики античности — космос есть наилучшее, совершеннейшее произведение искусства. ...перед нами художественное понимание космоса» [Лосев 1997, с. 486].

Однако далее, во времена римского владычества, нравы меняются, пространства театров перестраиваются, изменяются их функции и роль в социальной и душевной жизни людей. «Хлеба и зрелищ!» — этот лозунг характеризует новую картину мира. Вместо действ, поднимающих человека до уровня Человека, в ходу оказываются зрелища, обращенные к низменному, звериному началу. Одно и то же пространство — но какой разной жизнью оно может быть преисполнено!

* * *

Вернемся к волнующему нас вопросу. Можно ли вернуть амфитеатру его настоящую жизнь сегодня? Конечно да. Стоит лишь вспомнить, ради чего он возник в культуре. И если прибегнуть к аристотелевской категории «энтелехии», то можно сказать: равно как душа — энтелехия

тела, так театральное действо — энтелехия театрального пространства. Создание спектаклей специально для открытых амфитеатров, с учетом их архитектурно-эстетических особенностей, может стать основным способом решения этой задачи.

Рассмотрим это на конкретном примере проведения фестиваля музыкального движения и пластического танца «Терпсихора в Тавриде» в Государственном историко-археологическом музее-заповеднике «Херсонес Таврический» [Айламазьян 2017; Айламазьян 2020]. На наш взгляд, фестиваль является не просто частным случаем культурного события: за время жизни фестиваля была выработана определенная методология и эстетическая программа. «Гений места», дух Херсонеса определяет художественный замысел фестиваля в целом: «Это идея синтеза искусств — музыки и движения, пения и танца, природного и архитектурного пространства — которая обращает нас к классическим традициям культуры, устремляет к высоким духовным образцам, воспеваает радость жизни», — пишет художественный руководитель фестиваля А.М. Айламазьян [Айламазьян 2017, с. 106]. В качестве не буквального, ассоциативного образа фестиваля хочется привести этот рисунок из архива С.Д. Рудневой [Воспоминания счастливого человека 2007], основательницы студии музыкального движения «Гептахор» (Рис. 2).

В Херсонесе находится открытый О.И. Домбровским и восстановленный археологами-реставраторами под руководством С.Г. Рыжова античный театр, видевший и греческие трагедии и комедии, и жестокие римские зрелища [Скржинская 2010; Крымский Херсонес 2003]. Театр был ориентирован архитектором так, чтобы солнце освещало проскений в любое время дня. Спустя века на его месте был построен византийский храм. Теперь зрительские скамьи «обнимают» стены древней церкви: вместе они создают сложное многоосевое пространство с двумя системами координат — театра и храма (Рис. 3). «Такая неожиданная архитектура напоминает нам о сакральности этого места и одновременно рождает мысли о диалоге культур, их преемственности и единстве» [Айламазьян 2020, с. 20]. В этом

пространстве проходят музыкально-пластические действия фестиваля «Терпсихора в Тавриде».

В Херсонесе «особенно остро переживается включенность спектакля в архитектуру и окружающую природу. Купол неба, смыкающийся с границами античного театра, близость моря, открытая взору зрителей перспектива и устремленные ввысь кипарисы создают образ огромного пространства — сферы, центром которой является разворачивающееся на сцене действие. Векторы движений соответствуют осям этого пространства (вертикали, горизонтالي, диагоналям), его формам (углам и аркам), продлевают их или входят в пересечения. Пластика, таким образом, выявляет не только музыку, но и скрытое в архитектуре движение» [Айламазьян 2017, с. 105].

Надо сказать, что эти спектакли не являются реконструкцией представлений прошлых эпох, а создаются в ответ на вопросы, волнующие нас сегодня, на художественном языке нашего времени. Движение, созвучное античному пластическому канону, рожденное в ответ на классическую музыку композиторов разных эпох (от И. С. Баха до И. Ф. Стравинского), является основным выразительным средством спектакля-действия [Айламазьян, Ташкеева 2014; Айламазьян, Ташкеева 2018]. Возникает впечатление, что «все культуры слились в единый хор, в звучании от Древней Греции через Византию, Древнюю Русь до современного авангарда», и помогает этому впечатлению само пространство, поскольку сценическая площадка в Херсонесе — это уже не классическая оркестра, ведь «в организм античного театра сквозь века оказываются встроены стены византийского храма», о чем свидетельствует зритель и участник фестиваля, художник, диакон Димитрий Котов [Котов 2018, с. 152–153]. Музыка и танец, на заре человеческой культуры вышедшие из ритуала, вновь обретают истинный смысл священнодействия.

Идея синтеза искусств была близка отцу Павлу Флоренскому, который таким образом описывал храмовое действие: в богослужении соединяются многие искусства (изобразительное, архитектурное, поэтическое, музыкальное, вокальное, даже хореографическое, искусство запахов и

света, огня и дыма), но главное — «тут все подчинено единой цели, верховному эффекту кафарсиса этой музыкальной драмы». И далее продолжает: «Вкусивший чар античности хорошо знает, до какой степени это все антично и живет как наследие и единственная прямая отрасль древнего мира, в частности — священной трагедии Эллады» [Флоренский 1985, с. 52–53].

Удивительно, но эту же мысль мы находим у митрополита Антония Сурожского: «Можно сказать, что вечерня... построена как драма, как великие древнегреческие трагедии, где есть действующие лица, которые через слово и движение передают ситуацию, есть хор, который отвечает и выражает свою реакцию, вернее, подсказывает, как следует понимать происходящее и правильно на него отозваться. И, кроме того, поскольку все происходит в амфитеатре, который своей формой, окружностью охватывает всех, то присутствующие — не зрители, они связаны с местом, где все происходит, посредством хора. Такое переживание может в лучшем случае создать современный театр — будто ты сам проходишь через представляемое действие и выходишь из него, обогащенный новым, конкретным опытом» [Антоний, митрополит Сурожский 2011, с. 14]. Именно такой опыт преображения, преобразования переживаний и является смысловым и художественным горизонтом событий фестиваля «Терпсихора в Тавриде».

Этот фестиваль искусств можно назвать «ландшафтным»: Херсонес выступает настоящим действующим лицом происходящих событий — танцев на берегу моря, художественных выставок, мозаичных и музыкальных мастер-классов, спектаклей в античном театре... «Этот древний город, стоящий на берегу моря, воспринимается как единое храмовое пространство под открытым небом. Тысячелетиями освященное место, буквально пропитанное культурой, позволяет почувствовать свою связь с историей и традицией, действительно ощутить присутствие древних символов в своей жизни, в своем внутреннем мире» [Айламазьян 2017, с. 105]. Пульс, «сердцебиение» фестиваля передает видеозарисовка участницы студии музыкального движения «Гептахор» Екатерины Андреевой [Андреева 2019].

По ходу движения мысли мы вышли за пределы античного театра как архитектурного пространства в окружающий его ландшафт. В связи с этим хочется сказать о древнем Херсонесе не просто как об историко-археологическом музее-заповеднике, но как об эстетическом и жизненном феномене. Его значение как памятника истории — как светской, так и церковной — трудно переоценить [Крымский Херсонес 2003; Беляев 2015]. Но есть еще другой пласт смыслов.

Обратимся к аналогии. Отец Павел Флоренский говорит о Свято-Троицкой Сергиевой лавре как о «целостном художественно-историческом и единственном в своем роде мировом памятнике, требующем бесконечного внимания и бесконечной бережности к себе. Лавра, в порядке культурном и художественном рассматриваемая, должна, как единое целое, быть сплошным «музеем», не лишаясь ни одной капли драгоценной влаги культуры, здесь так стильно, в самом разностилии эпох, собиравшейся в течение московского и петербургского периодов нашей истории... Во сколько же раз более внимательным должно быть государство к этому зародышу и центру нашей истории, нашей культуры, научной и художественной?» [Флоренский 1985, с. 54]. С поправкой на конкретно-исторические факты, эти слова с полным правом могут быть отнесены и к Херсонесу.

Как эстетический феномен, Херсонес — это также вся совокупность воспринимаемых нами условий: воздушное пространство, пронизанное солеными ветрами и запахами степных трав, это открытый горизонт, скалистый берег, колокольный звон и крики чаек, говор моря, естественный свет (Солнце — днем, Луна и мерцание звезд — ночью), и, конечно, сами древние руины и старинные храмы, их история и загадка... П. А. Флоренский так пишет об источнике Ютурны, из которого Диоскуры поили своих коней: «Не жизненный ли фон этих камней, не функциональное ли их созерцание волнует и возвышает душу?» [Флоренский 1985, с. 45].

А вот как рассказывает о своем опыте встречи с Херсонесом писатель и религиовед Е. Н. Андреева: «Особенный запах древней пыли, створки устриц, съеденных две тысячи лет

назад, рассказывали мне больше, чем учебники. Кто был в Херсонесе, тот видел и Афины, и Рим, и Византию. Я как-то почувствовала, что люди, которые здесь жили, — мои предки. Те, кто нападали из степи и оставляли каменные накопники стрел. И те, кто приплывали в бухту на гребных судах. И те, кто сидели в театре на каменных скамьях. И те, кто молились в храме, построенном прямо на ступенях этого театра» [Андреева 2016, с. 105].

Херсонес сегодня — это и древний город с двухтысячелетней историей, историко-археологический и архитектурный памятник, внесенный в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, это и действующие православные храмы на месте бывшего здесь Князь-Владимирского монастыря, и современный музей-заповедник, и место проведения культурных событий (выставок, концертов, спектаклей). Иными словами, это сложноорганизованный живой организм, производство жизни и творчества многих и многих поколений людей.

П. А. Флоренский утверждает: то или иное произведение может быть действительно художественным и живым «не иначе, как в полноте необходимых для его существования условий, в расчете на которые и в которых оно было порождено», и «чем сложнее условия жизни данного произведения, тем легче исказить его стиль, тем легче сделать ложный шаг, незаметно уводящий с плоскости подлинной художественности и ведущий к бесстилию» [Флоренский 1985, с. 47–48]. «Стиль требует известной полноты круга условий, некоторой замкнутости художественного целого как особого мира, и вторжение в него элементов иного характера ведет к искажению как целого, так и отдельных частей, в целом имевших свой центр и начало равновесия» [там же, с. 51]. Он предостерегает: если разрезать нити или, точнее, кровеносные артерии, связующие все грани художественного произведения как целое, в их совокупности, то разрушится, уничтожится стиль предмета искусства, и искаженное, обескровленное и «обесстиленное» произведение лишится своей жизненности и подлинной художественности. Существует опасность искажения аутентичного облика древнего города, когда цели культуры (научные,

художественные) начинают подчинять иным целям (коммерческим и пр.), и именно под «культурными» предложениями [Гриненко 2019; Кузенков, Туманов 2019; Смирнова 2019]. П. А. Флоренский использует для обозначения этого явления понятие культуртрегерства.

Первый камень в основание Херсонеса был заложен греческими колонистами. Одними из основополагающих категорий античности были мера, соразмерность. Мера имела космологическое, антропологическое, гносеологическое, этическое и эстетическое значение [Огурцов 2010]. А. Ф. Лосев указывает на то, что античная культура вообще любит гармонию, ритмику, «метрон» (меру), т. е. все то, что касается положения тела и его состояния. Даже самый космос понимался в человеческом плане как абсолютное, прекрасное и божественное тело: «Поскольку человеческое тело разумное и одушевленное, постольку одушевленный и разумный космос», а «самый термин «космос» указывает на лад, строй, порядок, красоту» [Лосев 1997, с. 484–486]. Принцип меры, соразмерности, пропорциональности имеет такое же значение для сегодняшней жизни Херсонеса, как и две с половиной тысячи лет назад. Ведь при всех требованиях современности к благоустройству музея-заповедника так важно сохранить Херсонес для людей как уникальное жизненное и эстетическое явление, неповторимый ландшафт древнего города в целом и отдельные его памятники: крепостные стены, усадьбы, базилики, часовни и, конечно, театр.

* * *

Я начинала этот очерк с вопроса — можно ли вернуть пространству амфитеатра его подлинную жизнь. И несмотря на все имеющиеся трудности, я свято верю, что голос каждого амфитеатра — как живого существа — прозвучит и будет услышан, что он отзовется в новом художественном событии, преображающем реальность, — в музыкально-пластическом или же драматическом действе. Тогда он станет пространством обретения души, пространством встречи с другими и с самим собой.

Литература

- Айламазьян А.М. Фестиваль «Терпсихора в Тавриде» как воплощенные идеи синтеза искусств // Культура и искусство. 2017. № 12. С. 98–107.
- Айламазьян А.М. Фестиваль пластического танца и музыкального движения «Терпсихора в Тавриде» // Искусство в школе. 2020. № 2. С. 18–23.
- Айламазьян А.М., Ташкеева Е.И. Музыкальное движение: педагогика, психология, художественная практика // Культура и искусство. 2014. № 2 (20). С. 206–244.
- Айламазьян А.М., Ташкеева Е.И. Музыкальное движение как психотехника художественного переживания и метод создания музыкально-пластического спектакля // Айламазьян А.М. Выразительный человек: Психологические очерки. М.: Когито-Центр, 2018. С. 193–211.
- Андреева Е.А. VIII Межрегиональный фестиваль пластического танца и музыкального движения «Терпсихора в Тавриде». Москва, Севастополь: Центр музыкально-пластического развития «Гептахор» имени С.Д. Рудневой, ГИАМЗ «Херсонес Таврический», 2019. URL: <http://heptachor.com/media/video/> (дата обращения 25.10.2020).
- Андреева Е. Н. Херсонес // Андреева Е. Н., Андреева-Пригорина Е. Н. Свет московского окна. М.: Вече, 2016. С. 103–105.
- Антоний, митрополит Сурожский. Вечерня. Утренняя. М.: Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского», 2011. — 64 с.
- Беляев С.А. Херсонесская купель // Русская история. 2015. № 2 (33). С. 23–29.
- Волынский А.Л. Книга ликований. Азбука классического танца. СПб.: Лань, Планета Музыки, 2008. — 352 с.
- Воспоминания счастливого человека. Стефанида Дмитриевна Руднева и студия музыкального движения «Гептахор» в документах Центрального московского архива-музея личных собраний / Авт.-сост. А.А. Кац. М.: Изд-во Главархива Москвы, ГИС, 2007. — 856 с.
- Выготский Л.С. Анализ эстетической реакции. (Собрание трудов) / Науч. ред. Вяч. Вс. Иванова и И.В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2001. — 480 с.
- Гриненко Л.О. Тумба-юмба-Херсонес, или «Хотели как лучше, а получилось, как всегда» // Крым Вечерний. 2019. URL: https://evening-crimea.com/news/23-10-2019_tumba-jumba-hersonesili-hoteli-kak-luchshe-a-poluchilos-kak-vsegda (дата обращения: 20.10.2020).

- Каллистов Д.П. Античный театр. Л.: Искусство, 1970. — 176 с.
- Котов Д.А. «Новая архаика»: о Марте, «Гептахоре» и детях // Айла-мазьян А.М. В ожидание танца: беседы, наброски, размышления. М.: Русский печатный дом, 2018. — С. 151–154.
- Кузенков П.В., Туманов А.М. SOS!!! Спасите Херсонес от варваров!!! Петиция. 2019. URL: <http://chng.it/ch6jnZbm> (дата обращения 20.10.2020).
- Крымский Херсонес. Город, хора, музей и окрестности / Ред. Дж.К. Картер, Г.Р. Мак. Austin, Texas USA: Institute of Classical Archeology, The University of Texas at Austin, Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 2003. — 232 с.
- Лосев А.Ф. Двенадцать тезисов об античной культуре // Лосев А.Ф., Сонкина Г.А., Тахо-Годи А.А. и др. Античная литература: Учебник для высшей школы / Под ред. А.А. Тахо-Годи. М.: ЧеРо, 1997. С. 482–493.
- Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм. М.: Академический проект, 2007. — 166 с.
- Огурцов А.П. Мера // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; председатель науч.-ред. совета В.С. Степин. М.: Мысль, 2010. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01d3fbfaff8f3a044e82c7d3> (дата обращения 20.10.2020).
- Поляков Е.Н., Иноземцева Т.О. Древнегреческий театр — история зарождения // Вестник ТГАСУ. 2014. №1. — С. 9–30.
- Сведски Н. Резонансное строительство колизея «Ракушка» в Севастополе остановлено // ForPost. Новости Севастополя. 2020. URL: <https://sevastopol.su/news/skandalnoe-stroitelstvo-kolliziya-rakushka-v-sevastopole-ostanovleno> (дата обращения 20.10.2020).
- Скржинская М.В. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб.: Алетейя, 2010. — 464 с.
- Смирнова О. Митрополит Тихон не видит в происходящем в Херсонесе ничего страшного // ForPost. Новости Севастополя. 2019. URL: <https://sevastopol.su/news/mitropolit-tihon-ne-vidit-v-proishodyashchem-v-hersonese-nichego-strashnogo> (дата обращения 20.10.2020).
- Тахо-Годи А.А. Жизнь как сценическая игра в представлении у древних греков // Тахо-Годи А.А., Лосев А.Ф. Греческая культура в мифах, символах и терминах. СПб.: Алетейя, 1999. — С. 434–442.
- Флоренский П.А. Храмовое действо как синтез искусств // Собрание сочинений. У водоразделов мысли. I. Статьи по искусству / Под общ. ред. Н.А. Струве. Paris: Умса-Press, 1985. — С. 41–55.

Справка об авторе: Екатерина Игоревна Ташкеева — педагог-психолог ГАОУ ДПО г. Москвы «Центр педагогического мастерства»; преподаватель ГБУДО г. Москвы «Детская хореографическая школа «Фуэте»»; участница студии музыкального движения и импровизации «Гептахор» (худ.рук. А.М. Айламазьян); студентка магистерской программы МГПУ «Арт-психология и терапия искусствами в образовании». Москва, Россия. kaira_t@mail.ru

МУЗЫКАЛЬНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА

Аннотация: Эссе является результатом осмысления практического опыта по подготовке и проведению музыкального культурно-просветительского проекта в музейном пространстве. Анализ помогает выявить возможности музыкального искусства в реконструкции исторического ландшафта в условиях культурного и природного окружения, возрождающего память и «дух места», связанных с событиями культурно-исторической значимости. На примере проекта «Музыкальное путешествие по страницам оперы Н. А. Римского-Корсакова «Царская невеста»» в Государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике «Александровская слобода» осуществлен поиск культурно-семантических аспектов в музыкальной театрализованной постановке, актуализирующих основной смысл и историческое содержание событий. Раскрывается влияние исторического ландшафта на режиссерские решения, характер музыкального исполнительства, сценографию и другие компоненты театрально-музыкального действия, а также влияние постановки на восприятие исторического объекта, формирование исторического сознания аудитории зрителей и слушателей, их музыкальных интересов.

Ключевые слова: музыка, путешествие, культура, опера, музейное пространство.

Нам предстоит задача серьезная! Выбрать собственный свой стиль и проложить для оперной русской музыки новую дорогу.

М. И. Глинка

Эти слова великого композитора, основоположника русской классической музыки, мы выбрали как эпиграф к авторскому циклу концертов-экскурсий «Золотые страницы оперной классики». Цикл был создан творческим объединением League of music («Лига музыки») для концертного зала «Театральная хоромина» дворца царя Алексея Михайловича (МГОМЗ «Коломенское»).

Творческое объединение «Лига музыки» — это содружество профессиональных деятелей искусства: музыкантов, певцов, актеров, танцоров, художников. В наших культурно-просветительских проектах молодые исполнители и мастера сцены делают шаг навстречу современному слушателю, выступая в концертных и музейных залах городов России и зарубежья.

Цель нашего творческого объединения — восстановить преемственность культурных традиций, воспитать новое поколение слушателей. Одна из задач просвещения в любое время — говорить ясно и образно о сложном мире на универсальном языке искусства. В классической музыке находят отражение законы и перипетии нашей внутренней жизни. Высокая культура помогает найти путь к сердцу и уму человека.

Программы «Лиги музыки» создаются по авторскому сценарию и раскрывают таланты исполнителей, перенося зрителя в атмосферу произведения и помогая начать диалог с культурным наследием.

Идея проекта «Золотые страницы оперной классики» состоит в популяризации музыкального, литературного, художественного и исторического наследия нашей страны, оживающего в пространстве воссозданного дворца царя Алексея Михайловича в Коломенском. Мы видим свою задачу не только в том, чтобы познакомить слушателя с признанными образцами русской оперной музыки, но и посредством сочетания литературного текста и проработанного визуального ряда погрузить зрителя в контекст представляемых в опере исторических событий, заново открыть сокровищницу культуры нашего Отечества [Молина 2020]. Формат музыкального путешествия ориентирован на широкую аудиторию: он может быть интересен как опытным ценителям оперной музыки, так и слушателям, только начинающим свое знакомство с миром классического искусства.

Почему изначально программам цикла был задан формат концертов-экскурсий? Дело в том, что одна из основных задач авторов проекта — установление связей между содержанием музыкальных программ и местом их проведения (музейным пространством). Так родился формат концертов-экскурсий, в основу которого положено, пусть и опосредованное, представление о взаимосвязи форм концертной и экскурсионной

деятельности, их сущности, задач и функций. Так, например, в ходе рассказа экскурсовод помогает слушателям увидеть объекты, на основе которых раскрывается тема, услышать об этих объектах необходимую информацию, осознать значение исторических событий, овладеть самостоятельными навыками наблюдения и анализа. В решении последней задачи большое место занимает формирование умения видеть (в случае музыкальной экскурсии слышать) [Ганский, Вовнейко 2012; Каменец, Кирова 2006]. Мы также говорим о расширении у слушателя его эмоционального и эстетического восприятия музыкального и музейного пространств.

В рамках программ цикла «Золотые страницы оперной классики» традиционный концерт становится динамичным музыкальным путешествием по страницам опер великих русских композиторов.

Давайте немного пофантазируем и представим себе, что оперный клавишник со множеством графических символов и авторских комментариев, связанных с указаниями темпа, характера исполнения, подробностями географии и убранства сцены, художественного образа героев, есть не что иное, как воображаемая карта музыкального пространства, по которой исполнители и слушатели вместе проходят увлекательный путь к новым знаниям, открытиям, эмоциям и ощущениям. На таком пути нужен проводник (ведущий), который помогает слушателю, направляет его внимание, объединяет с исполнителем. Авторский подход к постановке состоит в разработке сценария, в котором при максимально бережном отношении к музыкальному тексту наиболее значимые арии, ансамбли, сцены из оперы соединяются в единое неразрывное действие повествованием сказителя или летописца. Каждый сценарий для авторов проекта становится настоящим исследованием, объединяющим как музыкантов, так и творческий коллектив музейных сотрудников [Ширгазин 2002]. Порой в результате подобного сотворчества случаются небольшие открытия, например, так благодаря научным сотрудникам «Александровской слободы» были внесены корректировки относительно данных о времени действия в опере «Царская невеста»: осень 1571 года (иногда в клавирах ошибочно указывается 1572 год, что не соответствует историческим фактам).

Опера — жанр, требующий для своего воплощения участия оркестра, хора, солистов, а также использования декораций и сложной машинерии сцены. В данном цикле мы адаптировали форму крупного музыкально-драматического произведения для камерного состава исполнителей. За пять сезонов 2015–2020 годов на сцене концертного зала «Театральная хоромина» слушателям были представлены семь русских опер: «Руслан и Людмила» М. И. Глинки, «Снегурочка» Н. А. Римского-Корсакова, «Царская невеста» Н. А. Римского-Корсакова, «Князь Игорь» А. П. Бородина, «Жизнь за царя» М. И. Глинки, «Борис Годунов» М. П. Мусоргского и «Евгений Онегин» П. И. Чайковского.

За время существования проекта «Золотые страницы оперной классики» его география заметно расширилась. Важным событием для объединения «Лига музыки» стало выступление солистов в 2019 году на Государевом дворе царя Ивана Грозного в городе Александрове [100 достойных историй 2019]. Именно там совместно с Государственным историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником «Александровская слобода» в год 100-летия музея нами был осуществлен проект «Музыкальное путешествие по страницам оперы Н. А. Римского-Корсакова «Царская невеста»». В нем действительно раскрылись возможности музыкального искусства в реконструкции исторического ландшафта в условиях культурного и природного окружения, возрождающего память о соответствующих событиях культурно-исторической значимости.

Музыкальное путешествие по страницам оперы Н. А. Римского-Корсакова «Царская невеста»

Либретто — Н. А. Римского-Корсакова и И. Ф. Тюменева по мотивам одноименной драмы Л. А. Мея. Время действия: осень 1571 года. Место действия: Александровская слобода.

В программе звучат сцены из оперы Н. А. Римского-Корсакова [Римский-Корсаков 2000], в основу которой положен исторический (хотя и малоизвестный) эпизод женитьбы царя Ивана Грозного. Музыкальное действие перемежается чтением фрагментов из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина:

«Скучая вдовством, хотя и не целомудренным, он <Иван Грозный> уже давно искал себе третьей супруги. <...> Из всех городов свезли невест в Слободу, и знатных и незнатных, числом более двух тысяч: каждую представляли ему особенно. Сперва он выбрал 24, а после 12, коих надлежало осмотреть доктору и бабкам; долго сравнивал их в красоте, в приятностях, в уме; наконец предпочел всем Марфу Васильевну Собакину, дочь купца Новгородского, в то же время избрав невесту и для старшего Царевича, Евдокию Богдановну Сабурову. Отцы счастливых красавиц из ничего сделались боярами <...>. Но Царская невеста занемогла; начала худеть, сохнуть: сказали, что она испорчена злодеями, ненавистниками Иоаннова семейного благополучия <...>. Злобный клеветник, доктор Елисей Бомелий, предложил Царю истреблять лиходеев ядом <...>. Так Иоанн казнил одного из своих любимцев Григория Грязного... и многих других, признанных участниками в отравлении Царской невесты...» [Карамзин].

Музыкальная драма «Царская невеста» не претендует на историческую достоверность, но рисует яркие характеры в необычайно острых обстоятельствах. Герои оперы имеют свои исторические прототипы — все, кроме Любаши, история которой вымышлена Л.А. Меем. Образ Любаши стал собирательным символом «любви земной», женщины страстно любящей и отчаянно борющейся за свою любовь. В своей арии «Вот, до чего я дожила... Григорий!» героиня во внутреннем монологе, почти молитве переживает одно из ключевых решений, повлиявших на весь сюжет оперы: она согласилась купить зелье и загубить красоту своей соперницы Марфы Собакиной. Но как не просто решиться на такой шаг: «Господь тебя осудит, осудит за меня. <...> Да любит ли его она, да любит ли, как я люблю?», — такие крайние чувства переживает героиня в своей арии. В большей части оперных постановок Любаша в этот момент находится на сцене одна (актриса работает один на один с залом), она на улице возле дома Бомелия, царского лекаря. В нашем случае Любаша оказывается в реальных исторических палатах у резного портала, ведущего в шатровый храм; она оборачивается и обращается к иконе «Спас в силах», что помогает обогатить образ. Акустические особенности шатрового ку-

пола также раскрывают звучание голоса, добавляя объема и полетности [Ария Любаши 2019].

Александровский кремль считается одной из сохранившихся северных жемчужин. «Замечательная географическая асимметрия российского культурного наследия выражается в том, что только северная половина Европейской России выглядит носителем исконно русских черт культуры и ландшафта. В наиболее узком смысле слова, отчасти «узаконенном» и географами с их прежним экономическим районированием, Русским Севером считаются Мурманская, Архангельская, Вологодская области, республики Карелия и Коми, но в более широком понимании, желанном для русской интеллигенции, туда включены Костромская и Ярославская области. И наконец, судя по содержанию некоторых художественных выставок, в Русский Север входит все, что расположено к северу от параллели Москвы — и Сергиев Посад с прилегающим к нему Радонежьем, и Владимир с Суздалем, и озеро Светлояр с «градом Китежем». На северной половине страны размещаются почти все шедевры русской церковной архитектуры, там расположены малые родины и/или славные поприща большинства героев — «спасителей России» (Александра Невского, Сергия Радонежского, Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, Ивана Сусанина)» [Родоман 2011, 50–51].

В нашем музыкальном путешествии (исследовании), состоявшемся в Александровской слободе на месте исторических событий, положенных в основу оперы, мы попытались установить связь времен и наполнить жизнью — жизнью и прошлого, и настоящего — музейные залы: пространство Государева двора, где в XVI веке Иван Грозный, восседая на троне, принимал иностранные посольства, где сохранен портал — вход в церковь Троицы, домовый храм Ивана Грозного с фресками кисти последователей Дионисия (в настоящее время Покровская церковь). Музыкально-драматическое действие и сама история, запечатленная в архитектуре, как бы слились в единое целое, помогая исполнителям и слушателям перенестись из пространства реального в пространство воображаемое. И кажется, наш диалог сложился.

Как непосредственный участник и исполнитель, не могу не поделиться ощущением неповторимости реального

мгновения, сиюминутного переживания конкретной сценической ситуации, являющейся эмоционально значимой для меня. Бесценно чувство непрерывности действия и слияния сценического и реального времени: кажется, как будто сами окружающие элементы культурного и исторического ландшафта направляют тебя как исполнителя, а ты уже, в свою очередь, увлекаешь за собой слушателя в мир музыкального путешествия. Думаю, что подобное переживание есть стимул к дальнейшему движению, развитию и познанию.

О сопричастности слушателей, вовлеченности в действие свидетельствуют отзывы о проекте: «В силу стечения сложных жизненных обстоятельств я не слушала оперу 10 лет! Но потребность в опере не угасала все это время. В 16 лет (в 1998 году) «Царская невеста» показалась мне очень скучной. <...> А вы (все, кто делал это) создали чудо: я сидела в первом ряду, голоса буквально обволакивали и уносили из реальности, и я могу, не преувеличивая, сказать, что два часа провела в XVI веке <...>, хотя я человек очень рассудочный и обычно мне не свойственна такая степень погружения» (Светлана Юнга).

Создание тематических музыкально-просветительских программ, созвучных содержанию музейных выставок, научных конференций и форумов, сегодня является важной частью жизни творческого объединения «Лига музыки». Мы ищем встречи с нашими слушателями в новых контекстах и пространствах.

Литература

Ария Любаши из оперы Н.А. Римского-Корсакова «Царская невеста». Исполнители: Любовь Молина (контральто), Валерия Петрова (фортепиано). 2019. URL: <https://youtu.be/hT4lRg6fLEI> (дата обращения 15.10.2020).

Ганский В.А., Вовнейко Е.В. Экскурсоведение: учебно-методический комплекс для студентов спец. 1–89 01 01 «Туризм и гостеприимство». Новополюк: ПГУ, 2012. — 254 с.

Каменец А.В., Кирова М.С. Технология организации культурного туризма: Научно-популярное издание / Творческая мастерская «Ученое путешествие». М.: Мосиздатинвест, 2006. — 128 с.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IX. URL: http://www.spsl.nsc.ru/history/karam/kar09_03.htm (дата обращения 15.10.2020).

- Молина Л.В. Золотые страницы оперной классики в жанре музыкального путешествия // Искусство в школе. 2020. №5. С. 56–58.
- Римский-Корсаков Н.А. Царская невеста. Опера в 4-х действиях. Клавир. М.: Музыка, 2000. — 275 с.
- Родоман Б.Б. Традиционный культурный ландшафт: основные проблемы типологии, районирования и воображения // Международный журнал исследований культуры. 2011. №4 (5). С. 43–57.
- Ширгазин О.Р. Культурно-географический метод и его применение для анализа литературных художественных произведений // География искусства: Сборник статей. Выпуск III. М.: Институт наследия, 2002. С. 107–124.
- 100 достойных историй: к 100-летию музея заповедника. Владимир: Транзит-ИКС; Александров: Музей-заповедник «Александровская слобода»; 2019. — 216 с.

Справка об авторе: Любовь Владимировна Молина — солистка КФО ГБУК «Москонцерт»; солистка Центра оперного пения Галины Вишневской; аспирантка факультета искусств РГСУ (теория и история культуры); руководитель творческого объединения «Лига музыки». Москва, Россия. e-mail: post@lmusic.pro

ЖИВЫЕ ЛАНДШАФТЫ И НАВИГАТОРЫ ТЕАТРАЛЬНОГО ДЕЙСТВА. ЗАМЕТКИ АКТЕРА

Аннотация: Почему театральное пространство притягивает к себе людей даже сегодня, когда театр является далеко не самым передовым искусством, во многом уступая кино и современным медиатехнологиям? Ответить на этот вопрос поможет междисциплинарный дискурс конференции «Одушевленный ландшафт», в рамках которого я попробую представить пространство театрального действия как сложный ландшафт, складывающийся из внешних и внутренних составляющих, сплетения множества субъективных ландшафтов актера и зрителя.

Этот единый ландшафт становится полем живого взаимодействия и коммуникации между множеством субъектов-участников. Так называемая «жизнь» на сцене ищется многими театральными школами, а также ощущается зрителем (каждый может поделиться опытом, когда спектакль был особенно «живой»). Но это понятие не концептуализируется, лишь упоминается в различных вариациях обыденного языка или изменчивой театральной терминологии. Для объяснения причины этой «жизни» или «одушевленности» театральных ландшафтов я буду опираться на квантово-синергетическую антропологию В.Г. Буданова, постнеклассическую философию и научно-философские исследования А. Бергсона. Я попробую разобраться, при каких условиях различные театральные пространства формируют собой единый органичный ландшафт театрального действия, а также как возможна навигация по ним.

Ключевые слова: Антропология, актерская игра, режиссура, театральное действие, жизненный порыв, обобщенная телесность, квантово-синергетическая антропология.

В рамках прошедшей конференции у участников была редкая возможность свободного поиска своего собственного понимания того, что же такое ландшафт и в каких обстоятельствах его можно считать одушевленным.

Для меня любой ландшафт — это в первую очередь живая взаимосвязь. Ведь даже этимология слова «ландшафт» указывает на некую системность (land — земля, shaft — суффикс, выражающий взаимосвязь, нем.). Например, географический и культурный ландшафты представляют собой

иерархически организованную систему различных природных царств и рукотворных объектов, созданных человеком. Как практика и теоретика сценического искусства, меня интересует понимание ландшафта в контексте театрального действия. Поскольку оно также представляет собой сложную систему взаимосвязей сценического пространства, актеров и зрителей, я предлагаю рассмотреть театральное действие как единый сложный ландшафт, в котором реальное пространство (сцена, оформление, реквизит и т. д.) тесно переплетено со множеством субъективных ландшафтов зрительского и актерского восприятия. Эти субъективные ландшафты опираются на единое физическое пространство, преломляют его сквозь призму личности человека, тем самым создавая множество различных виртуальных пространств.

Замечали ли вы, что иногда после спектакля возникает иллюзия «иного» мира? Например, как зритель, я отчетливо помню, что после окончания спектакля «Волки и овцы» в мастерской Петра Фоменко буквально споткнулась о кресла зрительного зала, совершенно забыв, что сейчас сижу в помещении театра. И мое сознание, и мое тело как бы перенесли в вымышленный мир действия пьесы Островского, и настолько неожиданным было «возвращение» в действительность. Анализируя свой актерский опыт, я также могу сказать, что в самом моменте игры ощущение пространства иное, чем до выхода на сцену и после окончания спектакля. Почему же так происходит? Почему пространство театрального действия начинает восприниматься по-новому, сначала в воображении, а потом и на уровне телесных ощущений? (Кто-то вообще может сказать, что актеры предрасположены к шизофрении как следствию профессиональной деформации собственной личности, но я предпочту не касаться здесь этого спорного вопроса).

Итак, мы видим, что театральное пространство, с одной стороны, является физически реальным, объективным для всех присутствующих. С другой стороны, после начала действия оно преобразуется в восприятии как актера, так и зрителя. Они начинают относиться к нему как к совершенно иному пространству. Сцена перестает быть просто подмостками, а принимает, например, черты реального древнего

города, наполненного собственной жизнью и атмосферой. К вопросу реальности атмосферы театра обращался в своих работах М. Чехов. Он посвящает ему отдельную главу своей книги «О технике актера», где мы можем проследить, что автор придавал атмосфере одну из ключевых ролей в создании спектакля: «Тот актер, который сохранил (или вновь приобрел) чувство атмосферы, хорошо знает, какая неразрывная связь устанавливается между ним и зрителем, если они охвачены одной и той же атмосферой. В ней зритель сам начинает играть вместе с актером...Спектакль возникает из взаимодействия актера и зрителя. Если режиссер, актер, автор, художник (и часто музыкант) создали для зрителя атмосферу спектакля, — он не может не участвовать в нем» [Чехов 2018, с. 84–85].

Принимая во внимание свой собственный эмпирический опыт соприкосновения с миром театрального действия и соотнося его с исследованиями известных теоретиков театра, я предлагаю посмотреть на впечатляющую природу этого действия с позиций философии и науки. Театральное пространство можно представить, как сплетение множества субъективных ландшафтов. Ключом к описанию и навигации является квантово-синергетическая антропология В.Г. Буданова, которую мы недавно применили к театральной проблематике в совместной статье «Квантово-синергетическая онтология обобщенной телесности: от антропологии театра к очеловечиванию искусственного интеллекта, проблема границ» [Буданов, Синицына 2020]. В рамках данной стратегии мы развиваем идею осознаваемой и управляемой обобщенной телесности актера. Ключевой здесь является проблема органичности, единства внутреннего и внешнего, слова и дела, мысли и движения, лишь частично осознаваемая актером, но также частично подмечаемая режиссером и зрителем. Мы описываем эту проблему, опираясь на постнеклассическую философскую методологию В.С. Степина [Степин 1992], понятия постнеклассических практик и синергии движения и состояния.

Задачей же данной статьи является осуществление навигации по этим ландшафтам совместно с читателями. Возможно, вдохновившись, в будущем они захотят осуществить

эту навигацию самостоятельно, посетив театр. Мы будем перемещаться по пространствам возможных ландшафтов, становясь то режиссером, то актером, то персонажем пьесы, то зрителем, примеряя каждый раз точку зрения того или иного наблюдателя. Моя задача — показать возможность смены позиции наблюдателя, позволяющую ощутить многогранность театрального действия. Откуда мы смотрим, чтобы получить впечатление (позиция зрителя)? Откуда мы смотрим, чтобы это впечатление создать (позиция актера или режиссера)? Откуда мы посмотрим, чтобы погрузиться в художественный мир персонажа пьесы? Поле для такой навигации действительно обширное и интересное, а возможность сменять позицию является чертой мировоззрения искушенного профессионального театрала и исследователя театра. Ну и конечно же, это профессиональное видение настоящего режиссера. Кроме всего прочего, в современном театре такая навигация просто необходима, для понимания концепции и замысла постановок экспериментального характера (в которых зачастую именно смена позиции наблюдателя радикально меняет контекст и понимание концепции спектакля).

1. Два ландшафта зрителя

У зрителя я выделю два субъективных ландшафта: внешнее физическое пространство (сцена и разворачивающееся на ней действие) и его внутреннее пространство (культурная позиция, вкусы, ожидания). Внешнее пространство он воспринимает, приходя на зрелище, а внутреннее пространство отчасти подготовлено заранее установками личности.

Во время театрального действия происходит встреча двух пространств, двух ландшафтов: внутреннего и внешнего. Зритель часто даже не осознает этот процесс. Сцена является экраном, на котором разворачивается действие (сегодня сцена может включать и зрительный зал, интеракцию со зрителем). А зритель, во-первых, воспринимает тот ландшафт, который разворачивается на сцене: замысел режиссера, мастерство исполнителя, сценография, музыка и т.д. А во-вторых, сопоставляет его (чаще всего неосознанно) с собственным внутренним ландшафтом. Тем самым пространство сцены как бы удваивается.

Хочу заметить, что такое описание помогает лучше осознать роль режиссера спектакля. Из вышесказанного становится ясно, что его задача — видеть ландшафты как актера, так и зрителя. Осознавать сверхзадачу, целостный замысел всего спектакля, а не только позицию «здесь и сейчас».

2. Три ландшафта актера

Затем я перейду к описанию субъективных ландшафтов актера, исполнителя. Под исполнителем можно подразумевать и обобщенный субъект — актерскую труппу, коллектив.

2.1. Внешнее пространство актера представляет собой сцену, зрительный зал, сценографию (оформление и мизансцены). В этом пространстве он присутствует физически: играет, взаимодействует с партнерами по сцене. Профессионализм актера подразумевает также и эмпатическое ощущение зрительного зала.

2.2. Внутреннее пространство актера представляет собой его собственный внутренний мир. Это пространство его воображения преобразует внешнее пространство: если я как актриса вижу стоящий на сцене стул, то для меня как для персонажа этот стул может превратиться во что угодно — например, в роскошное кресло прошлых веков или карету, несущуюся на полном ходу.

Во внутреннем мире актера размещается и внутренний мир его персонажа, который, в свою очередь, расщепляется на внешние проявления телесности и хабитуса персонажа в антураже сцены, а также его внутренние переживания. Все это вмещает в себя личность актера на ландшафтах своего внутреннего мира.

С этим ландшафтом связана также и органичность, естественность актера для зрителей. Ведь на сцене актер может либо постоянно наблюдать свой внутренний мир и рефлексировать над ним, либо не замечать его, полностью включаясь в процесс игры. Органичной игра становится, когда актер отпускает внутренний контроль и внутреннее пространство «живет» свободно, в настоящем моменте, формируя творческие образы.

2.3. Промежуточное репетиционное пространство.

Отдельно я хочу выделить промежуточное пространство актера, связанное с установками репетиций, техниками ис-

полнительства, рисунком роли, художественным материалом пьесы. Именно за счет этого репетиционного пространства внешнее пространство актера соединяется с воображаемым, внутренним пространством. Без него невозможно театральное творчество. Именно в этом пространстве нарабатываются необходимые навыки, как бы намечаются контуры будущего синтеза сознания и пространства в момент игры. Ведь в момент игры, «здесь и сейчас» актер опирается на уже наработанный репетиционный опыт, предысторию создания спектакля. Помимо непосредственного действия на сцене, воплощения образа своего героя, актер должен иногда оглядываться на репетиционный опыт, проведенный в диалоге с режиссером и труппой. Поэтому пространство этого опыта всегда присутствует (явно или неявно) в общем ландшафте театрального действия.

Работа актера как с внешним пространством, так и с внутренним происходит на репетициях. Это особый период подготовки, в котором должно состояться вживание в играемый образ с помощью художественных ландшафтов. В репетиционном пространстве важнейшее место занимает и художественный материал, пьеса, на которую опирается актерская работа. Этот «мир» художественных образов является материалом для создания будущего театрального действия.

При всей безусловной важности третьего промежуточного репетиционного пространства задача актера — сделать так, чтобы в момент игры оно просматривалось как можно меньше, в идеале не просматривалось совсем. Актер должен забыть свои репетиционные сомнения, этюды, тем самым убрав разделение между своим внутренним пространством и пространством репетиционным. Игра должна быть настолько хорошо отрепетирована, чтобы вся техника стала уверенным навыком. Когда репетиционные наработки превратятся в бессознательный навык, когда актер перестанет контролировать свою игру и вспоминать, «как это было на репетициях», тогда на сцене появится человек не играющий, а живущий. Ведь настоящая импровизация начинается лишь тогда, когда она тщательно подготовлена и в этой подготовке нет сомнений.

Между перечисленными субъективными ландшафтами зрителя и исполнителя постоянно идет коммуникация,

которая подразумевает особую технику игры. Актер не может просто играть в свое удовольствие, он всегда имеет в виду зрителя. Поэтому должен уметь направлять в зрительный зал звук, точно артикулировать, движения тела должны считываться, эмоции быть ясными. Отмечу, что ландшафты зрителя и актера соединены не только акустически и зрительно, но и эмпатически, что и создает особую «магию» театрального действия. Когеренция актера и зрителя — это большая отдельная тема, которую я не буду подробно рассматривать в этой статье. Но именно этот принцип, на мой взгляд, делает театр вечным, вне зависимости от смены различных традиций, подходов, школ и поколений артистов. При этом каждый раз спектакль играется по-новому, в этом заключается сложность театрального искусства и его радикальное отличие от кинематографа, ведь кино представляет собой архив наилучшего исполнения замысла конкретного режиссера.

Проблема

Множественность субъективных ландшафтов представляет собой большую проблему, которую призвано разрешать искусство режиссуры. Речь идет о высокой разнородности этих ландшафтов. Начнем с того, что субъектов множество: много зрителей, актеров на сцене, у каждого свой собственный внутренний мир и ожидания. Эти субъекты не синхронизированы, не согласованы, они изначально не понимают друг друга. А задача режиссера в таких условиях создать стройное произведение. Обратимся вновь к постнеклассическим практикам [Степин 1992], в которых именно субъект является центральной фигурой. В данном случае мы говорим о различных акторах театрального действия (множество субъектов актеров и зрителей), между которыми должно возникнуть взаимопонимание. Следовательно, необходимо увязать между собой множество ландшафтов разных акторов (субъектов). Напомню, что у зрителя их как минимум два, а у актера как минимум три. Проблема взаимопонимания тесно связана с проблемой подлинности театрального искусства. Подлинность предполагает, что зритель верит происходящему на сцене. Для этого «камертоны» всех участников должны

быть сонастроены без диссонанса и фальши. Состояние души актера и зрительское восприятие должны резонировать, чтобы, к примеру, драма происходящего на сцене вызвала сопереживание, а не иронию. Итак, как же к этому прийти? Каким образом согласовать все субъективные пространства между собой?

Решение

Перечисленные мной ландшафты театрального действия разворачиваются частично во внутренних мирах субъектов, а частично во внешнем материальном мире. Тем самым единый сложный ландшафт складывается на пересечении материи и сознания. Это безусловно усиливает его разнородность и заостряет проблему несогласованности различных его составляющих.

Дух и материю в западной философской традиции принято противопоставлять, взаимодействие их традиционно рассматривалось как некий непреодолимый дуализм. Следовательно, обсуждать творческие практики человека, в которых задействованы как дух, так и материя, предлагалось также в дуалистическом ключе. Но даже на примере моего перечисления субъективных ландшафтов театрального действия можно увидеть, что сознание человека и материальные составляющие творчества находятся в настолько тесном взаимодействии, что привычный дуализм не способен этого отразить. Действительно, когда мы видим на сцене гениально танцующую балерину, можем ли мы однозначно сказать, где танцует ее тело, а где ее душа? Разве возможно разбивать на составляющие этот единый творческий процесс?

Для концептуального решения данной проблемы обратимся к философии А. Бергсона, который также задавался вопросами творчества и одним из первых среди европейских философов предложил способ преодоления дуализма материи и духа. Во многом опираясь на «Метафизику» Аристотеля, учение стоиков и Плотина, Бергсон сформулировал понимание мира как единого опыта, в котором сознание и материя являются составляющими подлинной и первоначальной целостной реальности — жизни. В своей работе «Творческая

эволюция. Материя и память» он также пишет о подобном совмещении двух различных плоскостей (материальной и духовной) одного общего опыта, в котором восприятие сознания перемещается в сами вещи. «Принимая мозговое состояние как начало действия, а совсем не как условие восприятия, мы поставили вне образа нашего тела воспринятые образы вещей; стало быть, мы переместили восприятие в самые вещи. Но тогда, если восприятие наше составляет часть вещей, вещи причастны природе нашего восприятия» [Бергсон 1999, с. 596].

Тем самым, как пишет Бергсон, дух и материя постоянно стремятся к соединению. «В конкретное восприятие вступает память, и субъективность чувственных качеств зависит от того, что наше сознание, которое в начале только память, продолжает одни в другие множество моментов, чтоб сократить их в единой интуиции. Сознание и материя, душа и тело, приходят, таким образом, в соприкосновение в восприятии» [Бергсон 1999, с. 638]. Движущей силой такого стремления Бергсон называет жизненный порыв (фр. *Élan vital*), некоторый заряд энергии, начальный импульс, который движется сквозь материю и преображает ее, создавая новые сложные формы. Источником этого импульса является либо сознание, либо сверхсознание. Таким образом, материя представляет собой различные застывшие формы, «воплощения» сознания в результате силы импульса жизненного порыва. Бергсон особенно подчеркивает свободную и креативную природу этого процесса: «В общем жизненный порыв состоит в потребности творчества. Его творчество не абсолютно, т. к. он встречает на этом пути материю, т. е. движение, обратное его движению. Но он овладевает этой материей, которая есть сама необходимость, и стремится внести в нее возможно большую сумму неопределенности и свободы» [Бергсон 1999, с. 277].

На мой взгляд, возможно провести параллель между «жизненным порывом» Бергсона и театральным действием. Бергсон не разделяет сознание и материю, делает их продуктами некоторого состояния, подчеркивая, что в основе зарождения мира, появления человека лежит творческий порыв, развитие которого во времени приводит к образованию

всего окружающего мира. Мы осознанно сузим понимание творческого порыва от жизненного принципа вообще, до его проявления в творчестве. Посмотрим на театральное действие как на творческий порыв, который целиком подчиняет себе как материю, так и сознание.

Творческий порыв театрального действия пронизывает собой все субъективные ландшафты, «активируя» их и объединяя в единый живой творческий ландшафт. Как у Бергсона объединяются материя и сознание, так и здесь объединяются ландшафты сознания и воображения с ландшафтами материальными, наличными. Исчезает зазор между реальным пространством сцены и представлениями о нем у актера и зрителя. В момент творческого порыва все субъекты воспринимают единое пространство и существуют в нем. Возникает то самое творческое единство театрального действия, в котором сознание и материя, воображаемое и реальное объединяются и образуют собой новую реальность. После ослабления этого порыва они вновь распадаются на отдельные составляющие. Если у Бергсона жизненный порыв является основой зарождения мира и жизни человека, то в театральном действии творческий порыв является основой подлинности, силы искусства, которое не просто достигает правды жизни, но и преобразует ее, создавая собственную, не менее яркую действительность.

Для обоснования такой параллели между концепцией ландшафтов театрального действия и философией Бергсона, я опираюсь на философию постнеклассики, развиваемую в работах В. Г. Буданова [Буданов 2012]. В постнеклассических практиках (как и у Бергсона) время и пространство соединяются в едином процессе, где субъект, непосредственно осуществляющий практику, является его движущей силой. Поэтому и творческий порыв связан с личностью. В этом процессе у субъекта нет дихотомии пространства (тела) и времени (сознания). Так и для нас в итоге важны не различные (внутренние и внешние) ландшафты сами по себе, а творческие процессы, происходящие в них и с ними.

Вместо заключения

Согласно Бергсону, объединение материи и сознания в «жизненном порыве» происходит не спонтанно, а обусловлено усилием личности. Жизненный порыв, «elan vital» становится более или менее интенсивным в результате усилий воспринимающего субъекта, это концентрация или расконцентрация его «духовной энергии» [Бергсон 2010]. Здесь вновь уместна параллель с театральным действием, условием для которого является обязательная вовлеченность и сосредоточенность всех его субъектов. При рассеянном внимании участников невозможно взаимодействие. Единый ландшафт театрального действия создается в результате синергии всех субъективных ландшафтов. Такая синергия имеет место лишь при активной включенности каждого субъекта, как коллективного (зрительный зал, актерская группа), так и личностного (каждого человека в отдельности). Сосредоточенность актеров нарабатывается на репетициях, в постоянной работе над собой. Сосредоточенность же зрителей возникает спонтанно, но, на мой взгляд, должна мотивироваться не желанием соответствовать «культурному статусу» театрального зрителя, а живым творческим интересом.

В этой небольшой статье я ставила себе целью показать возможный путь для решения проблемы «скучного» тривиального театра, театра, которому предпочитают кино или шоу. Показать ценность уникальной природы театрального действия, где возможна подлинная синергия и участие каждого без исключения в творческом процессе. Насколько мне это удалось, решать вам. Важно лишь помнить, что «магия» театра возникает не на пустом месте, а создается каждым зрителем и каждым исполнителем.

Список литературы

- Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память / Пер. с фр. Мн.: Харвест, 1999.
- Бергсон А. Избранное: сознание и жизнь / пер. с фр. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010.
- Буданов В. Г. Постнеклассические практики и квантово-синергетическая антропология // Постнеклассические практики: опыт

концептуализации / Под общ. ред. В. И. Аршинова, О. Н. Астафьевой. СПб.: Издательский дом «МирЪ», 2012. С. 47–48.

Буданов В. Г., Сеницына Т. А., Квантово-синергетическая онтология обобщенной телесности: от антропологии театра к очеловечиванию искусственного интеллекта, проблема границ // Культура и искусство. 2020. № 7. С. 13–28.

Степин В. С. Философская антропология и философия науки // Републиканский центр гуманитарного образования. М., 1992.

Чехов М. А. О технике актера (сборник). М.: АСТ, 2018.

Справка об авторе: Тамара Андреевна Сеницына, аспирант направления подготовки 09.00.13 «Философская антропология, философия культуры» кафедры философской антропологии философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация. e-mail: famari.more@gmail.com

ЗИМНЯЯ ЛАНДШАФТНАЯ АНАЛИТИКА

14.02.2014

Встречаемся у магазина «Хороший» (какой добрый знак) в 17.00. Через дорогу от магазина — набережная Волги. Небольшое вступление: в городе можно оставить все ненужное. Ненужное — это что? Как понять, что нужно, а что ненужное? Река жизни, река забвения, река смерти... Что-то живое и подвижное в неподвижных берегах... Вода уносит все, от чего мы хотим избавиться. Река — это граница, и мы оставляем все, в том числе наш статус и имена. А летом еще обмениваемся одеждой. Теперь друг к другу можно обращаться только на «ты». Мы придумываем новые имена, заимствованные из природы, и запоминаем их методом «снежного кома». Это время попробовать себя нового. Выключаем/отдаем телефоны. Свободные идем в новое. Сюда вернется уже другая группа. И возможно, другая я.

РЕКА

Переходим Волгу по льду. Рядком. Я проваливаюсь в воду, в правой ноге хлюпает.

На другом берегу смотрим на город. Какие ассоциации? Монстр. Нагромождение. Суета. Обыденность. Отчужденность.

Прислушиваемся к гулу города. В этом шумовом бэкграунде мы живем изо дня в день.

Что оставляем в городе? Суетливость и спешку. Что хотим найти здесь? Пространство и воздух. Простор для бытия.

Как в русской сказке: царевич отправляется в другой мир за молодильными яблоками. В сказках всегда есть путешествие, из которого герой выходит преображенным.

Сумерки — мистическое время, «щель между» мирами приоткрывается. Лучше видно себя. Лучше идти в одиночестве, не разговаривать, наблюдать. Отслеживаем вну-

треннее состояние. По дороге обратно этот ландшафт будет выглядеть совсем по-другому.

Мой рюкзак слишком тяжелый. Как всегда, я запаслась слишком многим (большая вода, много теплых вещей, еды) из-за страха. И теперь страдаю из-за этого.

Куртку и воду приходится нести в руках, т. к. мой верный рюкзак слишком мал и забит всем остальным. Это случается в каждом путешествии. И я упорно верю, что все могу вместить в него. В конце я обвешиваюсь десятью сумками и тащу их на себе, комично роняя кульки время от времени. Интересный образ к тому идеалу, в который я так усердно пытаюсь себя запихнуть. «Руки заняты, чтоб не обнимать?»

Мне нравится быть последней, т. к. я сама могу регулировать свою скорость, следовать своему ритму.

В селе Рождествено нас встречают четыре машины.

ЛЕС

В чем разница между туристом и путешественником?

Впечатления...

Вернуться как можно скорее! Расслабление.

Опыт.

Может, и не вернуться. Раздумья, осмысление.

Найти нового себя в новых условиях. Путь есть цель.

«Под покровом небес» (фильм).

Дорога всегда меняется.

Идти по лесу друг за другом на расстоянии тридцати метров.

Сохранять дистанцию.

Наблюдать красоту ночного леса.

Прислушиваться к внутренним интонациям.

В любви нет инструкций.

Легче следовать за одним человеком след в след.

Дистанции слишком маленькие для меня. Особеннозади, где все время напирает Бурундук и мне не хватает пространства. Я начинаю злиться. Но как только дистанция

с Солью сильно увеличивается, я начинаю волноваться. Это так хорошо отражает то, что происходит в моих близких отношениях: чтоб не слишком близко и не слишком далеко, и лучше, чтоб я сама контролировала этот процесс.

У Соли в рюкзаке роза, такая антенна любви. Я так рада, что я следую именно за ней.

Приятно быть в команде и чувствовать заботу рядом идущих. Они настоят на том, чтоб переодеть сухие носки, и помогут стянуть ботинок, накормят шоколадом, напоят чаем, помогут понести воду и куртку. Мне в редких группах бывает так хорошо и комфортно.

Сталкер.

Понимаю, что мое тело действительно любит движение. Чувствую, как от усталости оно раскрывается.

Едим сладкое для подкрепления.

ПОЛЕ

Проваливаемся в снег.

Даже если я пытаюсь избежать глубокого следа и осторожно ступаю рядом, я все равно вязну.

Бурундук отделился. Люди часто уходят далеко и надолго, когда я прошу немного увеличить дистанцию. Надо научиться правильно излагать эту просьбу, не обижая ближних.

Придумываю способы, как пройти дальше и не провалиться. Представляю себя подвешенной на веревочку с неба. Становлюсь легкой. И вроде помогает.

До дома дошли уже совсем поздно. Так радостно забраться внутрь, поужинать со всеми рядом на полатах, послушать кусочек из Библии, зачитанный Ежиком, и потом прижаться к живым дышащим соседям и уснуть.

Невидимка в доме в углу.

Важно удовлетворять свои потребности.

15.02.2014

Быстрые, но неспешные сборы и утренняя йога. Как хорошо. Все само собой. Без насилия. Следуя велениям тела.

Поход начался с остановки у одинокой могилы в лесу. Самоубийца? Отдельно от людей в жизни и после смерти. Высшее наказание. Или констатация? Или все-таки уважение? Двести лет одиночества. Если плохо, идите к людям, кто-нибудь обязательно поможет.

По дороге разговариваем с Ежом. Он рассказывает про Дезолье (пациент воображает ландшафтные объекты).

Мифы и сказки (перформанс).

Смех: «хватит хохотать, как бы чего ни случилось». От смеха можно зачать. Смехом лечили бесплодие. Как это верно!

«Пейзаж, нарисованный чаем»

Афонские монахи ходят задом наперед, чтоб обмануть смерть.

Дорога на вершину горы. Совсем не так сложно, как казалось и представлялось.

ПЕЩЕРА

Пещера вызывает много ассоциаций.

Дом для животных.

Дом для людей в течение многих веков — пепел костров (нужно было отвоевать у животных, отсюда страх, риск для жизни).

Храм, место предков (рисунки; отпечатки ладоней — печать, скрепляющая единство живых и предков — ритуал «перенесен» культурой в детскую игру прятки (игра со смертью), дотрагиваться только до стен, до двери нельзя, произнося заклинание: «Чур, не я!»).

Все «оседает» в нашем глубинном подсознании. Наше бессознательное и культура ничего не забывают.

В страхах, играх, снах...

Архаичные образы...

Четкие ответы...

Смутные переживания...

«Одиссей» (кино).

Спуск в потусторонний мир за ответом на вопрос, который не отпускает.

Перерождение.

Вход в пещеру похож на женские половые органы. Небытие, чреватое жизнью. Материализованные образы коллективного бессознательного.

Поработать в пещере: выключить свет, послушать (иногда сложно сказать, что происходит снаружи, а что внутри).

Если ты спрашиваешь, ты уже знаешь ответ.

Летом появляются звери-посредники.

Люди находят «дары»: ключи, деньги, газеты, батарейки.

Не паниковать.

Выберите партнера, кого хотелось бы лучше узнать, кто вас заставляет чувствовать себя неловко. Того, кто бросает вам вызов.

Граница подземелья.

Душа живет медленно и тихо.

Входить без агрессии.

Мир живых и мертвых.

Синкретичность. Возможность переживания одновременно жизни и смерти. На границе.

Куда бы ты ни шел, ты уже там.

С легкой руки Носорога из Капели я стала Капелькой (Капель — что-то женственное, грациозное, величественное, вся вытянутая, устремленная вверх. Туда, куда я стремлюсь. Капелька подходит больше к тому, что я есть сейчас: маленькая, cute, ласковая, капелька в море).

Мой опыт:

Трепет и радость узнавания при вхождении внутрь. Воспоминание/проживание процесса рождения.

Первый зал. Вместе. Темнота. Ветерок. Бесконечная потенция. Безграничное пространство. Ветер, вызывающий волны утробных вод. Комфортно вдвоем. В маленьком кармашке одна. Все давит и неудобно.

Третий вытянутый зал — сидим спина к спине. Я прислушиваюсь к его биению сердца и пульсу в висках. И понимаю, что я здесь, в этой утробе, с женщиной. Это же тот самый брат-близнец, которого я упорно ищу с рождения. Прошу разрешения обнять его и начинаю горько плакать от тоски, от одиночества, от скучания.

Внутри я признаюсь брату, что я знаю о нем, что мне очень жаль, что ему не удалось родиться, что я по нему

всегда скучаю и знаю, что мы встретимся, он найдет другое воплощение.

Меня отпускает. Я знаю, что я стала немного более свободна от этой вечной тоски и непрекращающихся поисков.

Я снова одна в маленьком кармашке. Сажу и прислушиваюсь к своим ощущениям.

Я чувствую купол над собой и мне теперь комфортно. И радостно. Смеюсь громко. Хочется захлопать в ладоши.

Обратно ползу быстро и начинаю плутать. Возникает легкая паника. Успокаиваю себя и понимаю, что, будь пещера побольше, это малюсенькое беспокойство могло легко бы перерасти в суперпаническую атаку. Здесь же я могу спокойно осмотреться и найти выход.

Еж посоветовал сходить в церковь и поговорить с братом: Я тебя люблю. Ты мертв, а я жива. Это моя жизнь. Я обещаю сделать что-нибудь хорошее в память о тебе для других людей.

Когда происходит чудо, все приобщаются/озаряется.

В мире полно чудес. Если их замечаешь, то приобщаешься.

Тотальный контроль, когда нельзя расслабиться, нужен только при диарее.

ДОРОГА ДОМОЙ

Обратно через деревню в сумерках. Безумно красивые краски и четкие очертания монастыря и русских изб. Хотелось бежать, почти не касаясь земли.

Сончас, лежбище морских котиков, разговоры ни о чем и смех — исцеляющий, снимающий напряжение смех. Внутри пузырьки и безмерная радость.

Корневой чехлик.

Без виньеток ложной сути можно пороть всякую чушь; главное, что люди рядом хорошие.

УЖИН

БАНЯ

Испытание на принятие своего тела. Многие, не задумываясь, идут в ад, но мало кто хочет в рай. Рады бы, да грехи не пускают.

Баня — другой полюс пещеры. Выходя из бани, молчат.

Комплексы.
Мы знаем друг друга как облупленных.
Сорок шесть хромосом и такое разнообразие! И все красиво. Господь Бог прежде всего художник.
Раскрывание изнутри.
Банник-дух, чертовщина.
Грязное место, женщины рожали в бане.

РАБОТА

Зеленый горошек мозговых сортов))
«Кто подставит соседа слева». Легкость бытия, я как перышко.

Я тебе что-то даю, твое дело брать это или не брать. Прямо как у Будды (я не принимаю твое зло).

Время приобретает монументально другие масштабы.

Мальчик или мужчина.

Девочка или женщина.

Плавность, неспешность, несуетливость.

СУП МИРА

Один из рецептов от Ежика: 2 л девичьих слез, обильно горечи и сожалений, страданий по вкусу и т. д.

Сакральность

Благодарность

Я благодарна своим родителям за...

Я благодарна Богу/Вселенной...

Я благодарна себе за...

Мощнейшая подпитка

Полностью отвлечься от своей ежедневности со всеми мыслями, которые вертятся по кругу. Возникает новая перспектива.

Если все происходит так слаженно, то для меня это показатель, что ребята делают правильную вещь.

Прекрасный пример, как можно жить в спонтанности и без спешки.

«Закрытие смехом» С. Лащенко.

ЗАВТРАК

Лежбище и хохотание.

Груминг.

Общая свалка.

В кружок.

Важно продолжать этот рай аналитики в жизни.

При всей миниатюрности этого места всем все хватает и все есть.

Журавль из ржавчины на кресте и табачный вуду. Богу нечего прощать. Каждый делает свой выбор и разбирается с последствиями. Просто нет ничего, что требует прощения.

Умелое управление динамикой группы. Нет пустых мест.

Родник.

Следя за облаками, развиваешь воображение.

На вершине горы: чего хотите сейчас?

К кусту идут с закрытыми глазами.

Психологическая антропология.

Красный угол с иконами. Напротив печь, мировое дерево, перенесенное внутрь. Малофункциональная печурка (ниша в печи). Туда раньше хоронили предков. В подпечье хоронили младенцев.

Человек создает пространство, моделируя космос.

Забор — граница от нечистой силы.

Живые воняют, а мертвые не пахнут (Змей Горыныч: «Человеческим духом пахнет!»).

Смутные воспоминания.

В деревнях живут традиции.

Наличники с орнаментом — обереги от чужих мертвецов.

«Исцеляющее безумие»

Снова на берегу. Смотрим на город. Он уже не такой страшный. Город-дом.

Совсем другие ощущения.

Время и пространство расширились.

Перейдя речку, обнимаемся прощаемся. Внутри радость, благодарность, раскрытость, перерождение.

Тайные искусства, зачарованный мир.

«Империя ангелов»

human design

ПЕШКОМ ПО ЖИЗНИ

В начале апреля я вернулся домой из удивительного путешествия по Пелопоннесу. Я и мои спутники сделали множество фотографий того, что встречалось нам в пути, но все они меркнут по сравнению с впечатлениями, которые навсегда останутся в моей памяти. Спросите любого специалиста в области когнитивных наук, и он подтвердит: память тотальна, она хранит все, на что человек обратил внимание хотя бы на мгновение. После завершения путешествия хотелось написать о нем сразу, но впечатлений было так много, что выстроить их в линейную последовательность текста просто не было никакой возможности. Теперь, кажется, есть...

Идея проекта оказалась мне понятной и близкой — выйти с группой за порог терапевтического кабинета в жизнь, где можно работать не с моделируемыми ситуациями, а с тем, что происходит «здесь и теперь». Для путешествующей группы события оборачиваются со-бытием, переживания — со-переживаниями, чувства — со-чувствием, пройденный путь — обретением. Тайнство жизни, как и ее смыслы, нельзя узнать, их можно только о-брести, т. е. неспешно идя, почти бредя, по жизни. В одном из своих произведений Г. Гессе говорит, что «Жизнь — это путь, возможность пути, намек на тропу...» Психотерапевтический проект «Пешком по жизни» — это реальный путь, пройденный группой, в событиях которого открываются возможности «других путей», звучат намеки на новые тропы. Путь, которым я иду по жизни, меня вполне устраивает, но теперь, благодаря проекту, стали отчетливее видны лица тех, кто идет рядом...

Греция будоражила мое воображение в детстве. Теперь, когда моя жизнь вступила в свою вторую половину, она оживляет мое воображение картинками и сюжетами не только далекого прошлого, но и коллективного бессознательного. Сны, фантазии, воображение, по мнению Фрейда, — суть одно и то же. Нужно оживить воображение для того, чтобы активизировать собственное бессознательное. Решения сколь угодно сложных жизненных ситуаций уже есть в нашем бессознательном, и единственное, что нам нужно, —

хороший контакт с ним. Э. Берн сказал бы это по-другому: нужен хороший контакт Взрослого и Дитя. Идя по маршруту «Пешком по жизни», я представлял, как циклопы помогали Персею строить Микены, как победитель Трои Агамемнон возвращался сюда навстречу своей смерти... «Златообильные» Микены, воспетые Гомером... Даже если кажется, что ты этого не знаешь, воображение напомнит тебе давно забытое. Достаточно посмотреть на холмы вокруг или на звездное небо: Персей, Андромеда, Кассиопея... Не уверен, что «в Греции все есть», но точно там есть все, чтобы вернуть себе способность удивляться и благоговеть перед Жизнью.

Греки доброжелательны и радушны. Русские, много лет живущие в Греции и начинающие понимать ментальность местного населения, говорят, что «греки как дети». Я в связи с этим вспоминаю: »Будьте как дети, ибо их есть Царствие Небесное». Исследовательница обыденного сознания Улыбина, на мой взгляд, убедительно доказала, что обыденное сознание современного человека представляет собой винегрет, состоящий из элементов научного сознания, архаического сознания, религиозного сознания, мифологического сознания... Когда я на одном из привалов сказал об этом, одна из русских гречанок заметила, что, по ее мнению, греки до сих пор живут в своих мифах. Ну и что, если им хорошо... Олимпийские боги частенько спускались с Олимпа и устраивали любовные приключения с земными женщинами. Значит в греках течет кровь богов?.. Вглядываясь в их лица, я пытался представить себе, как выглядит Гермес, Посейдон, Дионис или Афина... Мне кажется, что теперь я знаю, как выглядит Одиссей.

Охи означает по-гречески «нет». За время путешествия я выучил несколько слов по-гречески, но **охи** мне нравится больше всех. Греция оказалась одной из тех немногих стран, которые сказали немецкому фашизму «охи». Спасибо вам, греки.

Еда в Греции вкусная и здоровая. Один мой коллега, живущий теперь в Израиле, как-то сказал мне, что для евреев еда — это национальный вид спорта. Мои поездки в Израиль убеждали меня в этом снова и снова, до тех пор, пока путешествие в Грецию не напомнило мне о том, где впервые был изобретен спорт. Есть спорт любительский и есть профессиональный. Еда в Греции — это профессионально.

Группа собралась потрясающая. Из восьми человек, участвовавших в походе, только двое не были психологами. Два человека приехали из Лондона. Приятно и познавательно было поговорить с ними о жизни русского Лондона. Наши терапевты живут в Греции — благодаря их рассказам я открывал страну как путешественник, а не как турист. Наш проводник — русская гречанка — работала в группе вместе со всеми. Еще один участник приехал из Москвы. На одной из сессий мы спонтанно выдали с ним потрясающую меня импровизацию. Похоже, что тогда она потрясла не только меня...

Терапия в пути оказалась мягкой и глубокой одновременно. Каждый день мы шли тропами Греции, дорогами, по которым проходили боги, герои, пастухи, партизаны, крестьяне, мужчины и женщины. На привалах и остановках мы делились своими переживаниями, чувствами, ассоциациями — всем тем, что происходило во время движения «пешком по жизни». Вечерами мы собирались в круг для того, чтобы еще раз поработать с тем, что «набирали за день», или сделать нужное для группы упражнение. В своей клиентской позиции я много получил, и этот опыт будет еще долго прорастать в моей душе, как городские цветы сквозь асфальт. И это хорошо — я буду меняться медленно, давая возможность себе и окружающим меня людям привыкать ко мне другому. В профессиональной рефлексивной позиции, прокручивая в моей памяти события нашего путешествия, я вижу много бережного и уважительного отношения к клиентам, уважение к границам личности, хороший баланс фрустрации и поддержки. Я вижу, как терапия в пути превращается в терапию Пути. Психологические путешествия, в каком бы варианте они ни проходили — будь то проект «Пешком по жизни» или разработанная мной ландшафтная аналитика, или терапевтические прогулки М. Бурно — это мультимодальный терапевтический метод, дающий возможности в контексте путешествия использовать техники разных направлений психотерапии. И это не пригоршня упражнений и приемов — это скорее ожерелье, в котором каждая техника, прием или упражнение нанизаны на нитку пути, по которому в прямом и метафорическом смысле идет группа. Спасибо нашим терапевтам — Насте и Кате — за возможность познакомиться с их работой!

Пространство, как метко подметил М. Хайдеггер, всеобъемлюще — от него нельзя отвлечься, переведя взгляд куда-либо еще. Природное пространство заполнено ландшафтными объектами без пустот, и, куда бы ты ни перевел взгляд, он всегда упадет на что-то в пространстве. И это что-то — какой-то конкретный ландшафтный объект. Заметим, что в мифах, легендах, сказках, преданиях ландшафтные объекты — это не просто «элементы» пространства в котором действует герой, это активные, часто одушевленные участники повествования. Современному человеку не сразу понятно, что и для него пространство и заполняющие его ландшафтные объекты — это не пассивные декорации к его жизни. Науке еще предстоит исследовать глубинные механизмы, которые связывают человека и вмещающее его пространство.

Я шел, печаль свою сопровождая,
Над озером, средь ив плакучих тая,
Вставал туман,
Как призрак самого отчаянья...

Что объединяет слова «печь», «печаль», «пещера», «печать»? Некоторые архаические мифы продолжают жить в культуре (а значит, и в коллективном сознании) в спрессованном в одно слово состоянии (Агранович, Стефанский «Миф в слове. Продолжение жизни»). Семантическое пространство концептов, обозначающих ландшафтные объекты (гора, лес, пещера, тропа, поле, река, ручей, болото...) — это пространство скрытых кодов доступа в коллективное и индивидуальное бессознательное.

Мечты — это то, что нас зовет, в отличие от нужд, которые нас толкают. О мечтах говорить тревожнее, чем о сексуальных фантазиях... Я мечтаю вернуться туда снова. Я чувствую, что мне еще есть что услышать в диалоге с пространством, вместившим в себя Грецию и греков. Я мечтаю снова пройти от моря до моря...

КАК ЭТО РАБОТАЕТ или ДВЕРЬ НА ЛУГУ (факторы, влияющие на психотерапевтическую эффективность при работе с клиентом вне кабинета)

Десять лет назад, будучи старательной студенткой психфака, я, конечно, без конца задавала вопрос авторам метода ландшафтной аналитики (ЛА): как это работает? Но они только загадочно улыбались и переглядывались друг с другом. Пришлось пробовать все на собственной шкуре. С радостью поделюсь своими клиентскими наблюдениями. Хочу сразу оговориться, что не стану упоминать о специфике групповых процессов. Хотя формат групповой психотерапии играет в ЛА свою важную роль, мне хочется обратить внимание именно на особенности воздействия на клиента психотерапевтического путешествия на природе как такового.

Для начала о самом очевидном. Стоит человеку выйти за пределы кабинета, как он сталкивается лицом к лицу с реальностью. Т.е. вместо размышлений о жизни в приятной компании психолога оказывается на неведомых дорожках с тяжеленным рюкзаком за плечами и с непредсказуемыми попутчиками. И жить здесь приходится по правде. Выйдя за пределы городского комфорта, люди вынуждены взаимодействовать друг с другом, даже когда не очень хочется. А куда деваться, если просто помыть руки можно лишь, попросив кого-нибудь полить из ковшика. И суп варить на 15 человек одному несподручно, и договориться, где чья подушка, кому сколько конфет оставить, кто посуду вымоет после ужина... И, конечно, я начинаю общаться с людьми так же, как привыкла делать это в своей повседневной жизни. Тараканы, подъем! Собственно, они тоже рады свежему воздуху. Потому что если в привычной ситуации я худо-бедно могу контролировать ход своих мыслей, то, оказавшись в новой обстановке, контроль этот утрачиваю по многим причинам. Во-первых, усталость. Давайте честно, ландшафтная аналитика — не пляжный отдых, тут добрые ведущие гоняют тебя по полям, по лесам до изнеможения и еще чуть-чуть. Не знаю, чем они сами оправдывают такое человеколюбие, но по собственным ощущениям могу сказать, что усталость — отличное средство для того, что-

бы стряхнуть с человека всю выученную любезность и самоотверженность. Начинает вылезать агрессия, о которой и сам не догадывался. Или — обида. Или, в конце концов, сомнения в компетентности этих психотерапевтов, прости господи. Все происходящее начинает казаться бессмысленным бредом и насмешкой над несчастной невыспавшейся группой. Что произошло? А контролировать своего внутреннего ребенка сил не осталось. Некому к дисциплине призвать: успокойся, ты же хорошая девочка! Так появляется шанс познакомиться со своими эмоциями, которым в обычной жизни мы проявляться не позволяем. А значит, и не умеем их проживать: наблюдать, узнавать причины, выдерживать.

К слову об эмоциях. Путешествия на природе, да по незнакомым маршрутам, дают прекрасную возможность поработать, кроме всего прочего, и со страхами, которых у взрослого человека ничуть не меньше, чем у детей (это секрет!). Сами посудите, как бы не был неказист на лицо психолог, ну не сможет он такого ужаса нагнать на клиента, как ночь, проведенная в лесу без фонариков и с летучими мышами. Или — пещера, из которой еще поди выберись! Вообще, возможности бояться представлены довольно широко. Здесь тебе и полчища насекомых (почему все пауки на меня садятся?!), и река, которую приходится зимой по льду переходить, и ведущие, один добрый, другой злой — все, как полагается. Первый раз проживая свой страх сознательно, делаешь открытие: оказывается, ты можешь это вынести. Бойся на здоровье! Бойся с удовольствием. Как ощущения?

Еще интересный момент. Выйдя за пределы повседневных декораций, человек неожиданно лишается своих привычных социальных ролей. Здесь нет ни начальников, ни подчиненных. Здесь я — не мама, не жена, не дочь, не учитель, не студент... Тогда КТО Я? Хороший вопрос, не правда ли? Мало того, что статуса моего никто не знает, так это мы еще до бани не добрались, где вообще все голышом... И тогда становится очень тревожно. С одной стороны. Но! Именно отказ на время путешествия от имени-отчества помогает освободиться — ни больше ни меньше — от сценарных предписаний. Приходит в голову забавный пример, когда в любви признаются легче на английском, чем простым русским

языком. Возникает ситуация некоторой условности происходящего. И мне можно (понарошку) побыть сейчас сообразительной, выносливой, ловкой и спокойной, а не такой, какой меня знает мама... Это переживание — Я МОГУ — дорогого стоит. Ни с каким аутотренингом не сопоставимо. Когда закончится двухдневка и я вернусь домой, будет очень сложно убедить себя заново, что я слабенькая и делать ничего не умею. Кто-то, черт возьми, вскарабкался на эту гору?! И блинами на костре смогла же я всех удивить! Этих эмоций ни одна консультация в кабинете клиенту подарить не сможет.

Отдельная тема — сакральная символика ландшафтных объектов. Собственно, она является одним из главных содержаний ландшафтной аналитики. И — кардинальным отличием от знакомых всем туристических вылазок на природу. Современному человеку, живущему в предельно рациональном мире, большого труда стоит переключиться на мифологический аспект общения с природой. Здесь хочется сделать реверанс в сторону ведущих — именно от их мастерства, харизмы, артистичности во многом зависит степень погружения группы в переживание экзистенциальной встречи с миром и с собой в процессе посещения пещеры или купания в лесном озере, плетения венков и ожидания восхода солнца на горной тропе. Дверь на лугу открывается...

На самом деле это название коми-пермяцкой сказки. Дверь на лугу. Детская книжка. Такая милая выдумка. Только почему-то из головы не идет. Ландшафтную аналитику напоминает. Почему?

Да, конечно, ландшафтная аналитика может вбирать в себя техники самых разнообразных направлений. Здесь и гештальт с его фигурой-фоном и якорями, и трансактный анализ взаимодействия в группе, и прекрасные возможности для телесно ориентированной терапии. Словом, вопрос предпочтений ведущих. Но уникальным этот метод делают не техники, а особое интуитивное переживание — ощущение тождественности внешнего и внутреннего мира. Заповедь дельфийского оракула «Познай самого себя, и ты познаешь весь мир» обладает волнующей притягательностью. Вечных вопросов никто не отменял. Кто я? Что со мной происходит? Куда я иду?.. Часто это даже не вопросы,

а бессловесное метание человека. Иногда — едва уловимая тревога, иногда — внутренняя агония. Природа приносит миротворение. Что ж это за чудодейственное средство? Что за дверь на лугу?

Очень многие ответы можно найти за этой дверью. Случается, они приходят неожиданно. Прикасаясь к огромному стволу векового дуба, чувствую себя частью древнего рода, мощь корней, мудрость безвременного покоя. То, что невозможно объяснить на словах. Вглядываясь в два исполинских ствола дерева, внезапно понимаю, что первая противоречивость в жизни младенца — мама с папой. С самой колыбели мир встречает нас двумя разными голосами, смехом, дыханием. А значит, все неоднозначное, с чем я сталкиваюсь, также ценно и прекрасно, как любовь и к папе, и к маме. И я учусь говорить миру вместо «или то, или другое» — пусть будет и то, и то. Пусть будет.

Так откликнулась душа на внешнюю встречу. Именно в этих ответах нуждалась. А другой человек увидит на той же поляне красоту и естественность жизненных циклов. Вспомнит ежегодное обновление природы, торжество жизни посреди лета, осеннюю сокровенную тишину... Что-то важное узнает про смерть. Про ее неотвратимость и величие. Сохранит в сердце открывшуюся ему тайну.

Путь продолжается. Группу настигает дождь. Шумно рассказывает о том, что погода бывает разной. И на душе бывает по-разному. И солнце бывает, и туман, и буря. А так хотелось, чтобы только солнышко, улыбаешься сам себе, стряхивая с носа дождевые колючие капельки.

Проходим мимо пашни. Ох, как богато пахнет земля! Сколько в ней чувствуется силы! Правда, здесь и шагу не ступить. Но никто на утоптанной дорожке семян не бросает. Хочешь посеять новое, придется душу перепахивать.

Сколько еще открытий таит в себе наше путешествие!

...Наверное, самое главное, чему учишься, участвуя в ландшафтной аналитике, — это осознанное восприятие всего, что тебя окружает. Умение видеть. Смотреть в мир, вглядываясь в себя. Узнавать внутреннюю погоду, читать карту путешествий души. Отмечать стоянки и родники. Не паниковать на болотах. Переждать снегопад. Жить.

Напоследок скажу об удивительном ощущении времени. Спросите любого участника ландшафтной аналитики, он подтвердит, что время здесь течет по-другому. Загадка, правда? А дело в том, что восприятие времени напрямую связано с объемом автоматизмов (действий, не требующих участия сознания) в нашей повседневной жизни. Чем больше дел мы способны переделать «на автомате», тем быстрее летит время (за ненужностью его замечать). Когда же я оказываюсь на неведомых дорожках, разом просыпаются все ощущения. Благодаря необходимости ориентироваться в незнакомом месте появляется прекрасная настороженность — к себе и к жизни. Мимолетному. Вечному.

Ну вот, как я ни старалась, не получилось научной статьи. Опять отнесло меня к поэтическим картинам. Но тут уж ничего не поделаешь! Ландшафтная аналитика творит со мной что-то... Что ни в сказке сказать, ни пером описать. Все!

ОПЫТ ЖИЗНИ В ИЗМЕНЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Я живу в коливинге. Это значит, что как в большой семье. Только немного измененной, не связанной кровными узами. Здесь есть правила и ценности, которые необходимо соблюдать (желательно уж точно, для своего же комфорта).

Наш коливинг расположился в револаризованном здании с очень символичным названием — Мельница. Здании, изначально построенном под другой функционал, чем есть сейчас. Этот факт тоже накладывает отпечаток на мироощущение и проявление себя. Каменные стены, восьмиметровые потолки и осознание, что здесь была зернодробилка, — вкуче дает понять, что у места, где я живу, есть история, свой дух и их тоже нужно уважать.

Вопрос границ — основной, когда живешь в измененном ландшафте с большой группой условно чужих людей. Границы внутренних и внешних.

С одной стороны, огромное пространство дает ощущение свободы, простора, творческого самовыражения. Это ощущение вдохновляет и помогает найти в себе новые ресурсы.

Особенно это чувство свободы проявилось во время карантина первой волны Covid-19. Когда все друзья в соцсетях жаловались, как им тяжело в четырех стенах маленькой «хрущевки» и хочется на улицу, я, имея все возможности для прогулок, предпочитала гулять по большим просторам нашего здания Мельницы. И не потому, что не люблю прогулки на свежем воздухе, а потому, что мне хватало свободы в том пространстве, где я находилась. Предполагаю, что мои друзья не столько хотели гулять, сколько снять внутреннее ограничение, рождавшееся из внешних запретов и необходимости сидеть дома. У меня такого не было, и для меня это большой плюс жизни в большом изолированном от города пространстве.

С другой стороны, такое большое пространство создает дополнительную провокацию для того, чтобы позволять себе значительно больше, чем это привычно в стандартных условиях городской квартиры. Когда место твоего проживания резко превращается из 30 квадратных метров в 400,

создается ощущение, что возможно все, границ нет. Но это ощущение обманчиво и иллюзорно, и существует ровно до того момента, пока систематически не начинаешь наталкиваться на конфликты интересов других жителей коливинга. А это в среднем 8–10 человек. Как писал Иммануил Кант, «свобода размахивать руками заканчивается у кончика носа другого человека». Чью музыку мы слушаем сегодня в общем пространстве? Кто готовит на завтрак и что это будет? Чья грязная тарелка осталась на столе? Кто первый идет в душ (ведь бойлер с горячей водой не бесконечен)? И почему опять по всему дому разбросаны пледы?

Эти бытовые вопросы мгновенно становятся теми границами, которые не видишь, но чувствуешь. И от столкновения с ними порой не менее больно, чем от удара лбом в стену.

Несомненно, подобные условия способствуют внутренней личностной трансформации, возможно даже больше, чем годовой коучинг Тони Роббинса. Приходится искать баланс между своими желаниями и потребностями и желаниями и потребностями близких соседей. Особое искусство — делать это не из жертвенности и компромиссов, а с полной ответственностью и выигрышным решением для всех.

В теплое время года у меня появилась возможность протестировать еще один измененный ландшафт нашей территории. Это милый летний домик с кодовым названием «Гнездо».

Такое название не случайно. Домик практически «парит» над землей, имея в качестве опоры лишь 4 стальные сваи. Сделан он из дерева и поликарбоната, поэтому практически прозрачный на просвет.

Нужно ли говорить, что ощущения от проживания в «Гнезде» совсем другие, чем в основном здании Мельницы?

В «Гнезде» хорошо, когда жизнь «прибила к земле» и ты будто завяз в болоте. Приходишь в домик и сразу возвышаешься над всеми жизненными неурядицами. Ситуации начинают казаться прозрачными (как само «Гнездо») и легкими, не такими давящими.

Есть у этого дома еще один интересный эффект — усиления. Когда на улице холодно — в домике очень холодно, а когда на улице жарко — в домике очень жарко. Но «Гнездо» усиливает не только внешнее, но и внутреннее. Я часто за-

мечала за собой, что настрой, с которым я приходила туда побыть, становился более мощным, оформленным и цельным, подобно форме куба, в виде которой сделан сам дом. Это вполне объяснимо, если обратиться к холистическому подходу, который говорит о нераздельной взаимосвязи нас и всего, что нас окружает.

Возвращаясь к основной теме: опыт жизни в измененном пространстве для меня стал безусловным триггером для самопознания, изменений, внутренних и внешних трансформаций. А еще он мне подарил новых близких людей и яркие, наполненные глубиной чувства, события жизни. И это прекрасно!

VIVAT RAAAF¹

Как потрясающе точно работают в нидерландском Архитектурном бюро RaaaF, создавая «environment for embodied brain»! Это практическая философия и коллективная психотерапия в чистом виде — и высочайшего уровня! Erik Rietveld и Ronald Rietveld актуализируют потенциал заброшенных объектов (сколько таких бесхозных обломков и комплексов во внутреннем ландшафте любого из нас). Но как они это делают?! — Не достраивая, а наоборот, обнажая, расчищая, открывая (употреблявшийся российскими интервьюерами глагол «to cut» мне кажется здесь неточным: он отражает технический момент, но не суть происходящего).

Я бы сравнил подход Raaaf с археологическим или палеонтологическим (привет Фрейду, Фуко и Выготскому). И, как по мне, этот подход [равно в охране памятников и психотерапии] куда интереснее других.

Действительно, что делать с такими заброшками («vacant places»)? Можно делать вид, что игнорируешь («я не с ним»), но такой заброшенный объект искажает пространство вокруг себя: его приходится обходить, сторониться, как, скажем, вонючего бомжа или тот же аффективный комплекс.

Можно его стереть с лица земли (разрушить, вывезти за 101-й км и т.п.), и, к сожалению, психотерапевты частенько идут с клиентами по этому пути, помогая забыть, десенсибилизировать травмирующий опыт. Это легкая дорога, но осознать те возможности («affordances»), которые предлагал нам такой объект, становится куда сложнее, если он не представлен в восприятии и утратил свое реальное присутствие. Разрушив комплекс, мы чего-то о себе не узнаем (впрочем, ровно до того момента, когда на его месте появится второй такой же: сюжет точно описан в «Кентервильском привидении»).

Можно приспособить постройку под что-то: раньше здесь была водочачка, а теперь в ней гостиница. Можно, но не всег-

¹ Отзыв на посещение лекции-дискуссии Эрика Рьетвелда «Невидимое и явное. Как работать с нематериальным наследием в пространстве», Москва, 31 октября 2018 года.

да: это может быть слишком дорого, небезопасно или неприемлемо по этическим соображениям.

Можно попробовать «гальванизировать труп»: воссоздать как будто в точном соответствии с сохранившимися фотографиями и чертежами. Только почему-то всегда окажется, что точного соответствия не выходит: условный деревянный дворец Алексея Михайловича «точь-в-точь» такой, как был, только сделан из железобетона и стоит в другом месте. На деле вместо оживления происходит создание чучела. Иногда с аниматроникой. Про параллели в психотерапии подробно писать не буду: все и так понятно. Слишком часто мы сталкиваемся с желанием клиента вернуться на 20 лет назад и снова войти в ту же воду.

А вот археологический подход — это здорово! Здорово потому, что честно: что было, то прошло, но оно было и было с нами. Теперь мы НЕ сможем использовать его по исходному назначению (в значительной части случаев и слава Богу, что не можем). Но зато мы сможем его рассмотреть, увидеть его ранее скрытое нутро и узнать таким образом что-то о себе (археология — всегда автоархеология).

И еще момент: любая достройка проявляет один аспект (не важно, здания или какого-то психического содержания), но автоматически перекрывает массу других потенциальных возможностей («история личности — история отвергнутых альтернатив»). В случае с объектами коллективной памяти это непроходимое препятствие: как бы ни реконструировал, какой бы аспект ни подчеркнул, отвергнешь другие и тем самым оскорбишь чьи-то чувства. Ограничишь степени свободы. Мудрые голландцы ничего не добавляют (на самом деле добавляют, но в других проектах, которые выходят не такими сильными). Они открывают потенциальное, снимая слой ставшего.

Выше я написал, что слово «cut» не очень точно, но было бы ошибкой и полностью игнорировать этот процедурный момент. Ведь резали же. Пилили многометровый слой бетона специальной алмазной пилой чуть ли не полгода, а потом что-то придумывали с вынутым куском. И для меня это снова метафора (даже не метафора, а буквальный аналог) психотерапии. Это не только идея, но и путь по ее воплощению, это работа, силы и средства.

Это мастерство выбрать такое направление разреза, чтобы не покалечить, не задеть живое, но раскрыть его. Это смелость отказаться от утилитарного результата ради возможности взглянуть на все поле потенциалов, каждая из которых актуально не реализована (захочешь реализовать — снова работа).

Но как же выбрать линию, по которой резать? Примерно как в хирургии (Почему белая линия живота называется белой? — Потому, что она белая). Эти линии реально существуют, они устроены по определенной логике и описаны в учебниках. Сделаешь разрез в нужном месте — зарастет быстро и красиво, чуть вбок — шрам на всю жизнь.

В случае памятника или ландшафта эти ориентировочные линии надо искать не только в бетоне, но и в других планах. Культурный ландшафт, если понимать его, вслед за Владимиром Каганским, как ландшафт, сложившийся в ходе утилитарного, символического и семантического освоения пространства, становится не материальной, эмпирической реальностью, а идеей, формой (в платоновском, скажем, понимании). Ну или единством формы и содержания: идеального и материального. Так вот, при таком подходе очевидно, что с разрушением материального (если при этом не задета символика и семантика) идеальное не исчезает. Если разрушение естественное, оно может прятаться, становиться неочевидным, но не исчезает вовсе. И тогда задача сохранения культурного ландшафта — в том, чтобы дать зрителю ключ, с помощью которого он мог бы увидеть спрятанное идеальное за конкретным ландшафтом, обнажить, напомнить (прямо по Платону с его анамнесисом).

И тогда это будет действительно памятник, machine of memories, психотерапия.

ДОКУМЕНТЫ

ФЕНОМЕН ГРАНИЦЫ В КУЛЬТУРЕ, В МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ И БЫТИИ ЛИЧНОСТИ

Стенограмма круглого стола 12.09.2020 г.

Вадим Петровский

Хочу предложить два тезиса и пояснить их возможно более кратко.

1. Границы, картирующие пространство среды — результат активности самих людей. Это либо напрямую говорилось участниками, либо подразумевалось ими. В развитие этой мысли, я хотел бы поделиться одним своим наблюдением, которое я посвятил детям, многие годы назад работая над концепцией дошкольного образования. В самом деле, детский вопрос: «Сколько лунных дорожек на море?» Я вижу только одну. «А вы?» — кричу я через весь пляж. Оказывается, каждый из нас видит только одну. У каждого своя дорожка! В действительности, все поле освещено. Это мы картируем море каждый по-своему. Можно считать, что это не только наблюдение, но и метафора, поясняющая мысль: «ландшафт» есть субъективированная среда жизни, а не объект, «по ту сторону» субъекта. У каждого своя дорожка в этом ландшафте. Среда — это повод к разграничению его на фрагменты, во многих смыслах, начиная от перцептивного.

2. Но здесь же и повод к снятию ограничений, провокация к выходу за границы, стимул к трансценденции границ. Если, например, по ту сторону границы переходить нельзя, то появляется искушение подойти к этой границе поближе, а то и переступить через нее. В экспериментах, которые многим известны, мы запрещали детям перешагивать через ленточку, разделяющую комнату на две части, в одной было интересно, а в другой ничего интересного не было. И вот они выходили в совсем неинтересную часть, потому что им было интересно перешагнуть через ленточку. Если вы разделите листок бумаги пополам и скажете: «Рисуй здесь и не рисуй там», то есть

по ту сторону разделительной черты, дети будут рисовать поближе к черте, и многие будут выходить в запрещенную часть. Можно не запрещать, но посмотреть, как люди ведут себя, когда опасно, — на краю пропасти, например... Сегодня мы моделируем это также с помощью айтрекера, прослеживая движения глаз. Глаза испытуемых пересекают границу на рисунке, есть те, кто прослеживает маршрут падения. Субъективно это переживается как тяга. Притягивает край, граница, что лишено прагматической ценности, но только не экзистенциальной: «Я есть. Я — субъект». Ландшафт побуждает к движению по преодолению границ; импульс к продвижению дальше-дальше-дальше заложен в границе.

Таким образом, граница — это то, что приносит субъект, и то, что преодолевается им.

Владимир Каганский

Вадим Артурович, спасибо! Вы сэкономили мне две минуты. Я полностью согласен...

Первое. Цитата. Гегель. «Лишь в своей границе и благодаря ей нечто есть то, что оно есть». У Гегеля курсив не частый.

Дальше — тезисами. Как морфолог. Исходя из того, что граничная проблематика, помимо субъективно-психологической, имеет реальностную, онтологическую подоплеку.

Тезис 2. Проблема границ появляется потому и связана с тем, что для той сферы, где ищутся границы, вопрос о соотношении континуальности/непрерывности и дискретности в принципе не разрешен. И границы выступают здесь (или переходные зоны) как способы разрешения в принципе неразрешенной проблемы. Учитывая полимасштабность, мы в непрерывной среде можем обнаружить реальные рубежи, а в прерывистой среде обнаружить плавные переходы. Именно эта неразрешимость ситуации наделяет границы очень высоким культурным, символическим, семиотическим и прочим статусом. Выкидывая из повседневности. В повседневности, в рутинной практике не рефлектирующего профессионала нет никакой проблемы границ. Есть задача их проведения, с которой он справляется по умолчанию. Границы связаны с рефлексией. То ли они порождают рефлексию в виде проблемы границ. То ли любая рефлексия пространства, в котором

мы живем, работаем, наблюдаем, начинает делать ситуацию границ совершенно неразрешимой. То ли границы рефлексивны, то ли рефлексия вызывает к границам.

С границами связана куча парадоксов. Самый известный — не логический, а семантический. Граница и связывает, и разделяет. Если употребить старомодное слово, здесь есть реальная диалектика и тут ничего не поделаешь.

Существуют среды и пространства, которые в существенной мере организованы границами. Границы структурируют пространство, хотя бы они были результатом предельно субъективных полаганий, решений и так далее. Пространства, в которых до сих пор живут даже молодые участники, это советское пространство. Которое структурировано внешними и, кто путешествовал — видел, — на границах регионов — внутренними пространствами. Существуют, как это ни абсурдно, лимоцентрические пространства — пространства, центрированные границами. Если отождествить в этом рассуждении запреты и нормы с границами, то все пространство культуры как пространство норм является вот такими клетками границ. С этим тоже связан их особый статус культурный, я уверен. А психологический статус границ, это дело, конечно, не мое...

Последнее. Границы являются очень могучим идентификатором как в случае возможности их пересечения, так и особенно в случае невозможности. Я полагаю, что те самые границы, по поводу которых рушатся судьбы и льется кровь, например, граница политической, культурной, религиозной, этнической идентичности, являются результатом экстенсивной идентичности, центрированной на ресурсах и разграничении пространства, а не на смыслах. Я думаю, что на этом можно закончить. Я занимаюсь границами 45 лет и каждые 9 лет своей работы, я вбил в одну минуту выступления.

Сергей Березин

Вадим Артурович говорил о побуждающей функции границы: она манит себя преодолеть. Субъект выстраивает границы и одновременно появляется интенция к их преодолению. Я хотел бы сказать о познавательной функции границы, побуждающей к познанию. Есть такая пословица: «Знай

край, да не падай». Оказавшись на краю пропасти, даже рискуя, очень многие заглядывают туда: а что там? В этом смысле граница побуждает к познанию.

С другой стороны, меня очень интересует феноменология бытия на границе. Что происходит с человеком, когда он оказывается в области своего граничного существования, на границе? В практике ландшафтной аналитики я часто наблюдаю очень сложные переживания, когда одновременно переживаются два полюса бинарной оппозиции жизнь-смерть. Когда неразделимость двух этих вещей оказывается явленной в переживании. Кажется, само бытие на границе очень богато возможностями личностного роста и личностно-обращенных инсайтов.

Павел Балов

Во-первых, на мой взгляд, границы конвенциональны. Мы всегда о них договариваемся. Они не являются чем-то предзаданным обычно, они возникают в процессе консенсуса обеих сторон. Из этого проистекает то, что границы динамические. Мы это можем наблюдать как на макромасштабе (как меняются границы стран), так и на масштабе конкретной личности человека (как меняются его границы в процессе личностного развития).

Второй тезис. Переход границ неизбежен. Как уже сказали предыдущие спикеры, когда мы видим границу, нам очень хочется хотя бы заглянуть за нее, а лучше ее пройти, пересечь. Это доказывают не только истории конкретных личностей, но и история человечества. В какой-то момент человечество упиралось в порог своего технологического развития, и ему обязательно было важно перейти дальше. Это проходило и происходит до сих пор.

Следующий тезис. Без границ развитие стагнирует. Если мы вспомним детей в детдомах, то мы вспомним, что они сталкиваются с тем, что у них не возникает устойчивых отношений со значимым взрослым. По крайней мере, такая история была распространена в 2000-х гг. У многих людей, выросших в детских домах, существует проблема в построении эмоционально близких отношений. Это говорит о том, что у них не появлялось соприкосновения с более-менее

устойчивыми границами. Они не могли их ощутить, вместить себя в эти границы и «об них» развиваться. То же и на макроуровне. Когда лидеры стран не сталкиваются с ответной реакцией на их действия, мы можем наблюдать, как они все дальше начинают распространять свои властные притязания (предположим, что в попытке все-таки нащупать эти границы, где остановиться).

И еще несколько тезисов. На мой вкус, не только люди друг другу задают границы, но и мир нам выставляет границы. Если мы посмотрим на мир как на (эко)систему, то он стремится как к стабильности, так и к развитию. Когда мы влияем на него (являясь его частью, оказываем на него значимое влияние), он отвечает нам нарушением его стабильности или развития в ответ на нарушение границ. И вместе с тем следующий тезис, который вытек из того, что переход границ неизбежен: мы в любом случае нарушаем эти границы, разрушаем стабильность, тормозим развитие мира, и мы погружаемся в некое состояние хаоса, лиминальный переходный период до тех пор, пока не появятся новые границы, новая стабильность. Для меня остается вопросом то, что мы наблюдаем на макроуровне, с этой ковид-пандемией: это мы уперлись в границу, стоим на пороге или мы ее уже перешли? И если мы ее перешли, то как новая стабильность нас ждет? Какие новые границы мир нам выставит и как мы с ними будем обходиться?

Вадим Петровский

На меня все выступления произвели огромное впечатление, начиная с первого, когда цитировался Гегель. Я хотел бы пояснить, насколько это важно, то, что было сказано. Почему привлечение Гегеля категорически не случайно для нашего разговора. Дело в том, что у Гегеля сама идея границы включает три момента, между которыми есть переход.

Во-первых, это предел. Граница это предел, причем предел двусторонний. Я, с одной стороны, подхожу — я упираюсь в предел, я с другой стороны упираюсь в предел... Но заметьте, что сейчас произошло, когда я это говорил: я переходил в мысли, в рефлексии. Я переходил от одного понимания границы, от одного предела — к другому. Таким образом, я в переходе охватывал оба предела.

Второй момент — это переход. Первый — предел, второй — переход. А что в итоге получилось? Я связал между собой два этих предела. Третий момент у Гегеля — это связь.

Граница — это предел, переход, связь. Конечно, для того, чтобы мне перейти, необходимо заглянуть по ту сторону первого предела. Иначе как же я смогу перейти, осознать, что я перешел? Вот эта провокация к переходу содержится в самой диалектике границы. Диалектика границы несет в себе импульс к переходу. Вот где исходная точка развития движения по ту сторону. Это первое, что я хотел сказать.

Второе. То, о чем говорил Сергей Березин. Важнейшая вещь — бытие на границе. Тут возникает интереснейшая штука: смерть и жизнь ограничивают друг друга, т.е. они ограничивают те ограничения, которые между ними существуют. Граница границы — движение к безграничности. Т.е. это продвижение к ощущению бесконечности, безграничности, к вечности. Мы ухватываем элементы вечности в бытии на границе.

Я хочу прочесть небольшой стишок, который когда-то посвятил одному из моих коллег, Андрею Пузырею.

Зачем границу —
переходить?
Достаточно просто
в нее войти.
Там, внутри
можно найти
путеводную нить
В бесконечность пути.

Юлия Морозова

Когда Сергей начал говорить про бытие на границе, я вспомнила юнгианского аналитика Бани Шортера, который написал еще в 1980-е годы эссе «Люди границы», «Border People». Как практик, психотерапевт, я могу сказать, что мы люди, которые постоянно находятся на границе с людьми разных возрастов, культур. На переходе от болезни к здоровью. Встречаясь с этим, у меня возникает образ черты, но изнутри и телесно я понимаю, что туда можно войти и там — пространство. Граница это не черта. Граница это целое пространство,

лиминальность... Парадоксально, она находится во времени и одновременно вне времени. И не одна сторона, и ни другая сторона. Максимально неопределенное состояние. И вопрос, который меня озадачивает про бытие на границе: насколько полезно постоянно находиться там? Насколько важно выходить из этого пространства или же, наоборот, его увеличивать?

Лилия Шарафиева

Как отклик на то, что сказал Вадим Артурович, хочется привести живую метафору из того, что происходит в моем саду. Когда я создаю круг, сажаю по окружности растения. Внутри этого круга живут растения, которые стремятся выйти из него. За пределами круга живут растения, которые стремятся в круг. В самой окружности, когда в нее попадают семена, зерна, там тоже, в этой границе, они прорастают. Хочется, чтобы вы поразмыслили над этим, увидели это вживую!

Вадим Петровский

Очень страшно застрять в границе, но еще страшнее стоять перед ней и застрять рядом, не доходя и не переходя.

Думал ли Гегель старик хоть раз
так про предел переход и связь?
Если без перехода у входа застрял,
то отнюдь не выйдешь в астрал.
И значит, границы не одолел.
Это все, конец, беспредел.

Алексей Титенков

Чтобы была граница, нужно, чтобы был «Я». Среди наших клиентов очень много людей, у которых нет связи со своим «Я». Я думаю, что это мое «Я» я обнаруживаю через свой нрав. Через удовольствие и через боль, если брать телесные основы. То, что меня развивает, приносит мне удовольствие. То, что меня убивает, причиняет мне боль. Многие люди, застрявшие в боли, сколлапсированы. У них нет этого инструмента выбирать, что мне нравится и что нет. Это про пограничную структуру личности, такой беспределный ад в их восприятии себя и жизни. Такой тезис.

Я думала, говорить или нет, но перешла границу собственного «нет». Как психолог, которого очень интересует телесно-ориентированная и двигательная направленность, я озвучу несколько выдержек из первого варианта своего доклада:

«Важная составляющая того, как мы наблюдаем за человеком, — это процессы перехода. Между одной формой движения и другой, между эмоциональным событием и движением, между впечатлением и движением и т.д. Вариантов этих переходов может быть много: например, постепенное, менее постепенное и резкое. Бывает застревание, о котором говорил Вадим Артурович. Переходы происходят с разной скоростью, весом, направленностью... Это целый спектр совершенно разных движений, где изменение лишь одной характеристики меняет всю картину реальности. Упомяну те границы, на которые мы обращаем внимание.

Движущиеся проходят множество границ: граница привычного и необычного, движения, предъявления, видимости, пространства. Граница между уровнями движения: вверху, в середине, внизу. Граница между право и лево, верх и низ, вперед и назад. А есть еще диагональные границы... Медленно-быстро, широко-узко, направленно-хаотично, легко-сильно, вертикально-горизонтально-сагиттально. Граница тонуса и расслабления, формы (структуры) и потока, движения и статики и множество других, о которых я не буду говорить».

Одной из мыслей моих было, что мы не осознаем этих переходов вообще. Мы их не фиксируем, не чувствуем, не понимаем. Даже не отмечаем, что только что это сделали. Многие движения могут разворачиваться на границе. И если мы можем осознать, сколько раз в день мы переходим эту границу, то обращение с границами может стать проще. Но если сороконожке сказать, что у нее 40 ножек и попросить отслеживать движение каждой, она может сбиться. Сложный момент: новые уровни фокуса и рефлексии могут стать проблемой.

Все очень интересно, но мне кажется, очень размытую область дополнительно размывать нецелесообразно. Большинство спектров различий не связано с границами.

Второе. Представление, что субъект конституирует границу, не относится к границе суши и моря. Он конституирует некоторое локальное решение, но мы знаем, что эта граница существует.

Третье. Возникло смешение качественного различения по признакам: говорить, что есть граница между красным и желтым только потому, что они разные совершенно нецелесообразно. С этим же смешивается граница разбиения элементов множества на подмножества. Между этими кучами нет никаких границ, просто элементы различаются по признакам. Третье — граница расчленения, о которой мы говорили с самого начала и которая обладает диалектикой, субъективностью, культурно переживается и так далее. Без аргументации позволю себе тезис, что мучительная острая конфликтная проблемная экзистенциальная граница относится к случаю, когда граница дана в пространстве, где работают процедуры расчленения, где имеет смысл не только две области, но и само расчленяющее, сама граница, не сводимая к переходной зоне, экотону. Жизнь, смерть, граница жизни и смерти. Вот архетипическая ситуация. Хотя, возможно, врач-реаниматолог может работать в переходной зоне между жизнью и смертью, но от этого категориальное существование не меняется.

Вадим Петровский

Спасибо за эту реплику! Раз пошел такой серьезный разговор, мне показалось важным упоминание о разбиении множества на подмножества, но давайте заметим, что когда это происходит, то логически сами не пересекающиеся подмножества определяются через пересечение, которое дает нам пустое множество, пустой элемент. Мы не можем иначе определить пересечение, кроме как через введение пустого.

Второе. Конечно же, нельзя понимать так, что границы, которые привносятся субъектом, привносятся исключительно им. Это было бы неправильное понимание. Конечно, есть

что-то идущее и от среды как таковой, и от субъекта. Вот в этом смысле происходит субъективное картирование, но оно имеет под собой почву за пределами субъективации.

Арсений Белорусец

Кажется, что мы органично преодолели границу, отделяющую первичные реплики от откликов. Для меня в границе важен переход от ее бестелесности к ее телесности (это уже звучало). Для меня важен выход в пространство границы. Когда я работаю как психолог-консультант, очень важна история перехода от метафорического представления взаимодействия как игры с нулевой суммой к метафорическому представлению взаимодействия как игры с ненулевой суммой. Это тоже про расширение пространства границы. Если по-другому, то это некое утверждение пространства «между». Я приведу цитату из «Записей и выписок» М. Гаспарова. У него это не про границу, а про диалог, но это то самое, что важно преодолеть. Итак:

«Диалог. Для меня в диалоге межсубъектного нет. Я в диалоге только быстро меняюсь из субъекта в объект и обратно. При этом я субъект, когда слушаю и от этого преобразовываюсь, а не когда говорю и влияю. Так же можно преобразовываться и в общении с камнем и "уважаемым шкафом".

Диалог. Быстрая смена ролями между камнем и скульптором: то я его долотом, то он меня долотом».

Так вот, для меня в диалоге главное, что можно не так.

Сергей Березин

Пока идет наша дискуссия, я вспомнил то, что ускользало от меня в последнее время. Проявление субъектности в самоограничении. Человек, который осознанно ставит себе границу.

Вадим Петровский

В Питере был саммит психологов, где мы выступали с А. С. Огневым. Говорили про границы в связи с самоизоляцией. Я тогда говорил о том, что самоизоляция не является ограничением нашей самости. А наша самость действительно вносит ограничения в то, что необходимо ограни-

чивать, но что мы спонтанно иногда безрассудно пытаемся перейти. Здесь есть субъектность, связанная с тем, что мы сами можем себя в чем-то ограничивать. Иначе это море разливанное.

Алексей Титенков

Метафорическое телесное определение границы: межклеточная мембрана. Пропускает внутрь то, что необходимо, связано с потребностью развития и роста. Не пропускает то, что вредит.

Галина Лютикова

По сущности границы мне трудно что-либо сказать, но возникло ощущение или осознание того, почему многих — например, меня — привлекают междисциплинарные конференции и семинары. Видимо, потому, что они собой являют пространство не только пересечения границ, но и их трансформации, сталкивания. Можно себе представить это еще каким-то дополнительным пространством взаимодействия самих границ. Это чрезвычайно интересно, продуктивно и эвристично. Это высекает искру и не только за счет того, что кто-то находит возможность высказаться, которой не имеет в своей узкоспециальной среде или высказаться иначе и присвоить что-то новое, но именно есть ощущение, которое трудно вербализовать, субъектности границ. Они в каком-то смысле ведут себя как-то сами! Есть ощущение взаимодействия границ самого разного типа.

Андрей Сычев

Я просто поделюсь своей метафорой. Для меня граница очень близка с понятием «тупик». Я понимаю, что это разное. Но тупик — это то, чего на самом деле не существует. Нам кажется, что здесь предел, но... Не знаю, как сказать... В транзактном анализе есть теория тупиков. Когда мы, преодолевая эти тупики, развиваемся, решаем задачу, интегрируемся... Для меня важно всегда понять, тупик это или граница. Если снова вспоминать транзактный анализ, то можно говорить про границы эго-состояний. Между ними энергия туда-сюда проходит: от ребенка ко взрослому.

Вдогон тому, что Вы сказали. Это очень важное замечание про тупики. Тупиков в транзактном анализе несколько. Есть тупик первого порядка между родителем и дитя. Второго порядка между внутренним родителем в ребенке и соматическим ребенком. Но есть еще тупик третьего порядка. Внутри самого глубинного соматического ребенка есть конфликт между некой родительской инстанцией и некой детской. Так вот, в транзактном анализе чрезвычайно трудно, минуя работу с телом (Оксана про это говорила), добраться до этого тупика третьего порядка, самого раннего по происхождению. И ландшафтная аналитика, которая имеет дело с витальностью (ни с предметной деятельностью, ни с коммуникацией, ни с самоосознанием, а с витальностью), именно ландшафтная аналитика, видимо, дает возможность преодолеть тупик третьего порядка.

Сергей Березин

Да, мне кажется, в ландшафтной аналитике тупик третьего порядка преодолевается в пути. Именно в пути. Выход из этого тупика обретается. От слова «брести».

Павел Балов

Я хотел бы вспомнить слова прошлых дней. Мне очень понравилась метафора субъектности. Она связана с темой границ. Была метафора про то, что, может быть, муравей обладает какой-либо сильной субъектностью, но муравейник обладает вполне могучей субъектностью, так что квалифицированный энтомолог вполне может найти общий язык с этим муравейником. Посему у меня вопрос: почему же нам так важно наделять себя правом говорить, что кто-то является субъектом, а кто-то является лишь субъективированным?

Если каждый из нас является системой (как организм — система клеток, как психика) или если рассматривать с точки зрения некоторых терапевтических подходов личность как сообщество субличностей, почему же мы как такое сообщество являемся субъектами, а про ландшафт многие могут сказать, что он только субъективирован, но не является субъектом. Немножко политический вопрос: а судьи кто?

Первое — ссылка. Международный журнал исследования культуры, 2015 год. Целый номер, посвященный границам в культуре. Он есть в открытом доступе¹.

Второе. В семиотике есть понятие семиотического порога, выше которого есть собственно знаковые процессы, а ниже — нет. Семиотический порог проходит по живому. Бактерии выше семиотического порога, а вирусы вроде бы нет. Т.е. физика и химия — это один класс дисциплин, а биология этим теперь вошла в гуманитарные дисциплины. Поскольку это довольно хорошо обосновано, но, как и все лучшие результаты наук последнего времени, не стало достоянием широких масс, то, если не считать рефлексии и ее иллюзию признаком субъектности, но считать знаковый критерий, включая юмор, который генетически в системах очень хорошо наблюдается, аналогом субъектности, то проблема, конечно, снимается. Просто мы, муравьи и бактерии вполне существа знаковой деятельности разных типов. Сюда же вливается идея, что слово «культура» надо употреблять во множественном смысле. Если культура — это знаковая деятельность по продуцированию смыслов, то откуда мы знаем, что у муравьев нет культуры либо она настолько другая, что мы ее не опознаем? Это тоже вопрос о некоторой фундаментальной границе. Биология оказалась по нашу сторону гуманитарных дисциплин.

Объяснение: биология становится гуманитарной дисциплиной. Осознанно. Это не значит, что литературоведение стало биологической дисциплиной, нет. Но, строго говоря, если есть поэтика генетического текста, то, может быть, дело дойдет и до литературоведения генетической литературы, кто знает...

Вадим Петровский

Очень интересно! Можно спросить, правильно ли я понимаю? Я тоже думал о том, что существуют, конечно, знаковые реальности, существуют символические реальности, но есть и досемиотические, дознаковые, досимволические реальности. Если говорить о среде *per se*, то не является ли она

¹ [https://culturalresearch.ru/files/open_issues/04_2015/IJCR_4\(21\)2015_FULL.pdf](https://culturalresearch.ru/files/open_issues/04_2015/IJCR_4(21)2015_FULL.pdf) (прим. ред)

дознаковой и досимволической реальностью? Что представляют собой те существа или те неживые существа, которые там существуют и которые как раз и являются носителями этой досемиотической, доландшафтной среды? И что за науки могли бы этим заниматься? Сейчас, Вы очень интересно говорите, происходит переход биологии в гуманитарную сферу, но, по-видимому, сохраняется что-то такое, что в гуманитарную сферу не переходит. Так или не так?

Владимир Каганский

Я здесь выступаю как офицер связи между российскими теорбиологами и остальным сообществом. Могу только транслировать их результаты. Конечно, когда мы говорим о знаковости, то понятно, что здесь не пирсовская трактовка знаковости, а только моррисовская и развивающая ее соссюровская, и еще более развитая в Копенгагенской школе. Вот что здесь. С другой стороны, представления о жизни тоже стали меняться. Все более популярны концепции, что если ландшафт палимпсест, то биосфера тоже палимпсест. И тогда в определенном уже не метафорическом смысле можно говорить о Земле как о живом существе. И, в смысле обсуждения здесь, об определенной субъектности Земли. Не приписывая ей рефлексию и символику. Давайте не будем забывать, что способность к символическим актам и к рефлексии является достоянием настолько небольшого числа людей, что характеристикой вида *homo sapiens* это являться не может.

Вадим Петровский

Очень важное замечание и очень уместное разграничение пирсовской и соссюровской моделей. Кстати, это различие отлично работает и в сфере юмора. Только что мы завершили статью для одного польского журнала о комическом. Это важное разграничение, и мне кажется очень важным последнее замечание о том, что рефлексия не обязательно входит в состав определения субъектности. Потому что субъектность — это нечто более полное и более богатое, чем рефлексивное звено. Это *causa sui*, причина себя. В этом плане и Земля, и многое другое, космос, выступает как субстанция, причина себя и как фрагменты причины себя, обладающие субъектностью.

Алексей Титенков

Контакт рождает ощущение границы. И взаимное восприятие того, кто с одной стороны и с другой.

Сергей Березин

Поясню. То, о чем говорит Алексей, очень хорошо видно на сессиях биоэнергетического анализа.

Сейчас нам уже пора завершать работу круглого стола, в фокусе которой была проблематика границы. Я сейчас хочу обратиться к Арсению с просьбой как-то подытожить все, о чем мы говорили.

Арсений Белорусец

Хорошенькая просьба! Простая, главное, в исполнении: взять и подытожить.

Сергей Березин

Я именно поэтому к тебе и обращаюсь, потому что это просто, и на склоне дня тебя точно не затруднит.

Вадим Петровский

Быстренько!

Арсений Белорусец

Да, за ту минуту, которая остается, с удовольствием! Я подытожу, но немного с другой стороны. Я подытожу, обратив внимание на ту динамику нашего общения, которая произошла в этом круглом столе. Он затевался как невозможное событие, невероятное. И для того, чтобы сделать его возможным, мы выбрали очень жесткий формат с большим количеством границ и самоограничений. И в какой-то момент этот жесткий формат сам себя преодолел, т. е. мы вошли в это пространство границы, столкнулись с ним, и в какой-то момент мы трансформировали наше отношение к этой границе. Мы действительно начали жить внутри этой границы. И у нас возник диалог на качественно новом уровне. Много всего замечательного было на этой конференции, но такого диалога еще не было. Он возник именно здесь. И вот это общее пространство, это пространство «Мы», оно возникло именно здесь. Его невозможно подытожить. И вот на этом я закончу, потому что это открытая идея: это идея не просто телесности пространства границы,

а бесконечности пространства границы. То пространство, в которое мы сейчас вошли, оно бесконечное и в этом смысле неподытоживаемое, но мы можем отметить эту его особенность. И может быть, это будет тем, что мы сможем унести с собой, присвоить. Из бесконечного пространства все унести нельзя, а какие-то заметки унести можно.

Сергей Березин

Я могу поделиться идеей, которую переживаю даже как-то эмоционально. Нужно будет обязательно запланировать круглый стол по проблематике границы и на следующей конференции, которая, надеюсь, состоится через год. Мне кажется, мы очень хорошо поработали и можем просто друг другу поплодировать!

ОТЧЕТЫ О КОНФЕРЕНЦИИ «Психотерапевтические путешествия: теория и практика»

I

Березин С. В.

Научно-практическая конференция «Психотерапевтические путешествия: теория и практика» проходила 8–9 июня 2019 года в Самарском национальном исследовательском университете имени академика С. П. Королева на факультете психологии. Организатором выступила кафедра социальной психологии психологического факультета Самарского университета. Активное участие в работе организационного комитета принял аспирант НИУ ВШЭ (Москва) А. С. Белорусец. Участие в работе конференции приняли психологи из России, Нидерландов, Польши, Израиля. Участниками и гостями конференции были не только психологи, но и специалисты из других отраслей научного знания и практики. На пленарных заседаниях, круглых столах и мастер-классах присутствовали студенты и магистранты психологического факультета Самарского университета и других учебных заведений России. Конференция включала пленарное заседание, секционные заседания, два круглых стола, три мастер-класса. Первый день работы конференции проходил на факультете психологии Самарского университета, второй день работы был выездным — участники конференции выехали в национальный парк «Самарская Лука» для проведения мастер-классов и презентаций техник практической работы в условиях естественного ландшафта.

Пленарное заседание вели заведующий кафедрой социальной психологии Самарского университета С. Березин и аспирант НИУ ВШЭ А. Белорусец. С. Березин выступил с докладом «Ландшафтная аналитика — терапия в пути», в котором проанализировал культурно-исторические, фило-софские и методологические основания ландшафтной аналитики как одного из методов психологической работы «вне кабинета». Раскрывая трансдисциплинарный характер

ландшафтной аналитики, докладчик особое внимание уделит анализу трансцендирующей сущности человека.

Выступивший далее А. Белорусец в своем докладе «Символический диалог человека и мира в ландшафтной аналитике: путь от интроекции к интериоризации» подробно рассмотрел психологические механизмы взаимодействия в системе «человек — ландшафт». Опираясь на теоретические положения культурно-исторической психологии Л. С. Выготского, докладчик проанализировал условия и возможности личностных эффектов в системе «человек — ландшафтный объект».

Ю. Конопельцева (студентка МААП; Москва) в докладе «Ездовые собаки в ландшафтной аналитике: опыт совместного движения» рассмотрела коммуникативные, когнитивные и эмоциональные аспекты взаимодействия человека и собаки в условиях естественной среды. Докладчик подробно остановился на методике организации взаимодействия человека и собаки в психологическом путешествии, структурных и динамических аспектах такого взаимодействия.

А. Титенков (психолог, член Международной Ассоциации биоэнергетического анализа; Самара) в своем докладе «Опыт проведения групповых биоэнергетических сессий в ландшафтной аналитике» рассмотрел влияние биоэнергетических сессий (по методу А. Лоуэна) на групповую и личностную динамику в условиях похода, подчеркнув синергический характер групповых и личностных процессов.

Ю. Морозова (танцевально-двигательный терапевт, преподаватель по ТДТ в ИППиП; Нидерланды) в докладе «Почему движение терапевтично?» рассмотрела теоретические основы ТДТ, а также терапевтические эффекты специальным образом организованных прогулок и походов.

К. Пахорукова (кризисный психолог, член Социально-экологического союза, Москва) в докладе «Натуралистическая экотерапия в работе с посттравматическим стрессом» рассказала о динамике личности в условиях посттравматического стресса и возможностях экотерапии в оказании помощи людям, переживающим посттравматический стресс.

Е. Тиханова (историк, писатель; Москва) в докладе «Путешествие с элементами перформативных искусств и теа-

трализаций» рассказала о возможности интеграции путешествий и перформанса. По мнению автора, перформанс открывает для личности дополнительные возможности самопознания и рефлексии.

Выступающим были заданы многочисленные вопросы, что показало высокий интерес к предложенным сообщениям. В дискуссиях принимали активное участие психологи-практики, а также студенты и магистранты психологического факультета Самарского университета.

В. Андропов (психиатр, психотерапевт, Самара) в докладе «Организационные аспекты психологических путешествий» проанализировал законодательные акты, регулирующие деятельность организованных групп на различных территориях. Докладчик также рассмотрел вопросы групповой динамики в условиях психологического путешествия. В частности, были затронуты вопросы власти и функциональной дифференциации членов группы.

После завершения пленарного заседания К. Богословская (психолог, руководитель отдела качественных исследований ФГУП ВГТРК «Телеканал Россия») провела круглый стол «По направлению к желаемому будущему: между горизонтальными комьюнити и классической психотерапией». Особый интерес участников конференции вызвал вопрос об этических основаниях ценообразования в психотерапии. На круглом столе также обсуждались вопросы доминирования и власти в системе отношений «психолог — клиент».

Второй день работы конференции был посвящен мастер-классам с демонстрацией техник работы в условиях психотерапевтических путешествий.

Э. Ляпина провела мастер-класс «Идя по жизни», целью которого было познакомить участников конференции с техниками и приемами работы с группой в процессе движения. Во время работы участники создавали метафоры собственных стратегий жизни, а потом с помощью ведущего определяли условия эффективности и неэффективности этих стратегий.

Мастер-класс К. Богословской познакомил участников конференции с возможностями использования природных материалов для создания индивидуальных композиций и техниками групповой работы с индивидуальными композициями.

Мастер-класс С. Березина «Поток жизни» продемонстрировал возможности работы с экзистенциальными проблемами личности с использованием природного ручья и связанным с ним фольклорным материалом.

Мастер класс А. Титенкова и Л. Ивановой «Спуск в пещеру» был посвящен демонстрации техник работы у пещеры. А. Титенков остановился на возможностях работы с эмоциональными переживаниями клиентов, связанными с опытом посещения пещеры, а Л. Иванова особое внимание уделила сценарным детерминантам значимых выборов личности.

Круглый стол «Терапия вне кабинета: актуальные вопросы развития» был посвящен обсуждению широкого круга вопросов, связанных с развитием методов внекабинетной консультативной и терапевтической работы психологов, разработкой методологии психологических путешествий, исследованию личностных, развивающих и терапевтических эффектов психологических путешествий.

Заключительный этап конференции был посвящен подведению итогов работы и обсуждению дальнейших перспектив исследований феноменологии психологических путешествий. Оригинальный способ организации работы участников на этом этапе был предложен Ю. Морозовой и В. Китаевой. Участникам с помощью средств ТДТ было предложено сформулировать и выразить опыт и впечатления связанные с работой конференции.

Подводя итоги, можно отметить, что различные психологические практики «терапии вне кабинета» требуют дальнейших исследований и систематизации. Участники конференции пришли к единому мнению о том, что феноменология психологических путешествий нуждается в междисциплинарных исследованиях. Конференция «Психотерапевтические путешествия: теория и практика» позволила создать уникальные условия для плодотворного общения и обмена опытом между представителями различных психологических направлений и школ и, по отзывам самих участников, атмосферу «настоящего интеллектуального праздника».

II

Белорусец А.С.

Сильнейшее впечатление — конференция по психотерапевтическим (название так себе, хоть я сам его и придумал) путешествиям, которая прошла в Самаре! Притом что очень многого мы не успели (и я как организатор прошу за это прощения), нам удалось почувствовать некоторые очень важные для ландшафтной аналитики как метода вещи.

Во-первых, это та самая встреча с Другим, про которую так долго говорили большевики. На конференции собрались самые разные участники, и нам удалось не только увидеть сходство в том, что мы делаем, но и уловить различия, ту самую дружость. Далеко не всегда эти различия воспринимались легко: порой их с трудом удавалось выносить. Другого хотелось объявить чужим, а то и сумасшедшим. (Тут две вставные истории: первая о том, что классическое начало ландшафтной аналитики — разговор на развалинах психбольницы о том, кто с каким «сумасшествием» сюда пришел; вторая — о том, что между Самарой и Москвой есть населенный пункт с примечательным названием Чаадаевка.) И как же здорово, что вместо такого объявления нам удалось быть друг с другом и совместно двигаться, выстраивая общий ритм!

Во-вторых, удалось почувствовать гул одновременности, пресловутое вечное настоящее. В одном пространстве звучали голоса людей разного возраста и опыта, образования и профессии. Встреча с Другим обернулась переживанием встречи с собой-другим (собой прошлым, собой будущим, собой, сделавшим другие жизненные выборы на жизненных развилках, или собой, которому пока даже не пришлось заметить эти развилки). Они звучали не последовательно, а почти одновременно (здесь мне впору снова извиниться за вялую модерацию), это было тяжело, но весьма впечатляюще и очень честно. Гул усиливало и общение на уровне не столько конвенциональных пустоватых значений, сколько пучков смыслов (как личностных, так и культурных). Неосязаемые для одного смыслы слов ранили другого

(примерно так, как, вероятно, может ранить игнорирование феминитивов совершенно нейтральное для самого их игнорирующего), но именно в этом контакте происходил акт встречи и взаимного обогащения.

К сожалению, мы не успели провести заявленные круглые столы, но их сюжеты звучали в дискуссиях обоих дней. Один из таких столов должен был быть посвящен бытию на границе. По моим ощущениям, оба эти дня мы и пробыли на границе, сумев расширить ее и превратить из бестелесной линии демаркации в обитаемое пространство интерсубъективности.

Большое спасибо всем участникам за этот опыт и это совместное движение!

ОТЧЕТЫ О КОНФЕРЕНЦИИ «Одушевленный ландшафт. Развитие человека и территории»

I

Березин С. В.

11–13 сентября 2020 года в стенах Проектного офиса и ко-ливинга *Melnica Space* состоялась 2-я Международная научно-практическая конференция «Одушевленный ландшафт. Развитие человека и территории». Организаторами конференции выступили Центр фундаментальной и консультативной персонологии НИУ ВШЭ, кафедра социальной психологии Национального исследовательского университета им. С. П. Королева (г. Самара) и АНО «Центр развития территории «ГородЗагород». Конференция продолжает и развивает тематику, начатую в 2019 году в ходе Международной научно-практической конференции «Психотерапевтические путешествия: теория и практика» (г. Самара). В фокусе работы конференции 2019 года находился метод групповой психологической работы в условиях природного и городского ландшафта — ландшафтная аналитика. В 2020 году организаторы расширили проблемное поле конференции, предложив участникам трансдисциплинарный характер обсуждения феноменов в системе «человек — ландшафт». В работе конференции приняли участие 58 человек, среди которых российские (Москва, Санкт-Петербург, Самара, Тула, Оренбург, Пермь, Владивосток и др.) и иностранные (США, Мексика, Нидерланды, Израиль, Австралия) психологи, культурологи, географы — представители университетов, исследовательских и научно-практических центров, независимые исследователи.

Основная проблематика конференции была связана со спецификой и психологическими механизмами практической психологической работы в условиях природного и городского ландшафта. Однако содержание докладов и дискуссий, конечно, оказалось значительно шире и разнообразнее.

Программа конференции включала в себя целый ряд разноплановых мероприятий: пленарное заседание, тема-

тические сессии, вечерние лекции, мастер-классы, познавательное путешествие.

На пленарном заседании обсуждались проблемы субъекта в системе отношений «человек — ландшафт» (В. А. Петровский, Центр фундаментальной и прикладной персонологии НИУ ВШЭ), соотношение понятий «культурный ландшафт» и «природный ландшафт» (В. Л. Каганский, Институт географии РАН), процессуальные аспекты формирования отношения личности к окружающей среде (Б. Б. Родоман, независимый исследователь), топология внутреннего мира «Я» (С. В. Березин, кафедра социальной психологии НИУ им. С. П. Королева, Самара), психологические практики в условиях природного ландшафта (А. С. Белорусец, Центр фундаментальной и консультативной персонологии НИУ ВШЭ).

Работа конференции структурировалась в соответствии с тематическими сессиями, тематика которых отражала междисциплинарный характер конференции и ее научно-практическую направленность.

Первое сессионное заседание было посвящено анализу понятия «культурный ландшафт», которое фиксирует упорядоченность, взаимосвязанность и закономерное единство природных и культурных компонентов (В. Л. Каганский). На сессии также обсуждалась проблема субъективизации ландшафта (И. О. Сид, антрополог, Россия).

Методология трансдисциплинарного подхода к анализу проблемы «человек — ландшафт» была в фокусе внимания сессии «Трансдисциплинарный диалог». В работе сессии рассматривались вопросы взаимодействия этнокультурных групп и вмещающих их ландшафтов (Т. И. Герасименко, ОГУ, Оренбург); стадии формирования зрелого отношения личности к окружающей среде (Б. Б. Родоман); пространство и время «Я» личности как топологическая проекция внешнего пространства и времени (С. В. Березин); сопоставление моделей развития личности в работах Л. С. Выготского и М. К. Мардашвили (А. С. Белорусец).

Работа сессии «Психология и психопрактика ландшафта» концентрировалась на возможностях разработки психотехнических приемов работы с клиентом в контексте природного и городского ландшафта. Был представлен обзор исследований

влияния визуальной среды города на психические процессы и состояния индивида и социальных групп (О.А. Капцевич, ДФУ, Владивосток), обоснована потребность горожанина в контакте с элементами природного ландшафта (К.А. Пахорукова, экопсихологическая студия «Окно в природу»), представлен анализ возможностей психотерапевтических путешествий (Ю.Н. Морозова, сертифицированный преподаватель по ТДТ, Нидерланды), рассмотрены субкультурные особенности стихийных сезонных палаточных лагерей на примере Самарской «Заволги» (А.О. Ключина, Школа телевидения, Санкт-Петербург), сформулированы условия переноса модели психологического путешествия на повседневную жизнь человека (Д.С. Исаев, клиника Топ Ихиллов, Израиль).

Сессия «Переходное пространство искусства» была посвящена анализу роли, функций и форм представленности ландшафта и пространства в искусстве: театральное пространство как результат сложного взаимодействия субъективных ландшафтов актера и зрителя (Т.А. Синицына, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва); амфитеатр как форма организации театрального пространства (Е.И. Ташкеева, МГПУ, Москва); влияние элементов ландшафта на духовное путешествие героев анонимной среднеанглийской поэмы «Жемчужина» и «Божественной комедии» Данте (Н.Д. Сафронова, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва).

Работа сессии «Жизнь в переходном пространстве» была сфокусирована на анализе различных аспектов жизни и деятельности экопоселений (Д.В. Соловьев, Российский союз экопоселений) и коливинга, как формы организации совместной деятельности и быта (О.А. Долгова, С.С. Долгов, АНО «ГородЗагород»). Значительный интерес вызвал анализ феномена «Дом творчества» в советском культурном пространстве (Г.В. Лютикова, Музей истории российской литературы им. В.И. Даля, Москва).

Ведущие и докладчики сессии «Путешествие по ландшафту тела и души» решали задачу интегративного использования техник разных психотерапевтических модальностей в контексте ландшафтной аналитики. Были рассмотрены возможности биоэнергетического анализа (А.В. Титенков, биоэнергетический терапевт, Самара), танцевально-двига-

тельной терапии (О. В. Исакова, директор «Словом и телом», Москва), иппотерапии (Е. А. Анисимова, иппотерапевт, Тула), а также особенности психологических путешествий с участием собак (Ю. В. Конопельцева, аналитический психолог, Москва).

Сессия «Выразительный и перформативный ландшафт» была посвящена обсуждению искусства как метода познания действительности. Речь шла о возможностях музыкальной реконструкции исторического ландшафта (Л. В. Молина, руководитель творческого объединения т. о. «Лига музыки», Москва), символических смыслах орнаментального хоровода, отражающих взаимосвязь ментальных особенностей этнических групп и вмещающих ландшафтов (А. В. Буренкова, ИППиП, Москва) а также о музыке как особой форме движения в символическом пространстве-времени (А. М. Айламазьян, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва).

Большой интерес участников конференции вызвал круглый стол «Феномен границы в культуре, межличностных отношениях и бытии личности» (модератор В. А. Петровский). В центре внимания участников круглого стола были феномен границы, функции границы, феноменология бытия на границе, трансцендирование как механизм и условие развития личности, личностные границы и границы в межличностных отношениях, пространство и топология границы, феномен «граница» в архаических культурах, функции границы в мифе и фольклорной сказке.

Ярким событием конференции стало «Познавательное путешествие» под руководством В. Л. Каганского. Автор метода познакомил участников с техниками работы в фокальных точках. Как отметили участники путешествия, методика, разработанная В. Л. Каганским, обладает не только познавательным, но и терапевтическим потенциалом.

Интерес участников конференции вызвали вечерние лекции «ландшафт как образ» (Свен Доннер, директор Трансперсонального института Masul, Мехико) и «Путешествие по жизненному ландшафту с 24 собаками и дочерью» (Марла Б. Бродски, ведущая образовательных программ с собаками, США).

Программа конференции включала несколько мастер-классов. Н. Г. Пашиная предложила участникам познако-

миться с методикой исследования ландшафта, ориентированной на детей младшего школьного возраста. А. В. Титенков провел мастер-класс по биоэнергетическому анализу «Восприятие и переживание телом первообразов здорового взаимодействия». А. В. Харченко и О. В. Исакова провели мастер-класс «Танец как путешествие». Мастер-класс А. М. Айламазян «Движение в пространстве музыкальных смыслов» познакомил участников с эффектами двигательного выражения музыкальных смыслов.

II

Белорусец А. С.

11–13 сентября в уютном пространстве MelnicaSpace состоялась конференция «Одушевленный ландшафт: развитие человека и территории». Как это и бывает на любом качественном интенсиве, три дня вместили гораздо больше смыслов и сюжетов, чем могли. Они накладывались друг на друга в несколько слоев, почти буквально иллюстрируя идею трансдисциплинарности и создавая контекст новой единой проблемной области, актуальной для психологов, географов, философов, специалистов в области выразительных искусств, педагогов, строителей сообществ.

Одним из организаторов конференции выступил Центр фундаментальной и консультативной персонологии НИУ ВШЭ. И действительно, конференция получилось по-настоящему персонологической в том смысле, что в ее работе почти равномерно актуализировались все четыре полюса пирамиды общей персонологии.

Несколько упрощая, можно сказать, что фундаментальный (теоретический) полюс был представлен докладами В. А. Петровского, Б. Б. Родомана, В. Л. Каганского, С. В. Березина, Т. И. Герасименко, А. С. Белорусца, С. Доннера, участвовавшего в конференции онлайн из Мексики.

Культурную (герменевтическую) персонологию представляли доклады А. М. Айламазян, Г. В. Лютиковой, Л. В. Молиной, Н. Д. Сафроновой, И. О. Сиды, Т. А. Синицыной, Е. И. Ташкеевой.

Практический полюс персонологии ярче всего читался в докладах и мастер-классах Е.А. Анисимовой, А.В. Буренковой, О.В. Исаковой, О.А. Капцевич, А.Н. Ключиной, Ю.В. Конопельцевой, Ю.Н. Морозовой, К.А. Пахоруковой, Н.Г. Пашимян, А.В. Титенкова.

Полюс же самополагания выступал на передний план в докладах М. Бродски, Д.С. Исаева, Д.В. Соловьева, О. и С. Долговых. Впрочем, честнее заметить, что каждый доклад, подобно драгоценному камню, играл всеми гранями персонологической пирамиды. Сказанное тем более верно в отношении круглого стола, посвященного феномену границы, который блестяще провел научный руководитель Центра персонологии В.А. Петровский.

Примечательно, что в докладах и мастер-классах то и дело возникали не только ожидаемые точки пересечения: представление о многослойности ландшафта, различение практики путешествий и туризма, внимание к феномену границы, но и довольно неожиданные: проблема невозможности применения к ландшафтным практикам субъект-объектной парадигмы и вообще описания ландшафта и человека в нем в терминах бинарных оппозиций, проблема неформализуемости и непрерывности (сплошности) ландшафта и ландшафтных практик, проблема диалогичности и антидиалогичности применительно к взаимодействию с ландшафтом и по его поводу.

Двадцатиминутные доклады едва ли могли вместить все, что хотелось обозначить: а это даже не столько сами ключевые сообщения, сколько подводки к ним, указания на их корни и исходный контекст. Но несмотря на это, были и содержательные пересечения, и ощущение понимания. Говоря о произошедшем на языках биосемиотики и культурной географии, можно было бы сказать, что профессиональные умельцы участников обнаружили ряд сходных локусов и начали синхронизироваться в единый культурный ландшафт.

Впрочем, для того, чтобы эта синхронизация состоялась, необходима регулярная работа профильного сообщества. Проблемное поле, намеченное на конференции будет прорабатываться в рамках ежемесячного семинара «Одушевленный ландшафт», а по следам конференции до конца года выйдет одноименный сборник работ.

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ
«Психотерапевтические путешествия:
теория и практика»
(Самара-Подгоры, 8–9 июня 2019 года)

Первый день (08.06.2019). Самара, Финская ул., д. 96		
11:00	Сергей Березин (Самара) — канд. психол. наук, доцент, заведующий кафедрой социальной психологии Самарского национального исследовательского университета, практикующий психолог (системная семейная терапия, ТА), ландшафтный аналитик.	Ландшафтная аналитика — терапия в пути
12:00	Знакомство. Короткие презентации методов работы.	
13:00	Арсений Белорусец (Москва) — психолог, аспирант НИУ ВШЭ, ландшафтный аналитик.	Символический диалог человека и мира в ландшафтной аналитике: путь от интроекции к интериоризации
13:40	Юлия Конопельцева (Москва) — студентка МААП, призер гонок на собачьих упряжках, владелец питомника сибирских хаски «Танцы Кали-Юги», ландшафтный аналитик.	Ездовые собаки в ландшафтной аналитике: опыт совместного движения
14:00	Обед	
15:20	Алексей Титенков (Самара) — психолог, телесно-ориентированный терапевт (биоэнергетический анализ А. Лоуэн), член РПО, член международной ассоциации биоэнергетического анализа.	Опыт проведения групповых биоэнергетических сессий в ландшафтной аналитике

15:40	<p>Юлия Морозова (Нидерланды) — танцевально-двигательный психотерапевт, супервизор и преподаватель. Образовательный директор профессиональной обучающей программы по ТДТ (Киев, Биософт) приглашенный преподаватель специализации по ТДТ (Москва, ИППиП). Профессиональный член Российской и Нидерландской Ассоциаций танцевально-двигательной терапии.</p>	<p>Почему движение терапевтично</p>
16:30	<p>Любовь Давыдкина (Самара) — научный сотрудник Лаборатории социально-средового проектирования «Человеческий фактор», доцент кафедры общей и социальной психологии Самарского государственного социально-педагогического университета.</p>	<p>Комфортная городская среда: факторный подход к исследованию взаимосвязи свойств среды и самочувствия человека</p>
17:15	Кофе-брейк	
17:30	<p>Ксения Пахорукова (Москва) — биолог, кризисный психолог, ведет частную практику, член Социально-экологического Союза.</p>	<p>Натуралистическая экотерапия в работе с посттравматическим стрессом</p>
18:30	<p>Елена Тиханова (Москва) — писатель, историк, участник историко-культурного проекта РАН на п-ве Ямал, а также playback-практик, перформер, автор сказок и рассказов об Арктике.</p>	<p>Путешествия с элементами перформативных искусств и театрализации</p>

19:00	Кира Богословская (Москва) — психолог, социолог, нарративный практик, арт-терапевт, садовод, участник природных intentional community, неформальный персонаж, руководитель отдела качественных исследований ФГУП ВГТРК «Телеканал Россия».	Мировой сад и Мировой лес. Природная психотерапия в пространстве-времени и ее теоретические основания. По направлению к желаемому будущему: между горизонтальными комьюнити и классической психотерапией.
19:30	Дмитрий Исаев (Израиль) — врач-психотерапевт	Ландшафтная аналитика — путешествие во времени

Второй день (09.06.2019). Самара, пристань Осипенко — с. Подгоры — Самара	
7:40	Сбор участников на пристани Осипенко (KinUP).
8:00	<p>Старт от пристани Осипенко до пристани Подгоры. Часовая прогулка по Волге. Тема групповой дискуссии «Феномен границы в культуре, в межличностных отношениях и бытии личности»:</p> <ul style="list-style-type: none"> — концепт «граница» в архаическом сознании; — функции концепта «граница» в мифе и фольклорной сказке; — феномен границы; — функции границы: разделять, соединять и определять отношения; — граница как посредник; — пространство и топография границы; — феноменология бытия на границе; — личностные границы; — граница в межличностных отношениях; — трансцендирование как механизм и условие развития личности; — препятствия к личностному росту.

	<p>Переход от пристани Подгоры до «Мирового дерева». Демонстрация работы с ландшафтными объектами «ручей», «дерево». Демонстрация техники «Разговор с растениями».</p>
	<p>Мастер-класс Ксении Пахоруковой</p>
	<p>Мастер-класс Эльвиры Ляпиной</p>
	<p>Переход от «Мирового дерева» к горе Белая. Посещение пещеры, подъем на вершину горы, спуск с горы. Демонстрация работы у пещеры, на вершине горы, у ее подножия после спуска.</p>
	<p>Мастер-класс Юлии Морозовой и Владилены Китаевой Возможности применения ТДТ-интервенций в ландшафтной аналитике</p>
	<p>Переход от горы Белая в село Подгоры. Обед. Круглый стол по вопросам, подготовленным участниками: — предпосылки возникновения и развития «терапии вне кабинета»; — что нового по сравнению с существующими методами терапии содержит идея «психологических путешествий»; — личностные, развивающие и терапевтические эффекты психологических путешествий; — роль и функции терапевта в условиях психологических путешествий.</p> <p>Список вопросов будет пополняться вашими вопросами</p>
20:00	<p>Отправление от пристани Рождествено до Самары. Круглый стол «Ландшафтная аналитика и шаманизм: зоны демаркации»: — ЛА — новая терапевтическая модальность или «интегрирующая рамка»; — шаманские практики в психотерапии; — психотерапия как культурный феномен; — функции шамана и профессиональные задачи психотерапевта; — терапия в условиях природы и «шаманство в кабинете».</p>
20:40	<p>Возвращение в Самару</p>

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ
«Одушевленный ландшафт:
развитие человека и территории»
 (Нечаевские выселки, 11-13 сентября 2020)

11 сентября | День 1

9:00–10:00	Регистрация, приветственный кофе
10:00–10:20	Открытие конференции
 	<p>СЕССИЯ 1: Что такое одушевленный ландшафт? (10:20–11:20)</p> <p>Каганский Владимир Леопольдович Культурный ландшафт как...</p> <p>Понятие «культурный ландшафт» фиксирует упорядоченность, взаимосвязанность и закономерность явлений на поверхности Земли в пространственном аспекте — прежде всего единство природных и культурных компонентов. Мир земной поверхности — сплошной многослойный ковер, а не россыпь отдельных природных и культурных объектов. В докладе перечислены главные компоненты концепта и способы его постижения.</p> <p>Сид Игорь Олегович (11:20–11:40) + общее обсуждение (11:40–12:10)</p> <p>Субъектность Ландшафта: миллион лет диалога с нами.</p> <p>С какой степенью достоверности можно утверждать — за пределами художественного и мистического дискурса, — что природный ландшафт способен к высказыванию и волеизъявлению? При каких обстоятельствах мы причисляемся к лику объектов его эксперимента и в чем заключаются последствия для обеих сторон? Каковы возможные алгоритмы перехода от односторонней коммуникации к двусторонней? «Дар ясновидения от сибирской тундры, концерт духов амазонской сельвы, волшебный пендель абиссинских гор»: нам внятны голос региона и рельефа...</p>

12:10 — 12:30	Кофе-брейк
12:30 — 14:30	СЕССИЯ 2: Общее место. Трансдисциплинарный диалог.
	<p>Герасименко Татьяна Ильинична (12:30–12:50). Этнос и ландшафт: грани взаимодействия</p> <p>Этнокультурные группы взаимодействуют и адаптируются в ландшафтах, в результате чего этнические культуры приобретают общие черты и региональную специфику. Доклад проиллюстрирован конкретными примерами.</p>
	<p>Березин Сергей Викторович (12:50–13.10) Пространство, время и «Я»</p> <p>Как индивидуальное и коллективное восприятия пространства и времени зависят от самого пространства, как изменения восприятия индивидом внешнего пространства могут быть средством изменений внутреннего пространства его «Я», а также роль ландшафтных объектов в процессах моделирования пространственных отношений?</p>
	<p>Родоман Борис Борисович (13:30–13.50) Ландшафт и личность: от присвоения к отдаче</p> <p>В докладе рассматриваются стадии отношения личности к окружающей среде на примере сферы досуга (рекреация, туризм). Психологическое пространство изображено на чертеже (картоиде) в виде кольцевого пруда, по которому человек движется в лодке, удаляясь от острова «Его» и приближаясь к внешнему берегу «Alter».</p>
	<p>Белорусец Арсений Сергеевич (13.50:14:10) + общее обсуждение (14.10–14.30) Траектория развития личности в работах Л. С. Выготского и М. К. Мамардашвили</p> <p>Доклад посвящен сопоставлению моделей развития личности, реконструированных по материалам текстов и рисунков упомянутых авторов.</p>

14:30 — 15:30	Обед
	<p>Познавательное путешествие с Владимиром Леопольдовичем Каганским (15:30–20:00)</p> <p>Полевой маршрут (все девайсы отключены) — 4–6 км, неспешное пешее прохождение с выделением фокальных мест. В каждом таком месте — краткий обмен мнениями: предъявление любых оснований фиксации именно этого места, в том числе молчаливыми жестами.</p>
20:00–21:00	Ужин
	<p>Свен Доннер (21.00–22:00) Ландшафт как образ</p> <p>Первым шагом, необходимым для обнаружения невидимых аспектов конкретного ландшафта, является распознавание его как образа. Именно общие образы создают основу для синхронистичности — телесного, эмоционального, ментального и интуитивного переживания принадлежности, — оформляют и делают видимой общую для людей и для местности тему.</p>

12 сентября | День 2

9:00–10:00	Завтрак
10:00–10:20	Сны в ландшафте Melnica Space
10:20–13:00	СЕССИЯ 3: Психология и психопрактика ландшафта
	<p>Капцевич Ольга Александровна (10.20:10:40)</p> <p>Психологические эффекты визуального восприятия городской и природной среды</p> <p>Доклад посвящен обзору исследований о влиянии визуальной среды города (в сравнении с природой) на психологические особенности человека.</p>

	<p>Пахорукова Ксения Александровна (10:40–11:00) + обсуждение 10 минут Зачем горожанину связь с природой</p> <p>Зачем нам связь с природой, когда в городе сконцентрированы все удобства? Отчего в городе, где все это есть, так много людей, страдающих от психологического дискомфорта, и почему людям хочется иногда сбежать из города на природу?</p>
	<p>Клюшина Анастасия (11:10–11:30) Жизнь на берегу как терапия общим природным пространством</p> <p>Разговор с участниками конференции о возможностях и интересных психотерапевтических условиях обустройства летнего палаточного лагеря.</p>
	<p>Морозова Юлия Николаевна (11:30–11:50)</p> <p>Практика психотерапевтических путешествий сквозь призму Больших Историй</p> <p>Мы посмотрим на психотерапевтические путешествия сквозь призму больших культурных сюжетов, уделив особое внимание тому, как окружающий природный и урбанистический ландшафт может фасилитировать внутренние процессы изменений.</p>
	<p>Исаев Дмитрий Станиславович (12:10–12:30) + 30 минут обсуждение</p> <p>Тотальная аналитика. Повседневная жизнь в режиме ландшафтного анализа</p> <p>Доклад о принципах жизни в ландшафтном путешествии и о том, как пандемия, изоляция и экономический кризис могут стать возможностью и стимулом перехода к бытию по принципу «тотальной аналитики».</p>
<p>13:00–13:10</p>	<p>Кофе-брейк</p>

	<p>МАСТЕР-КЛАСС (13:10–14:30)</p> <p>Пашинян Нелли Григорьевна</p> <p>В Ось питание</p> <p>Участникам предлагается окунуться в мир ландшафта через маленький комочек земли.</p>
<p>14:30–15:30</p>	<p>Обед</p>
<p>15:30– 17:10</p>	<p>СЕССИЯ 4: Переходное пространство искусства</p>
	<p>Синицына Тамара Андреевна (15.30:15:50)</p> <p>Живые ландшафты и навигаторы театрального действия</p> <p>Театральное пространство рождается в переплетении субъективных ландшафтов актера и зрителя. Доклад посвящен навигации по этим ландшафтам.</p>
	<p>Ташкеева Екатерина Игоревна (15.50:16:10)</p> <p>Амфитеатр под открытым небом: пространство обретения души</p> <p>Какой посыл несет в себе пространство амфитеатра? Какое предназначение заключено в самой его форме? И почему оно иногда искажается, выворачивается наизнанку?</p>
	<p>Сафронова Наталия Дмитриевна (16.10:16:30) + 30 минут обсуждение</p> <p>Ландшафт духовного путешествия: среднеанглийская поэма Жемчужина и Божественная комедия Данте.</p> <p>В докладе на примере анонимной среднеанглийской поэмы «Жемчужина» и «Божественной комедии» Данте будет показано, как детали ландшафтов в средневековых поэмах оттеняют и направляют духовное путешествие.</p>
<p>17.00–17.10</p>	<p>Брейк</p>

<p>17:10–18:40</p>	<p>СЕССИЯ 5: Жизнь в переходном пространстве</p>
	<p>Соловьев Дмитрий Вячеславович (17:10–17:30)</p> <p>Символические и природные пространства экопоселений</p> <p>Доклад рассматривает практики, тенденции развития и перспективы российских и европейских экопоселений.</p>
	<p>Лютикова Галина Владимировна (17:30–17:50)</p> <p>Феномен «Дом творчества» в советском культурном ландшафте.</p> <p>Так называемые дома творчества, характерные для культурного ландшафта СССР в основном в российской провинции и Крыму — уже достойные истории. И не случайно.</p>
	<p>Долговы Ольга и Сергей (17:50:18:10) + 30 мин обсуждение</p> <p>Опыт трансформации личности с помощью переезда из большого города и жизни в коливинге.</p> <p>От первого лица расскажем о возможностях и рисках коливинга и трансформациях, которые происходят с его жителями.</p>
<p>18:40–18:50 Кофе-брейк</p>	
	<p>КРУГЛЫЙ СТОЛ: Феномен границы в культуре, в межличностных отношениях и бытии личности</p> <p>Модератор: Петровский Вадим Артурович 18:50–20:00</p>
<p>20:00–21:00 Ужин</p>	

	<p>Марла Б.Бродски (21:00–22:00) Путешествие по жизненному ландшафту с 24 собаками и дочерью</p> <p>Вот уже 10 лет, как мы живем на хуторе вдали от цивилизации. Я расскажу о нашем со-развитии на протяжении этих лет и о той первичной «пуповинной связи», которая возникла между нами, местом, где мы живем, и нашими собаками.</p>
<p>13 сентября День 3</p>	
	<p>Титенков Алексей Васильевич (8:00–9:00) Зарядка. Восприятие и переживание телом первообразов здорового взаимодействия</p>
<p>9:00–10:00 Завтрак</p>	
<p>10:00–11:50 СЕССИЯ 6: Путешествия по ландшафту тела и души</p>	
	<p>Титенков Алексей Васильевич (10:00:10:20) Ландшафтная аналитика глазами биоэнергетического терапевта</p> <p>Доклад посвящен практике совместного использования инструментов двух методов — ландшафтной аналитики и биоэнергетического анализа в диагностических и коррекционных целях.</p>
	<p>Исакова Оксана Владимировна (10:20–10:40) Ландшафтный анализ, анализ движения, танец: точки и перспективы пересечения</p> <p>В докладе речь идет о возможностях анализа движений участников психологических путешествий</p>

	<p>Анисимова Елена Алексеевна (10:40–11:00)</p> <p>Лошадь как проводник к себе настоящему Как сессия с участием лошади помогает человеку осознать, как его чувства и эмоции напрямую влияют на окружающих и как данный опыт переживания момента «здесь и сейчас» влияет на качество жизни?</p>
	<p>Конопельцева Юлия Владимировна (11:00–11:20) + обсуждение 30 минут Путешествие с собакой по ландшафту души</p> <p>В докладе речь идет о том, как путешествия с собаками позволяют не только разглядеть ландшафт собственной души, но и прогуляться по нему с надежным проводником, у которого тоже есть душа.</p>
<p>11:50–12:00 Кофе-брейк</p>	
 	<p>Харченко Анна Викторовна, Исакова Оксана Владимировна (12:00–13:20)</p> <p>МАСТЕР-КЛАСС: Танец как путешествие</p> <p>Мастер-класс направлен на смещение фокуса с привычных форм работы с образами на проживание опыта телесно и двигателью.</p>
<p>13:20–13:30 Кофе-брейк</p>	
<p>13:30–17:00</p>	<p>СЕССИЯ 7: Выразительный и перформативный ландшафт</p>

	<p>Молина Любовь Владимировна (13:30–13:50) Музыкальная реконструкция исторического ландшафта</p> <p>Главная изучаемая проблема — выявление возможностей музыкального искусства в реконструкции исторического ландшафта в условиях культурного и природного окружения, возрождающего память и «дух места», связанных с соответствующими событиями культурно-исторической значимости.</p>
	<p>Буренкова Алена Валентиновна (13:50–14:10)</p> <p>Орнаментальный хоровод и узоры ландшафта земли: одушевленная встреча.</p> <p>Я познакомлю слушателей с символическим смыслом орнаментального хоровода, с его структурой и хореографией, которая связана с основами мироздания и миропонимания и отражает ландшафт земли, где живет народ.</p>
	<p>Айламазьян Аида Меликовна (14:10–14:30) + обсуждение 30 минут</p> <p>Движение в пространстве музыкальных смыслов.</p> <p>Выразить музыку движением или прожить музыку через движение — опыт, как раскрывающий перед человеком смыслы музыкального произведения, так и позволяющий заглянуть в глубину собственного «я». Музыка переживает при этом как движение, протекающее в особом символическом пространстве и времени.</p>
<p>15:00–15:40</p>	<p>Обед</p>
	<p>Айламазьян Аида Меликовна (15:40–17:00)</p> <p>МАСТЕР-КЛАСС: Движение в пространстве музыкальных смыслов</p> <p>Для участия желательна свободная, удобная для движения одежда, а также мягкая нескользящая обувь (можно заниматься босиком).</p>
<p>17:00–17:30</p>	<p>Закрытие конференции</p>

ABSTRACTS

Berezin S. V.

Spatio-Temporal Approach to the Self

Abstract: The article argues for the spatial and temporal dimensions of the self. Accordingly, it presumes that the inner space of the self is constructed by mechanisms of the sensory-motor space modeling. The author considers the role of landscape elements in modelling spatial relationships and cultural aspects of individual and collective spatial apprehension. The article establishes a framework for the psychological practice integrated in the natural landscape and discusses the phenomenon of the landscape subjectification.

Keywords: spatio-temporal approach to the self; spatial modeling; landscape objects; landscape subjectification/subjectivation; actualization through landscape

About the author: Sergey Berezin holds a PhD in psychology; he is the Head of the academic department of Social Psychology at Samara National Research University; together with D.S. Isaev, he is an author of the «landscape analytics» method of psychological therapy. e-mail: serg-berezin@yandex.ru.

Kagansky V.L.

An Essay on Phenomenology of the Cultural Landscape

Annotation: Representation of the (cultural) landscape as a phenomenon in line with the phenomenologically and semiotically enriched Russian school of theoretical geography by V.P. Semenov-Tyan-Shansky — B.B. Rodoman. The concept of «cultural landscape» captures the orderliness, interconnectedness and regularity of phenomena on the Earth's surface in the spatial aspect, the unity of natural and cultural components. The world of the earth's surface is a continuous multi-layer carpet, not a scattering of individual objects. The cultural landscape is formed on a natural basis, but cannot be reduced to its anthropogenic transformation; has autonomous patterns. Landscape — a three-dimensional multicomponent complex

of the Earth's surface on a natural basis, mapped, zoned and traveled; unity of bodies, forms, functions and meanings.

Key words: geographer, dialogue of places, landscape, wayfaring, meaning, continuous spatial environment, umwelt.

About the author: Vladimir Kagansky, Ph.D, senior researcher in Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow. Theoretical geography and classification theory; landscape and culture of Northern Eurasia. e-mail: kaganskyw@mail.ru

Kaptsevich O.A.

Natural and Urban Visual Environment

Annotation: Issues of environmental impact on humans, especially on their psyche, are becoming more and more relevant in the context of ongoing urbanization. To date, many environmental factors are known that can have a significant impact on mental processes, states and properties of people. One of these factors is visual characteristics of environment. Although influence of this factor on psyche remains a rather unobvious fact, there is growing number of studies showing that visual perception of natural and built urban environment can cause different psychological effects. Present review focuses on what is known today about the influence of natural and built visual environment on psychological characteristics of the individual.

Keywords: environmental psychology, natural visual environment, urban visual environment.

About the author: Olga A. Kaptsevich, PhD in Psychology, Senior Lecturer, Department of Psychology and Education, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation. e-mail: kaptsevich.oa@dvvfu.ru

Belorusets A.S.

Symbolic Dialogue of a Man and the World in Landscape Analytics: a Way from Introjection to Interiorization

Annotation: The article suggests a model of poiesis and development of the Self as a passage from introjection (or impression) to interiorization (as building up an inner equivalent

to significant relationship that have emerged in the impression). This way leads not only to the destination point of personal growth but has a number of bifurcation points and blind alleys such as ego defence mechanisms and coping strategies, solving the problems pragmatically, magical thinking. By-road of self-archeology is regarded as one with partial developmental effect. On the contrary the holistic development and poiesis of the Self takes place in a form of symbolic dialogue with the world and systematic process of self-accomodation to it, building up the image of the world including perceiving affordances suggested by the environment. The model is illustrated by the example of the Landscape Analytics that is regarded as a systematic practice of arranging the participants symbolic dialogue with the world.

Keywords: introjection, interiorization, autopoiesis of the Self, symbolic mediation, world image, affordance, self-archeology, Landscape Analytics, ecological psychology.

About the author: Beloruset's Arseny Sergeevich — National Research University Higher School of Economics. Postgraduate student. E-mail: arsenny@mail.ru

Rodoman B.B.

Landscape and Personality: from Collecting to Sharing

Annotation: The stages of personal attitudes towards environment are regarded using the example of leisure activity (recreation, tourism). 1. Collecting of things; 2. Adoption/collecting of data media; 3. Experiencing events; 4) Sharing information; 5) Sharing things; 6) co-experiencing new cycle with younger one. Psychological space is shown on the plan (chartoid) as a o-shaped pond. A man is sailing a boat from the island of Ego to the shore of Alter.

Keywords: collecting, sharing, co-experiencing, stages, crisis.

About the author: Boris Rodoman, DSc (Geography), E-mail: bbrodrom@mail.ru

Landscape Analytics with Dogs as a Window into the World of Active Imagination

Annotation: The article discusses the similarity and difference between the method of active imagination by C. G. Jung and Landscape Analytics — psychotherapeutic travels with dogs. The author considers both methods based on the four stages of active imagination identified by Maria Luisa von Franz. The author also shows how communication with real dogs in the framework of Landscape Analytics can become a door to the world of active imagination.

Keywords: active imagination, the unconscious, inner dialogue, the instinct, individuation.

About the author: Yulia Konopeltseva — analytical psychologist, fairytale therapist, animal therapist, dog musher and owner of the sledge dogs kennel. e-mail: yuliakonop@gmail.com

Anisimova E.A.

Equine Assisted Therapy. Horses as a Guide to Yourself

Annotation: Nowadays humanity is looking for a balance between the active development of technology, improving the quality of life, conscious consumption and living life. There are still many natural examples of conscious animal behaviour in the world, such as horses. Like humans, horses are social animals focused on making connections with others. Since horses are supersensitive animals, they give instant feedback on the psycho-emotional state of the person nearby. Thus, the exercises with horses guided by a specialist help to understand how feelings and emotions directly affect others and how this experience of «being here and now» affects the quality of life.

Keywords: Equine Assisted Therapy, ecopsychology, psychotherapy with animals.

About the author: Anisimova Elena — horse therapy specialist, member of the National Federation of Hippotherapy and Adaptive Equestrian Sports, psychologist and MAC-consultant, founder of the Happy Therapy Equine Assisted Therapy Centre, Moscow, Russia, info@happyterapia.ru

Starukhina A.E.

Strategies of Choosing the Partner Under Uncertainty by an Example of Visiting the Cave

Annotation: Strategies of choosing the partner that were demonstrated by the participants of psychotherapeutic project «Trip for sense» are studied as a case. The author discovers the determinants of participants' choices analyzing specific behavioral patterns. All of them are considered as adaptive.

Keywords: outdoors psychotherapy, therapeutic journey, behavioral patterns, choosing the partner

About the author: Anna Starukhina, psychologist, Samara .
e-mail: arumita@yandex.ru

Andropov V.S.

Organizing Psychotherapeutic Journeys, Choosing and Composing the Route

Annotation: Design and organization of psychotherapeutic journeys are discussed. The author shares his experience in a small number of these.

Vladislav Andropov — psychiatrist, expert in narcology, psychotherapist. A member of Samara subbranch of Russian Geographic Society.

Aylamazyan A.M.

Musical and Plastic Improvisation as Movement Through Space of Music Meanings

Annotation: the article is dedicated to the problem of expressive movement, its semantics and psychological set up. Musical and plastic improvisation is presented as a model for generation of expressive movement. It's shown that the semantic content of gesture is linked to its vector in the psychological space. In return, the actual psychological space is searched in the unity of the physical environment of a human being and the symbolic space of artistic reality. The culturally and historically conditioned ways of solving the problem of symbolic meaning of the surrounding area and the generation of the psychological space of theater play are emphasized in the work.

Keywords: psychological space, symbolic reality, artistic reality, expressive movement, gesture, theater space, plastic dance.

About the author: Aida Aylamazyan, PhD in psychology; Senior Researcher, Faculty of Psychology, M.V. Lomonosov Moscow State University; Research fellow, School of the Future Anthropology ION RANEPА; Director of «Heptachor» Center for Musical and Plastic Development, named after S.D. Rudneva; Art director of the festival of musical movement and plastic dance «Terpsichore in Taurida».

Moscow, Russia

aida@heptachor.ru

Tashkeeva E.I.

Open-air Amphitheater: the Space of Finding the Soul

Annotation: The amphitheater is perceived as an architectural image of the world: the big world, space, and the small world — in which we live and which we create. Today, street amphitheatres, attracting people, are sometimes filled with very different lives: you can both face the manifestations of the barbarism of our days, and experience spiritual liberation and renewal thanks to the events going on the stage. The voice of each amphitheater — as a living creature — is drowned out by the hubbub of time, then it becomes audible: it begins to sound in musical-plastic or dramatic actions that transform reality, uniting the participants. And, I think, when the amphitheater comes to life in the true sense of the word, a window of real culture opens for us, where a meeting with the Other and with oneself is possible.

Key words: ancient culture, Greek theater, catharsis, theatrical performance, genius of the place, dialogue, synthesis of arts.

About the author: Ekaterina Tashkeeva, educator-psychologist at the Center for Pedagogical Skills; teacher at Kids' choreographic school «Fuede»; dancer at the studio of musical movement and improvisation «Heptachor» (art director A. Ailamazyan); student of the master's program at Moscow City University «Art Psychology and Arts Therapy in Education». Moscow, Russia.
kaira_t@mail.ru

The Musical Reconstruction of the Historical Landscape

Annotation: This essay is the result of comprehending practical experience in preparing and carrying out a musical cultural and educational project in a museum space. The study helps to identify the possibilities of musical art in the reconstruction of the historical landscape in a cultural and natural environment that revives the memory and «spirit of the place» associated with the relevant events of cultural and historical significance. Through the project «Musical Journey Through the Pages of the Opera by N. Rimsky-Korsakov's «The Tsar's Bride» in the State Historical, Architectural and Art Museum-Reserve «Aleksandrovsкая Sloboda», musicians were immersed into the search for cultural and semantic aspects in a musical theatrical production that actualizes the main meaning and historical content of these events. The article reveals the influence of the historical landscape on director's decisions, the nature of musical performance, scenography and other components of theatrical and musical production, as well as its influence on the perception of this historical object and emerging of the historical consciousness of the audience of viewers and listeners, their musical needs and interests.

Keywords: music, travel, culture, opera, museum space

About the author: Lyubov' Molina, postgraduate student at the Faculty of Arts, Russian state social University in Moscow;

Soloist at The Moskontsert and The Galina Vishnevskaya Opera Centre;

Head of the creative association «League of music».

e-mail: post@lmusic.pro

Sinityna T.A.

Live Landscapes and Navigators of Theatrical Performance. Actor's Notes.

Annotation: Why is theatrical space the most advanced art, in many ways inferior to cinema and modern media technologies? The interdisciplinary discourse of the «Inspired Landscape» Conference will help answer this question, within which I will try the inner space of theatrical performance as a complex landscape consisting of external

and components, the interweaving of many subjective layers of the actor and the viewer.

This unified landscape becomes a field of live interaction and communication between many subjects-participants. The so-called «life» on the stage is sought after by many theater schools, and is also felt by the audience (everyone can share their experience when the performance was especially «lively»). But this concept is not conceptualized, it is only mentioned in different variations of everyday language, or changing theatrical terminology. I will rely on the quantum-synergetic anthropology of V.G. Budanov, post-non-classical philosophy and scientific and philosophical studies of A. Bergson to explain the reason for this «life» or «animation» of theatrical landscapes. I will try to figure out under what conditions various theatrical spaces form a single organic landscape of theatrical performance, as well as how navigation through them is possible.

Keywords: Anthropology, acting, direction, theatrical performance, life impulse, generalized corporeality, quantum-synergetic anthropology

About the author: Tamara A. Sinitsyna, graduate student of the direction of preparation 09.00.13 «Philosophical anthropology, philosophy of culture», department of philosophical anthropology, philosophical faculty, Moscow State University, Moscow, Russian Federation. e-mail: famari.more@gmail.com

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ¹

Ландшафтные аналитики имеют дело с особой реальностью. В чем особенность? Это — до-знаковая и вне-знаковая реальность, которую наш ум и наше сердце пытаются наполнить смыслами, превращая ее во что-то узнаваемое, понимаемое, культурное. Нам кажется, что нас ждут. «Привлечь к себе любовь пространства, услышать будущего зов». Но не иллюзия ли это? Может быть, никто не ждет? Однако мы упорны в своей человеческой миссии очеловечивания. Не важно, это естественное или искусственное нечто, оно все равно, как правило, прочитывается нами на человеческом языке, как если бы это естественное или искусственное само обладало речью. Его собственное происхождение здесь не играет роли. «О чем говорит дуб?» — вопрошает Хайдеггер. И говорит нам, о чем говорит дуб (как если бы он подслушал). А что такое «Великая китайская стена»? Курт Воннегут отвечает словами одного из героев «Сирены Титана»: это послание нам с далеких звезд. Расшифровывайте!

Но природа — нечто другое, чем наша речь. Вот Тютчев: «Природа — сфинкс. И тем она верней Своим искусом губит человека, Что, может статься, никакой от века Загадки нет и не было у ней». Загадки вроде бы нет, но губит, потому что мы сами — это понятно! — проецируем в нее свои загадки.

А самое загадочное — то, что происходит между строк, между слов, между междо-метий, — то, что еще никем и ничем не помечено: когда «нет слов», когда нужные слова еще не родились.

¹ Этот текст одинаково актуален и как открывающий конференцию «Одушевленный ландшафт», и как закрывающий одноименный сборник. (прим. ред).

Да, я хочу повторить: именно между строк, между ассоциациями, в актах становления мысли в слове, в этих точках внезапности переходов — самое главное, сопродное, бессловесное, тайное. И в этом, возможно, глубинная общность между плеском волны и всплесками мысли: ведь ни то ни другое не служит чему-то предзаданному, не обслуживает чьи-то намерения, в том числе наши, не потакает имеющемуся интересу. Разве не в этом личностный смысл того, что происходит? Ведь это не просто «значение для меня», как понимают смысл некоторые, но переживаемая динамика меня самого, моего «Я» в контакте с чем-то. Вспышка молнии и гром небесный порождают движение во мне, мое «Я» при этом затронуто, что, на мой взгляд, и есть личностный смысл происходящего.

В условиях ландшафтной аналитики мы не столько познаем природу, сколько узнаем в себе то, что находим в природе или она производит в нас. Мы, конечно, временами отражаем природу, но это не обязательно значит, что мы подражаем ей.

Быть может, прежде губ уже родился шепот
И в бездревесности кружились листья,
И те, кому мы посвящаем опыт,
До опыта приобрели черты.

(О. Мандельштам)

Да, речь идет о том, что мы именно посвящаем опыт, а не просто выводим опыт жизни из созерцания или понимания природы. Что-то в нас с природой совпадает и так...

Так вот, давайте примем, что даже тогда, когда при этом вспоминаем что-то, то это не просто повтор чего-то, — это порождение нового, того, что рифмуется с природой. Здесь то, что условно может быть названо слиянием. Жаль только, что «правильных» слов для обозначения этого «общения», как производства общего с природой, — что таких слов еще нет, если, конечно, иметь в виду науку, а не поэзию. А может быть, такие слова и невозможны в силу несводимости природного к знаковому и символическому? Ведь слова должны схватывать суть «объекта», а здесь как?

Как-то, вы знаете, одной ученой даме я жаловался: не могу найти слова для обозначения того, что происходит в глубоком контакте с природой, когда мы, например, входим в океанскую волну, — как это назвать? «Предметной деятельностью» не назовешь, «самопостижением», «когито» — тоже нет, «общением» как коммуникацией — тоже с натяжкой. Говорят, у японцев есть хорошее слово... Дама покраснела и сказала: «...Соитие».

А что? Хорошее слово!

Игорь Сид

ОДУШЕВЛЕННЫЙ ЛАНДШАФТ: ПРОЛЕГОМЕНЫ К ФИТОСОФИИ

...Говорили эти холмы и камни, но они не видели ни меня, ни проходивших здесь в течение тысяч лет кочевников и воинов, чьи движущиеся тени были такими же призрачными и случайными в гаснущем вечернем свете, как и я. Стоический монолог адресовался ни к кому, как вой ветра, как шорох радиопомех, как песня-мычание человека, закопанного по шею в песках...

Jacaranda

Help me out tomorrow¹

1.

В одной из работ Василия Налимова² [Налимов 1993] вкратце описывается тысячелетняя жизнь типичной морской бухты. Ландшафт этой бухты под воздействием стихий — ветровой эрозии, постоянного притока волн, приливов и отливов — постоянно меняется. Меняются в течение сотен и тысяч лет, в каком-то непонятном нам таинственном ритме, очертания этой бухты. За всем этим можно усмотреть какие-то простые, примитивные

¹ «Жакаранда / Помогите мне завтра»: начало текста песни «Гm running» рок-группы Yes (текст и вокал Джона Андерсона; альбом «Big Generator», 1987). Жакаранда — род вечнозелёных растений семейства Бигнониевых. В культуре распространена жакаранда мимозолистная (*Jacaranda mimosifolia*) — субтропическое дерево из Южной Америки, известное длительным и роскошным цветением крупных, до 5 см длиной, синих цветов.

² Василий Васильевич Налимов (1910–1997) — математик и философ, создатель ряда новых научных направлений: вероятностно-ориентированной философии, химической кибернетики, математической теории эксперимента, наукометрии и др.

элементы субъектности, рефлексии, волеизъявления. «Как выстроить себя?» — вопрос, который непрестанно решает эта бухта, — нечто несводимое ни к части океана, ни к части прибрежного ландшафта.

«Такова уж био жизнь», как писал поэт Виктор Коваль¹.

2.

Геопозитическому тексту, фрагмент которого оказался здесь чем-то вроде эпиграфа, недавно исполнилось двадцать лет [Сид 2002]². Задолго до каких-либо возможных догадок и попыток научного анализа, на уровне базовых, почти зоологических эмоций когда-то пришла уверенность: пейзаж может быть посланием. Фрагмент начинался так:

Маленькой компанией мы шли на закате холмистой степью к северному побережью Керченского полуострова, к заливу у села Мама Русская. Простор был теплым и ласковым, о дневном зное как бы не помнилось, море еще не показалось вдалеке. И мною постепенно овладело почти мистическое — нет, не чувство, а ощущение, физиологическое ощущение единства с геологическим пространством вокруг. Во мне всё отчетливее звучал некий древний голос, зов — не зов, какая-то длинная, ВЕЧНАЯ монотонная фраза не из слов, а, может быть, из биотоков...

Таким образом, автор недвусмысленно утверждает, что получил некий месседж от ландшафта. Сам месседж и его содержание остались как бы за скобками, была просто проба вербализации ощущений, которые посетили автора при путешествии через определенный ландшафт. Говоря современным языком, автора отчего-то заинтересовали в первую очередь не данные месседжа, а его метаданные.

К особой роли метаданных в сигналах от ландшафта мы еще вернемся.

¹ Виктор Коваль (1947–2021) — русский поэт, прозаик, художник, актер кино.

² Текст написан в 2000 году по заказу альманаха «ОстровКрым», но был опубликован позже, в 2002 году в журнале «Крым».

3.

Итак, биографический факт гласит, что ландшафт, воспринимаемый в повседневной жизни как скромное обстоятельство места, способен в каких-то иных контекстах — например, в путешествии — превращаться в подлежащее или даже в сказуемое. Нам остается это предложение, эту фразу не из слов услышать и разобрать.

4.

С той нехитрой мыслью, что, исследуя мир (или любой объект в нем), человек исследует в конечном счете, если не исключительно, самого себя, спорить — дело неблагодарное. Если мысль эта хотя бы отчасти справедлива, то, даже пытаясь ее опровергнуть, мы максимально приблизимся к идеалу самопознания. Если она неверна, то дуга саморефлексии полуавтоматически разгибается вовне, и то, что ты считал тобой, на самом деле оказывается «остальным миром». В итоге этот окружающий тебя (или включающий тебя при необходимости) мир опять же упрямо и неизбежно познаёт самоё себя.

В лингвистическом плане сие означает, что рождающиеся в языке новые термины и понятия, говорящие о любом новом явлении в любой сфере и на любом уровне реальности, сообщают нам нечто новое прежде всего о нас самих. Поэтому в процессе работы над Словарем культуры XXI века¹, включающем в себя лексемы из самых разных (и зачастую очевидно далеких от антропологии) сфер жизни, дуга рефлексии полуавтоматически согнулась на самоё себя, и инициаторами проекта была основана при философском факультете МГУ Лаборатория по изучению человека и культуры XXI века.

Таким образом, изучаем ли мы окружающий мир или самих себя, так или иначе первым подспорьем в работе могут стать для нас наиболее значимые неологизмы.

¹ Международный научно-популярный и просветительский проект, представляющий и интерпретирующий новейшую мировую лексику, первая книга в рамках которого вышла в Индии в 2020 году. Составитель — И. Сид; научный редактор — Вадим Руднев; члены редколлегии — Анна Бражкина (Россия), Сарали Гинцбург (Испания), Игорь Сатановский (США).

5.

Продуктивный случай «вопроса, содержащего в себе ответ». Сформулированная в виде артистически-легкомысленного, казалось бы, оксюморона (Одушевленный ландшафт) концепция диалогического проекта, в который автор был приглашен, оказалась ключом сразу к нескольким разрозненным наблюдениям и вопросам, подспудно тревожившим его последние годы.

В числе этих проблемных пунктов и были некоторые из неологизмов, собранных в ходе коллективной работы над Словарем культуры XXI века, такие как польдермодель, синрин-ёку, фитософия и др. И до этого момента не хватало именно подобной «точки зрения», некоего *belvedere*, откуда можно было бы увидеть одновременно все пункты и усмотреть в них некую общность.

«Одушевленность ландшафта», даже если это чистая метафора, — в любом случае метафора его субъектности. И в любом случае метафора подразумевает возможность в том или ином формате коммуникации с этим субъектом.

6.

Среди неологизмов, предложенных для Словаря-21 из Нидерландов, серьезным глобальным потенциалом, по мнению редакции, обладает понятие *poldermodel* [Энт 2020]. Лексема, возникшая около 1990 года, обозначает алгоритм достижения консенсуса между разными группами или слоями общества не путем конфликта, — то есть революционного по сути разрыва социальной ткани и сшивания ее по новой схеме, — а путем регулярных переговоров. То есть — максимального доверия к эластичности этой ткани.

Морфема «польдер» — старинный термин. Он обозначает особый фрагмент ландшафта: земли, которые человек для своего обитания и хозяйствования отвоевал у водной стихии. Отвоевал путем постройки дамб или иных гидротехнических сооружений и ценой огромных усилий. (Значительная часть территории Нидерландов, как мы помним, бывшая акватория океана.) Польдер, с одной стороны, создание человеческого гения, но с другой и в итоге — это всё такая же, хотя и по-новому, неотъемлемая часть ландшафта.

Практика создания польдеров существует сотни лет и неизменно требует консолидации общества, поиска консенсуса между всеми его частями, между разными этнокультурными и тем более социальными группами. Море одновременно справедливо, коварно и жестоко. И, самоопределяясь по Налимову, наступая на сушу, чтобы отвоевать у людей обратно свое, оно вечно учит людей согласию, обучает поиску компромиссных и максимально плавных решений. Мир между людьми поддерживается за счет того, что идет постоянная война с морем.

Однако, как известно, война — это прежде всего коммуникация, примитивный способ общения. Значит, воинственно коммуницируя с людьми, море, то есть ландшафт, тем самым шлет им постоянный месседж: «Миритесь!»

Значит, польдермодель — это запись послания, полученного нами от ландшафта, но уже без указания, как бы за ненадобностью, его источника?

7.

«Одушевленный ландшафт» в прямом смысле — это, конечно же, флора. Здесь можно бы говорить о способности флоры формировать ландшафт (а особенно — пейзаж, то есть наше художественное видение ландшафта), но на этом поприще у нее слишком много конкурентов: вулканизм, тектоника, гидро- и ветровая эрозия; наконец, в последние тысячелетия — человек. Гораздо важнее тот факт, что растительность является самой изменчивой и, судя по ее адаптивности, наиболее рефлектирующей частью любого ландшафта.

Другими словами, растения — это душа ландшафта. Близкий по смыслу тезис в вопросительном наклонении — «Обладают ли растения сознанием?» — является предметом давнего научного спора. Еще Дарвин в своей работе 1880 года «Сила движения в растениях» [Darwin 1880] высказывал предположение, что кончики корней растений по своим функциям аналогичны мозгу низших животных. Кульминацией в полуторастолетней дискуссии, пожалуй, стала заостренно-полемическая книга Питера Томпкинса и Кристофера Берда «Тайная жизнь растений» [Tompkins 1973]. В книге, в частности, обсуждались опыты криминалиста ЦРУ

Клива Бакстера с полиграфом, приведшие его к созданию «теории первичной перцепции» о способности растений к болевому и экстрасенсорному восприятию, и критиковался консерватизм ботаников, отринувших эту теорию и вообще упорно игнорирующих духовную сторону жизни флоры.

Детектор лжи, примененный цэрэушником к растительным организмам, — сюжет, уже сам по себе заставляющий задуматься...

В конечном счете исследования в этих направлениях привели к созданию новой естественно-научной дисциплины — нейробиологии растений [Brenner 2006], утверждающей, что растения все же являются автономными, чувствующими существами, способными к сложному адаптивному поведению. Австралийский профессор эволюционной экологии Моника Гальяно [Gagliano 2017] на примере мимозы стыдливой и посевного гороха доказала, что растения способны к обучению (физиологический механизм которого, однако, пока неизвестен).

В течение последних десятилетий был моден спор о влиянии музыки различных жанров, особенно классической, на рост деревьев и овощей. Хотя труды моих прагматичных знакомых на приусадебных участках триумфально таковое влияние подтвердили, большинство ученых, основываясь на собственных опытах, его упорно отрицают. Впрочем, та же Гальяно недавно подтвердила наличие у растений по меньшей мере слуха: журчание воды и жужжание насекомых некоторые представители флоры однозначно слышат. При звуках чавканья жрущих гусениц, например, кресс-салат вырабатывает в себе больше токсинов, нежели при звуках вибрации ветра [Zaraska 2017].

Такова реальность, какой бы фантастической она ни выглядела, — и как бы ни взрывала изнутри набор стереотипов о ботанике. (Помимо «науки о чем-то живом, но косном, лишенном собственного смысла», подразумевается и международное понятие «растительный образ жизни», и эвфемизм «овощ», которым почему-то повсеместно называют людей в состоянии паралича, и характеристика «ботаник» в отношении персон, недостаточно приспособленных к

практическим сторонам жизни.) Что касается влияния на растения музыки, то независимо от реалистичности этого «сельскохозяйственного» концепта (и при всей его внешней анекдотичности) он сам по себе знаменует собой некий существенный этап развития представлений человека о мире и о себе, с каковым этапом тесно связано понятие о фитософии.

8.

Фундаментальность флористических понятий в мировой культуре общеизвестна. Достаточно упомянуть архетип Мирового древа — циркумпланетарный мифологический образ вселенского дерева, объединяющего собой все уровни мироздания.

Или, например, образ дриад из древнегреческой мифологии — разумных сущностей, обитающих в деревьях и их персонализирующих. Тема древесных духов и разумных деревьев неожиданно широко актуализирована в XX веке литературой и кинематографом фэнтези, да и в научной фантастике возникает неожиданно ярко (см. напр. знаменитый рассказ Роберта Янга 1959 года «Срубить дерево»).

Или образ райского сада в христианстве — который, казалось бы, тоже лес, однако лес окультуренный. Окультуренный, однако покинутый людьми. Покинутый, потому что они испробовали плод из этого сада. Для какой цели, однако, сад и существует?..

Близки к архетипам по своей универсальности и укорененности в мировой культуре символы, связанные с анатомией растений, с их частями или органами: «дети как цветы», «плоды трудов», «держаться корней» и т. д. Любопытный философский (практически фитософский) анализ корневой/коренной метафорики, в том числе критика «базовой модели странствия человеческой жизни как отрыва от корней и подвязанной к ней идеи, что к корням можно вернуться, припасть и даже прикрепиться заново», представлен в книге Оксаны Тимофеевой «Родина»¹ [Тимофеева

¹ «Представление о том, что у человека есть подлинный, истинный корень, предшествующий всякому движению, в реальности ничему не соответствует.

2020]. Автор применяет аристотелевское представление о трех душах человека (растительной, животной и собственно человеческой) гегелевское определение растения через прикрепленность, а животного — через отрыв от земли, а также концепты детерриториализации и ретерриториализации Делёза и Гваттари.

Как ни странно, вопрос о необходимости специального раздела философии, посвященного осмыслению сущности растений и феноменов растительной жизни, был поставлен лишь совсем недавно.

В своей книге «Растения как личности: философская ботаника» [Hall 2011] философ Мэтью Холл настаивает, что растения должны быть включены в сферу этических отношений человека. Он анализирует связанные с растениями моральные установки в западной философии, противопоставляя их другим мировым традициям, в том числе культурам коренных народов, которые признают растения как личности — то есть активные, разумные существа, достойные уважения и защиты. Свой призыв к этическому осмыслению растений Холл подкрепляет упомянутыми выше нейробиологическими аргументами.

Размышляя о необходимых пролегоменах к фитософии как новой научной дисциплине, название которой «говорит само за себя» (др.-греч. φυτόν «растение» + σοφία «мастерство, мудрость»), в качестве первых ключевых фигур ее истории мы можем назвать, кроме Мэтью Холла, по меньшей мере три существенных имени. Это Лоренц Окен, Владимир Биbihин, Майкл Мардер. (Список, конечно же, неполный, и так или иначе с развитием фитософии он будет расширяться.)

Лоренц Окен (1779–1851), немецко-швейцарский натур-философ и ботаник, специалист по семенным растениям и по микологии, — насколько нам известно, первый автор, предложивший (не позднее 1807 года) термин «фитософия». По Окену, эта дисциплина должна была быть частью не философии, но биологии — наряду с такими разделами,

Мы не стоим на земле подобно деревьям (учитывая, что корень у растений — это аналог головы, держаться корней в буквальном смысле означало бы стоять вверх ногами лицом в земле)».

как органогения и зоософия. Должна была бы, однако дальнейшее развитие науки закрепило, как мы знаем, иную структуру биологических знаний. Термин органогения все же употреблялся в биологии в разной интерпретации еще минимум около столетия. Термины же «зоософия» и «фитософия» были после смерти Окена забыты — если не считать упоминания их в одной из книг [Spencer 1891] британского философа и социолога Герберта Спенсера (1820–1903) в связи с именем Окена и его идеями. Возрождение, в новом осмыслении, понятия «зоософия» началось в 2000 году, со стартом одноименного дискуссионного цикла Крымского геопоэтического клуба, дополненного позже акциями «Кастинг тотемов». А одним из первых после Окена и Спенсера концептуально обоснованных упоминаний фитософии стала лекция «Фитософия и египтяне. Флора сакральная, флора мирская», прочитанная автором статьи в посольстве Египта в Москве 24.01.2020.

Владимир Биbihин (1938–2004) — российский филолог, философ, переводчик. В 1997–1998 годах он читал в МГУ авторский философско-герменевтический курс «Лес (hyle)», где раскрывал различные явления человеческой цивилизации и культуры через образ и понятие леса и другие, связанные с ним. В аннотации к одноименной книге [Биbihин 2011], вышедшей после кончины мыслителя, сказано, в частности: Исследуется лес в истории планеты и человечества. Прослеживаются основания философского понятия материи в опыте неметрического пространства леса. Уточняется отношение мужского начала эйдоса к материи в биологических трактатах Аристотеля... Конструктивно оцениваются перспективы современной этологии. На первый взгляд, поразительно, но образ леса одновременно как пространства (совокупность растений) и как материала (древесина) оказался ключом к постижению всего и вся — от тайн Космоса до человеческих взаимоотношений.

Майкл Мардер (род. 1980) — разработчик принципов «растительного мышления» и философии вегетативной жизни. Профессор философии в Университете Страны Басков в Испании, он работает в феноменологической традиции континентальной философии, экологической мысли и

политической философии. Автор, в частности, книг «Растительное мышление: философия вегетативной жизни» [Marder 2013], «Философское растение: интеллектуальный гербарий» [Marder 2014], «Вегетативная жизнь. Две философские точки зрения» (совместно с Люс Иригарей) [Irigaray 2016], «Зеленая масса: экологическое богословие святой Хильдегарды Бингенской» [Marder 2021]. Мардер участвует в том числе в историческом споре об имманентных правах растений; по Мардеру, идея предоставления прав растениям происходит от субъектности растений, которая отличается от человеческой личности. Перечисленные направления его активности — это, собственно, и есть фитософия в различных ее модификациях.

Реактуализация забытой лексемы, как известно, может превратить ее в неологизм, особенно если новое ее содержание не совпадает с исходным. Поэтому для Словаря XXI века готовится статья о фитософии. Помимо такого (квази?)философского термина, со временем нам понадобятся (а отчасти уже нужны и иногда используются) фитопэтика и фитоэстетика, фитоэтика и фитополитика, фитосемиотика и фитогерметевтика и т. д. Фитопэтика, с учетом принадлежности флоры к ландшафту, может быть в том числе частью геопэтики. Сама же фитософия может иметь подразделы соответственно типам растительности: дендрософия (от др.-греч. δένδρον «дерево»), тамнософия (θάμνος «куст», «кустарник»), ботанософия (βοτάνη в изначальном значении «трава»), и т. д.

9.

Говоря о геопэтике и геопэтах как субъектах геопэтики, в числе классических фигур мы называем выдающегося абхазского прозаика и поэта Даура Зантария¹ [Сид 2017]. Примечательно, что самые известные его прозаические вещи, роман-эпопея «Золотое колесо» и автобиографический рассказ «Конфетное дерево», построены во многом на фитософских (а именно дендрософских) образах и символах. Так, в рассказе «Конфетное дерево» [Зантария

¹ Даур Бадзович Зантария (1953–2001) – абхазский и русский прозаик, поэт, публицист, киносценарист.

2007] автор, описывая родную деревню, сопоставляет воображаемый маршрут по ней с местоположением экзотического дерева из его детства, срубленного много лет назад, но оставшегося невидимым ориентиром памяти. В романе «Золотое колесо» [Зантария 2013] главный герой в путешествии по кавказскому побережью в край своей мечты ночует почему-то на деревьях — как Робинзон Крузо в первые дни на своем острове или герои жюльверновских «Детей капитана Гранта» на южноамериканском отрезке своего кругосветного квеста. Необычный сюжетный элемент (точнее, давно забытая поведенческая модель), возможно, связан с сакральным значением дерева в культуре древних абхазов. Так, захоронение своих покойников они совершали на высоких деревьях.

Однако дело не в этнике, или не только в ней. В этом дендрософском контексте представляется важным упомянуть ближайшего друга и собеседницу Даура, московскую писательницу Марину Москвину. Одна, но яркая деталь: по время нашей с ней поездки в 2015 году на его родину, в связи с его памятью, я несколько раз был свидетелем общения Марины с деревьями.

Собственно, это была форма активной медитации, о которой я ранее только читал. Длилось это каждый раз несколько минут или немногим более. Но меня слегка смущало, что, каким бы ни было очередное дерево, тотчас после объятий с ним на плечо Марины, вращаясь в воздухе, падал сверху одиночный листок. Как меч при акколаде принимаемого в рыцари. Как некий высокий (завидный? горький? но, во всяком случае, уже не тайный) жребий. Как титульный и потому нумерованный лист некой книги.

Впрочем, всё это совершенно не обязательные, легкомысленно-художественные ассоциации. Более обстоятельно высказаться на эти темы сможет когда-нибудь какой-нибудь профессиональный фитософ.

10.

Недавно я общался со своим старым другом, поэтом и переводчиком Виктором Райкиным, который лет тридцать уже живет в Нью-Йорке. Активный путешественник по

тропическим странам, он изучает на себе психологические и иные эффекты от употребления внутрь различных экзотических растений. Виктор объяснил мне, что в Амазонии так называемые *курундерос* (исп. букв. «знахари») являются не просто лекарями, но некими проводниками, Вергилиями в мир айяуаски. Айяуаска (кечуа *ayawaska* «лиана духов», «лиана мертвых»), как известно, название растения и напитка из него, часто с добавлением других растений, концентрирующего в себе их психоактивные свойства. Эти растения вырабатывают энтеогены (от др.-греч. ἔνθεος «вдохновленный божеством, находящийся в экстазе»), вещества, вводящие человека — или помогающие входить — в измененные состояния сознания. То есть, говоря языком теории путешествий, помогающие путешествовать в негеографических, неландшафтных пространствах. «Лиана мертвых способна связывать живого с мертвыми. И действительно, я разговаривал с мамой, умершей, когда мне было девять», — сказал Виктор.

Но если существует профессия курандеро, лоцмана по психоделическим морям, — значит, в морях этих возможны устойчивые маршруты и даже, условно говоря, карты, где могут быть как-то отмечены соответствующие глубины, мели, узости, побережья, континенты, острова?..

Сам я никогда, к огромному сожалению, не испытывал на себе действия никаких энтеогенов, кроме самых банальных для европейской культуры. Пара случайных затяжек конопляного дыма в артистических компаниях не в счет, равно как и советская сигарета без фильтра, также сугубо ради познания тайно выкуренная однажды в пятом классе школы. То и другое я оценил как «биохимически отчетливо не мое». Алкоголь и кофе же, в разумных дозах, стали спутниками на всю жизнь. Первый также с пятого класса — родители угощали нас с сестричкой домашней наливкой за праздничным столом, сейчас же я, в качестве допинга при рабочих перегрузках и, наоборот, седатива при стрессе, предпочитаю рюмку коньяка; с кофе я познакомился в старших классах. Собственно, мои исследования были слишком далеки от проблем психоделии, и я был среднестатистическим потребителем этих продуктов мировой флоры.

Характерно, что в ходе одной только финальной недели работы над данной статьей понадобилось более половины стандартной упаковки молотого кофе. Что говорить, ароматная горячая чашечка и в данный момент стоит на моем письменном столе, а кофеин, или что-то еще, привольно странствует по сосудам моего головного мозга. Есть в этом какой-то странный привкус рекурсии. Или инверсии. Словно, следя за развитием собственной мысли об энтеогене, я одновременно сам нахожусь под его наблюдением.

11.

Мое внимание как дилетанта машинально фокусируется на отчего-то очень важном для самых разных культур элементе табуизации психоделических практик. Почему знания, получаемые в этих практиках, как правило, остаются в узком кругу? Почему широким массам не суждено познакомиться с картами некоторых негеографических пространств? У меня на этот вопрос нет целостного и убедительного ответа.

(Конечно, эзотеричность, оккультность, закрытость от большинства — все это функция времени. То, что эзотерично сегодня, может стать экзотерическим завтра. Помню, как в 1990-е годы, в эпоху срывания всяческих масок и покровов тайн, выходили книги под непреднамеренно потешными названиями, типа «Популярная эзотерика» или «Оккультизм для всех».)

В результате каких-то историко-политических пертурбаций или неведомой мне социально-экономической (?) борьбы многие энтеогены становились и оставались запретными долго или всегда — на Западе, у нас, где угодно. Результат бывает порой сакраментальным. После тысячелетнего запрета и забвения хаомы (сомы) от представления человека об этом мощном энтеогене осталось только название: считается, что никто уже и не помнит, какой именно представитель флоры был его источником.

А например, лофофора Уильямса, ныне запрещенная к разведению и употреблению в США (полностью) и частично в России (не более двух экземпляров на один вигвам), в СССР не была запрещена. И поэт Мирослав Немиров вспоминал, как некий его коллега, будучи в гостях и узнав, что у хозяев среди домашних растений есть лофофора, немедленно этот

кактус съел. О действии мескалина на его товарища мемуарист, правда, умалчивает. Впрочем, герой этой истории и в обычной жизни отличался необычайной раскованностью поведения и свободой мышления, словно был всегда под «Лапофорией Вильямс».

Тема латиноамериканских энтеогенов, между прочим, имплицитно присутствовала в моей жизни с детства. Мой отец, Олег Григорьевич, в 1960-е годы был основателем Клуба кактусистов в городе Днепропетровске. В домашней коллекции суккулентов, собранной им за несколько десятилетий, имела место и лофофора. В течение многих лет, однако, растение росло нетронутым, и научно-технические изобретения, совершённые в этот период отцом, талантливым физиком-термистом, явно с пейотом никак не связаны.

12.

Здесь хочу обратить внимание на еще один, причем весьма странный научный факт. Отчего-то источники почти всех известных на сегодня природных психоактивных веществ — представители флоры (условно включая в нее грибы, об этом см. ниже). К известным на сегодня относительно немногочисленным исключениям, заметим, относятся только низшие беспозвоночные — некоторые губки, и низшие позвоночные — отдельные виды рыб и амфибий. Губки, как известно, по причине их прикрепленности к субстрату очень долго считались растениями и даже некоторое время причислялись к зоофитам («животным-растениям»: др.-греч. ζῳον + φυτόν). Подавляющее число видов животных в мистерии создания для человека веселящих и сносящих ему крышу зелий не участвуют как бы принципиально, — порой довольствуясь, наоборот, участием совместно с человеком в празднике употребления этих зелий. Все мы смеялись (великая сила эмпатии!) над видео про синичек-алкоголичек, пьяных от забродивших на дереве ягод рябины, или читали про ежедневное ведро водки, полагавшееся слону Ивана Грозного — подарку персидского шаха Тахмаспа.

Человек, политическое животное, за компанию с животными неполитическими заточён по одну сторону завесы великой тайны. Созданием зелий для нас с ними занимаются только растения.

Почему так?

Может быть, имеют значение не только галлюцинации и измененные состояния сознания, возникающие при употреблении растительных алкалоидов и иных веществ? Что, если месседжем к нам от мира растений (читай — Одушевленного ландшафта) являются не сами эти образы и состояния, но те каналы, по которым они к нам приходят?

И как тут не вспомнить афористический научный постулат великого Маршалла Маклюэна про «средство коммуникации является сообщением»?

То есть важны не только и не столько сами сигналы к нам от ландшафта — информационные, эмоциональные, образные и пр., — сколько причины этих сигналов, их параметры и механизмы их передачи. Говоря языком информатики — не контент «звонков» к нам, а их метаданные.

Эти «звонки» поступают к нам, судя по всему, с самого нашего появления на Земле, то есть не менее миллиона лет. Но при этом всегда (или почти всегда) воспринимаются не как послание природы, но как ее подарок. Подарок, непонятно чем, но безусловно нами заслуженный — и потому не требующий ни осмысления, ни ответа.

Этот сюжет уже много месяцев не дает мне покоя. Миллион лет упорно буксующего, остающегося односторонним, диалога с нами... Ландшафт, упорно и безуспешно пытающийся с помощью продуктов растительного метаболизма до нас докричаться.

13.

Тему галлюциногенных грибов, имеющую прямое отношение к обсуждаемой здесь проблематике, я не затрагиваю только по причине отсутствия собственного опыта их употребления. Однако хочу напомнить про другое. Про научные гипотезы последних лет о том, что съедаемые людьми грибы, даже самые обычные, а тем более грибы паразитические, поселяющиеся в нашем организме, способны влиять на наше поведение биохимическим путем и, скорее всего, целенаправленно. Идут ли сейчас грибы в наступление или находятся с нами в гомеостатическом равновесии?

Являются ли они в отношении нас только паразитами, или присутствует функция симбиоза?

Насколько феномены мировой цивилизации (да и вся ее история) определяются человеческими потребностями и замыслами, а насколько — потребностями и замыслами управляющих человеком изнутри грибов?

Эта тема может оказаться не слишком близкой к фитософии ввиду разности происхождения растений и грибов: как известно, уже полвека ученые предпочитают говорить о грибах как о третьем царстве живых организмов, отдельно от флоры и фауны. Однако с точки зрения геопоэтики, геокультуры, геоэкономики, геоботаники, биогеоценологии и т. д. грибы, какими бы инопланетными монстрами они в результате дальнейшего изучения ни оказались, — равноправные с растениями участники земного ландшафта.

И, согласно вышесказанному, они являются еще одной веской причиной (и убедительной формой) его одушевленности.

14.

В плане зоософии в последнее десятилетие было высказано предположение о так называемом «зверином повороте» («зоологическом повороте»), переживаемом современной цивилизацией [Сид 2013]. С одной стороны, имеется в виду явственная актуализация феноменов древнего мифологического сознания и мистически окрашенных элементов культуры, связанных с образами и архетипами животных, — анимизма, тотемизма, драконологии и т. д. С другой стороны, речь о заметной интенсификации междисциплинарного научного диалога, посвященного бестиарному дискурсу в культуре. Так, в России научные встречи на эти темы с 2011 года стали регулярными¹. Правомочно ли говорить о подобном явлении в плане фитософии, о некоем растительном повороте в культуре и науке? Вопрос дискуссионный.

В науке сейчас совершенно очевидно развивается фитософский дискурс. Так, некоторые публикации Майкла Мардера и Мэтью Холла имеют признаки активной полемики. В

¹ Ежегодная конференция «Res et Verba» в РГГУ под кураторством Ольги Довгий и Александра Махова.

практической сфере следует отметить признание наконец, на рубеже XXI столетия, флористики, она же фитодизайн, в качестве новой перспективной профессии. Собственно, профессия какое-то время существовала и раньше. Но, скажем, в океанической экспедиции в 1991 году со мной участвовал ботаник-флорист Валерий Снежко, чья кандидатская диссертация по фитодизайну [Снежко 1983] несколькими годами ранее считалась почти революционной. Похожая история происходила с пришедшей с Востока родственной концепцией — даосским фэншюем. Элементарная, как теперь кажется, мысль о том, что расположение растительных организмов в окружающем человека пространстве может существенно влиять на его состояния, на его ментальность и т. д., потребовала от нас для своего усвоения определенного времени и усилий.

Прикладное фитософское явление «следующего поколения» — предложенный в последнее десятилетие японцами метод борьбы со стрессом и утомлением: осознанные прогулки по лесу, получившие название синрин-ёку, буквально «лесные ванны», «омовение лесом» (часто пишется неправильно «шинрин-йоку»). Здесь следует отметить интересную философскую (фитософскую) переключку с традиционной китайской системой стихий У-син. Один из пяти мировых элементов в У-син — это дерево, древесина (Мù). В этом плане, синрин-ёку — инновационная замена водной стихии (для «принятия ванны») на альтернативную, древесную.

Есть легкое (пока что) ощущение, что одушевленный ландшафт, — как некий бибихинский, или, точнее, Бирнамский лес — выдвинулся в мирное (пока что?) наступление на нашу жизнь, занимая в ней всё новые позиции.

Литература

- Бибихин В. В. (2011). Лес (hyle). — СПб.: Наука. — Серия «Слово о сущем», т. 94.
- Зантария Д. (2007). Конфетное дерево // Даур Зантария. Мир за игольным ушком. (Поэзия. Проза. Публицистика. Дневники.) / Сост. В. Зантария, С. Арутюнов. — Сухум.
- Зантария Д. (2013). Золотое колесо. Роман // Даур Зантария. Собрание. Стихотворения, рассказы, повести, роман, публицистика, из дневников / Сост. В. Зантария. — Сухум: Абгосиздат.

- Налимов В. В. (2002). В поисках иных смыслов. — М.: Прогресс, 1993.
- Сид И. Город вечной мечты // Крым. № 1.
- Сид И. (2013). Тотем в русской литературе. Зоопозитика текстов, зоософия сообществ // Бестиарий и стихии: Сб. статей / Сост. А. Л. Львова. — М.: Intrada.
- Сид И. Территория и ландшафт как палимпсест. Макс Волошин, Даур Зантария: геопозеты в «свёрнутом» путешествии. В сб.: Игорь Сид. Геопозитика: пунктир к теории путешествий. — СПб: Алетейя, 2017.
- Снежко В. В. (1983). Декоративные и биоэкологические особенности растений в фитодизайне: диссертация ... кандидата биологических наук: 03.00.05. — Киев. — 235 с.
- Тимофеева О. (2020). Родина. — М.: Сигма.
- Энт А. ван дер (2020). Польдермодель // Словарь культуры XXI века. Первое приближение. — Хапур: Kie Publication, 2020.
- Brenner E. D., Stahlberg R., Mancuso S., Vivanco J., Baluška F., van Volkenburgh E. Plant neurobiology: an integrated view of plant signaling // Trends in Plant Science. Aug. 01, 2006. Volume 11, Issue 8, p. 369–420.
- Darwin C. R. (1880). The power of movement in plants. London: John Murray.
- Gagliano M., Ryan J. C., Vieira P. (2017). The Language of Plants: Science, Philosophy, Literature. University Of Minnesota Press.
- Hall M. (2011). Plants as Persons: A Philosophical Botany. SUNY Press.
- Irigaray L., Marder M. (2016). Through Vegetal Being: Two Philosophical Perspectives. New York: Columbia University Press.
- Marder M. (2013). New York: Plant-Thinking: A Philosophy of Vegetal Life. Columbia University Press.
- Marder M. (2014). The Philosopher's Plant: An Intellectual Herbarium. New York: Columbia University Press.
- Marder M. (2021). Green Mass: The Ecological Theology of St. Hildegard of Bingen. Stanford University Press.
- Spencer H. (1891). Essays: Scientific, Political, and Speculative, vol. 3
- Tompkins P., Bird C. (1973). The Secret Life of Plants. Harper & Row.
- Zaraska M. (2017). Can Plants Hear? Flora may be able to detect the sounds of flowing water or munching insects. Scientific American, May 17.

Справка об авторе: Игорь Олегович Сид — эссеист, антрополог, теоретик и практик геопозитики, участник разработки теории путешествий, куратор проекта «Зоософия», инициатор проекта и составитель Словаря культуры XXI века. madagasid@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЖИВАЯ ПРОСТРАНСТВО МЕЖДУ (введение)	5
ТЕОРИЯ	11
<i>Березин С. В.</i> Пространство и время «Я»	11
<i>Каганский В. Л.</i> Очерк феноменологии культурного ландшафта	26
<i>Капцевич О. А.</i> Визуальная среда природы и города	52
<i>Белорусец А. С.</i> Символический диалог человека и мира в ландшафтной аналитике: путь от интроекции к интериоризации	63
<i>Родоман Б. Б.</i> Ландшафт и личность: от присвоения к отдаче	80
ПРАКТИКА	83
<i>Конопельцева Ю. В.</i> Ландшафтная аналитика с собаками — окно в мир активного воображения	83
<i>Анисимова Е. А.</i> Терапия с лошадьми или ипповенция. Лошадь как проводник к себе настоящему	95
<i>Старухина А. Е.</i> Стратегии выбора партнера в условиях неопределенности на примере похода в пещеру	98
<i>Андропов В. С.</i> Организация психотерапевтических путешествий, выбор и построение маршрута	105
КУЛЬТУРА	109
<i>Айламазьян А. М.</i> Музыкально-пластическая импровизация как движение в пространстве музыкальных смыслов	109
<i>Ташкеева Е. И.</i> Амфитеатр под открытым небом: пространство обретения души	121
<i>Молина Л. В.</i> Музыкальная реконструкция исторического ландшафта	138

<i>Синицына Т.А.</i> Живые ландшафты и навигаторы театрального действия. Заметки актера	146
Я	158
<i>И.Ф.</i> Зимняя ландшафтная аналитика	158
<i>Березин С.В.</i> Пешком по жизни	166
<i>Пчельникова О.Г.</i> КАК ЭТО РАБОТАЕТ, или ДВЕРЬ НА ЛУГУ	170
<i>Власова М.А.</i> Опыт жизни в измененном пространстве	175
<i>Белорусец А.С.</i> Vivat RAAAF	178
ДОКУМЕНТЫ.	
Феномен границы в культуре, в межличностных отношениях и бытии личности. Стенограмма круглого стола 12.09.2020 г.	181
ОТЧЕТЫ О КОНФЕРЕНЦИИ	
«Психотерапевтические путешествия: теория и практика»	197
ОТЧЕТЫ О КОНФЕРЕНЦИИ	
«Одушевленный ландшафт. Развитие человека и территории»	203
ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ	
«Психотерапевтические путешествия: теория и практика» (Самара-Подгоры, 8–9 июня 2019 года)	209
ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ	
«Одушевленный ландшафт: развитие человека и территории» (Нечаевские выселки, 11–13 сентября 2020 года)	213
ABSTRACTS	222
<i>Петровский В.А.</i> ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.	230
POSTSCRIPTUM. <i>Сид И.О.</i> Одушевлённый ландшафт: пролегомены к фитософии.	232

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЕТЕЙЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ

в Санкт-Петербурге:

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»
Санкт-Петербург, Литейный пр., 57 (с 10:00 до 22:00)
8 (812) 273 50 53 www.podpisnie.ru
.....

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ВСЕ СВОБОДНЫ»
Санкт-Петербург, ул. Некрасова, 23 (с 12:00 до 22:00)
8 (911) 977 40 47 www.vse-svobodny.com
.....

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ»
Санкт-Петербург, Невский пр., 66 (с 10:00 до 22:00)
8 (812) 640 44 06 www.lavkapisateley.spb.ru
.....

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «СЛОВО»
Санкт-Петербург, ул. Малая Конюшенная, 9 (с 11:00 до 20:00)
8 (812) 571 20 75, 8 (812) 312 52 00 www.slovo.net.ru
.....

.....
**ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ «НЕВСКИЙ, 177»**
Санкт-Петербург, Невский пр., 177 (с 10:00 до 20:00)
8 (812) 643 77 43 www.vk.com/dpcspbe
.....

в Москве:

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА»
Москва, ул. Тверская, д. 8, стр. 1 (с 09:00 до 24:00)
8 (495) 629 64 83, 8 (495) 797 87 17 www.moscowbooks.ru
.....

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ФАЛАНСТЕР»
Москва, Малый Пнездниковский пер., 12/27 (с 11:00 до 20:00)
8 (495) 749 57 21, 8 (495) 629 88 21 www.falanster.ru
.....

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ЦИОЛКОВСКИЙ»
Москва, Пятницкий пер., 8 (с 11:00 до 22:00)
8 (495) 951 19 02 www.primuzee.ru
.....

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «БУКВЫШКА»
Москва, ул. Мясницкая, 20 (пн.–пт. с 10:00 до 20:00, сб. с 10:00 до 19:00)
8 (495) 621 49 66, 8 (495) 628 29 60 www.bookshop.hse.ru
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «БИБЛИО-ГЛОБУС»
Москва, Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 1 (пн.–пт. с 9:00 до 22:00, сб.–вс. с 10:00 до 21:00)
www.biblio-globus.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «У КЕНТАВРА»
Москва, ул. Чайнова, 15 (пн.–пт. с 10:00 до 19:30, сб. с 10:00 до 17:00)
8 (495) 250-65-46 www.rsuh.ru/kentavr

.....
в Минске, Киеве, Варшаве, Риге:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ЭПОСЕРВИС»
Минск, ул. Казинца, 123, оф. 4
+375 17 338 95 23 www.tregross.com

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «КНИЖНЫЙ БУМ»
Киев, Вербовая ул., 8 (вт.–вс. с 11:00 до 17:30)
+38 067 273-50-10 www.academbook.com.ua

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН при «Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego w Warszawie»
Ptasia 4, 00-138 Warszawa
+48 22 826 17 36 www.jezykrosyjski.com.pl

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «Intelektuāla grāmata»
Kr. Barona iela 45/47, Rīga (пн.–пт. с 10:30 до 19:00, сб. с 11:00 до 18:00)
+371 67315727 www.merion.lv

.....
Электронные книги:

ДИРЕКТ-МЕДИА www.directmedia.ru
ЛИТРЕС www.litres.ru

.....
Интернет-магазины:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА» www.moscowbooks.ru
OZON www.ozon.ru
NATASHA KOZMENKO BOOKSELLERS www.nkbooksellers.com
ESTERUM www.esterum.com
БУКВОЕД www.bookvoed.ru
ЧИТАЙ ГОРОД www.chitai-gorod.ru
MY-SHOP.RU www.my-shop.ru
КНИЖНЫЙ БУМ www.academbook.com.ua

ОДУШЕВЛЕННЫЙ ЛАНДШАФТ

Главный редактор издательства
Игорь Александрович Савкин

Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *Н. Н. Орловская*
Корректор *Д. Ю. Былинкина*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»

Заказ книг: тел. +7 (921) 951-98-99,
e-mail: fempro@yandex.ru, Савкина Татьяна Михайловна
192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 86 А, оф. 536, 532

Редакция:
e-mail: aletheia92@mail.ru

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
«Фаланстер», М. Гнезниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16
Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6
Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru

«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97

в Киеве:

«Книжный бум». Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:

«Трэгросс-Бук», ул. Казинца, д. 123, оф. 4.

Тел. +37 517 338 95 23, www.tregross.com

в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,
ul. Ptasia 4. Тел. +48 (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl

в Риге:

«Intelektuāla grāmata»

Rīga, Kr. Varona iela 45/47. Тел. +371 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88 1/8. Усл. печ. л. 15,9. Печать офсетная.

Заказ №